Б-817

Е 41/135

ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ

БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ДЕЛА В 1905—1907 гг.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

1933

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ

Е41/135 К.Р.51/6

Большевистские издательские дела в 1905—1907 гг.

мои воспоминания

ЛОИЗ—1933

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ _____
г.

БИБЛИОТЕКА
2662
1 III 1933

Ответ. редактор: М. Федоров.
Сдано в набор 10/VII 1932 г.
ЛОИЗ № 6 бум. листов
Ленгорлит № 52614

Техредактор: Л. Вакуленко.
Подписано к печати 21/XI 1932 г.
Формат 62 × 94 Колич. печ. зн. в листе 160.000.
Заказ № 7293. Тираж 3000 экз.

Тип. им. Володарского. Ленинград. Фонтанка 57.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатели не должны предъявлять к этой моей работе требования исчерпывающего исследования по вопросу „Большевистские издательские дела в 1905 — 1907 гг.“ Я писал ее в плане моих личных воспоминаний о той партийной работе, которую мне с товарищами в те времена поручила большевистская часть ЦК партии, с полного согласия и настойчивого желания Владимира Ильича. По этому же вопросу, конечно, следовало бы поработать еще и еще, охватив и подвергнув тщательному исследованию все другие наши партийные, полупартийные и попутнические издательства того времени, возникавшие и делавшие свою полезную работу, в провинции особенно. Тема эта обширна, богата материалами и подлежит дальнейшему исследованию, изучению и разработке.

Я постарался в предлагаемой книге отобразить ту реальную действительность, в переживании которой я принимал деятельное участие. Жизнь тогда кипела и била полным ключом. Наша практическая работа происходила в многогранно преломляющейся причудливой обстановке, сочной, возбужденной, революционно-общественной жизни только что решительно пробудившейся к широкой политической деятельности нашей необъятной страны. Старое, казалось, отжившее, возрождалось, вновь накатывалось на новое, только что расцветшее было и снова затаптываемое дворянско-военно-помещичьим сапогом думского озверелого столыпинского правительства.

Борьба между революционерами и правительством шла отчаянная. Пролетариат крепко держал в своих руках красное знамя революции. Правительство напрягало все силы, чтобы подавить до конца этот новый, юный класс, уверенно вышедший на аван-сцену революционной, классовой и партийной борьбы.

Вся наша жизнь ломалась. Вчерашние, казалось, крепкие устои старого порядка сегодня колебались, давая широкие трещины, которые мы всемерно стремились расширить нашей неустанной революционно-классовой большевистской социалдемократической работой. Все это красочно отражалось и в нашей партийной издательской работе. Вот именно все это, вместе взятое, мне и хотелось изобразить в моих очерках, захватывающих и деловую

работу, и быт, и нравы того времени, и наши партийные задачи на этом фронте, и некоторые моменты идейной борьбы и, наконец, нашу партийную организацию в этой области.

В эпоху первой русской революции революционно-классовые силы вдруг так обильно и так сильно забили, везде и всюду выводя на арену борьбы все новые и новые слои населения, что старому самодержавному аппарату власти было нередко не под силу справиться с этой колоссальной мощью все более и более крепнувшего „внутреннего врага". Обаяние бескорыстной и самоотверженной борьбы революционеров той эпохи и революционного фабрично-заводского пролетариата, в частности и в особенности, настолько было сильно, что, казалось, ничто не могло устоять перед все более и более растущим авторитетом Совета рабочих депутатов, перед авторитетом боевого передового отряда пролетариата — нашей могучей социалдемократической рабочей партии, как в то время мы назывались.

Мы всюду и везде, организовывая собственные ряды, всей нашей кипучей работой вносили глубокое разложение в стан наших заклятых врагов, заставляя колебаться даже тех, на кого мы могли менее всего рассчитывать. Всеобщая забастовка, провозглашенная в октябре 1905 г., была действительно всеобщей. Бастовали не только рабочие, не только служащие многообразных частных предприятий, — что ранее очень редко бывало, — бастовали чиновники государственной службы, связанные особо сильной служебно-принудительной дисциплиной, где всякий подобный протест карался уголовным законом как измена государственной присяги и долгу царской службы. И несмотря на это бастовали чиновники Государственного банка, государственного контроля, почты, телеграфа, различных министерств и государственных учреждений. Я помню, как тогда мы все ждали окончательного решения: присоединятся ли эти учреждения к общему революционному пролетарскому лозунгу того времени, к всеобщей забастовке. Для нас это было мерилом того могучего влияния, которое все более и более завоевывал и проявлял герой первой русской революции — рабочий класс, который в решительные моменты революционных событий 1905 г. подчинял себе все соседние временно-попутнические и даже по существу классово-враждебные группы, которые однако на ближнем этапе имели одну цель — бить по самодержанию. И революционный пролетариат, верный тактике Владимира Ильича для того времени, провозгласившего, что надо „вместе бить, но врозь итти", действительно, где только можно, повсюду со всеми вместе „бил" царское правительство и „врозь шел" для дальнейшей своей классовой, революционно-социалистической борьбы. Влияние всеобщей забастовки, колоссальных невиданных доселе мирных и вооруженных демонстраций, вольной социалистической прессы, миллионов брошюр и книг, которые издавались повсюду, уличных и иных митингов и собраний, различных выступлений, захват типографий и выпуск

совершенно свободных газет, крепкая организация профессиональных союзов и партий, наконец, все подъемное настроение этой эпохи, — все это сделало то, что явное разложение и нарушение старой царской дисциплины проникло в такие темные и застойные углы нашей жизни, где, кажется, никогда ранее не чувствовалось дуновения свежего ветра борьбы. В суде наряду с явно черносотенными элементами проявилось сильное, вполне ощутимое расслоение, которое дало сейчас же себя знать в ряде особенностей, смягчений и поблажек на следствии и в суде. Трижды ощутив это на себе самом, я попытался описать мои судебные наблюдения, изобразив их в живых типах Крашенинникова, Руадзе, Камышанского, Александрова и других. В стенах суда мы все, волей-неволей долгое время присутствовавшие там в качестве подследственных и подсудимых, явно замечали глухую вражду между собой судейских групп, в настроении которых отражались и политические убеждения махровых черносотенных монархистов, типичным представителем которых был старший председатель судебной палаты Крашенинников, растрелянный во время нашей Октябрьской революции, и влияние конституционно-демократической партии, которая стояла на принципах проведения в практику судебных уставов Александра II с введением в них некоторых добавлений как результат конституционных завоеваний 1905 г. (например, возможность отказа от присяги на суде и пр.). Педантическим и настойчивым проводителем этих взглядов, несомненно более выгодных для революционеров, чем черносотенные, в Петербурге был между другими второй председатель судебной палаты Руадзе, под председательством которого, в чем я трижды убедился на своем собственном опыте, политические дела, особенно касающиеся печати, проходили гораздо более мягко.

Дыхание свободы проникло в это заскорузлое ведомство и делало здесь некоторое время свое полезное дело, так что при наступлении жесточайшей реакции Столыпина Щегловитову и Крашенинникову пришло ь напряженно вычищать свое „развратившееся“ ведомство, прежде чем вновь его наладить при помощи военных, административных судов и судов судебных палат на нужный лад столыпинских виселиц, каторжных тюрем, ссылок и заключений.

Всего характерней было тогда наблюдать, как микроб революции со всех сторон проникал в ряды наружной полиции, которая в силу своих прямых обязанностей более всего постоянно, изо дня в день, соприкасалась с огромными, колоссальными рабочими массами — и революционеров, и стачечников, и забастовщиков, и демонстрантов. Наружная полиция буквально изнемогала от безусловно непосильной в то время для нее задачи всех хватать, арестовывать, сажать, обыскивать. Поднялось на активный протест такое великое множество людей, что силы царской полиции оказались совершенно ничтожными. Порядок на улице во время демонстраций, во время торжественных демонстративных похорон

(например, похороны тов. Баумана), всегда охранялся самими демонстрантами, а полиция в это время просто исчезала, или присоединялась к демонстрантам, или уныло плелась в хвосте необозримых стотысячных процессий. Такое разложение наружной полиции особенно сильно заметно было в 1906 г. Примеры этого знаменательного и неоспоримого факта мы приводим в нашей работе. Уже Дурново стал менять кадры наружной полиции и дворников вскоре после революции 17 октября 1905 г. Столыпин проделал это усиленным темпом, сотнями выгоняя „развращенных" революцией и набирая вновь по строго классовому принципу: в городовые, в тюремные надзиратели и на пр. и т. п. места, брал он по преимуществу кулаков, пострадавших от аграрного движения в деревнях, околоточные надзиратели формировались из жандармов, фельдфебелей и унтерофицеров, оставшихся на повторительную службу, при чем отдавалось особое преимущество прошедшим зверскую палаческую школу унтер-офицерских батальонов, набивших руку в расстрелах демонстрантов в течение 1905 г. Эта классово-подобранная полиция и тюремная охрана, вновь сорганизованная в 1906—1907 гг., произвела именно все те ужасы нападений, избиений, расстрелов, повешиваний в полицейских частях и всех и всяческих издевательств, которыми так богаты эти времена белого террора расходившейся контр-революции 1906 и ближайших последующих лет.

В наших очерках мы правдиво описали действительно полное разложение петербургской полиции, которое произошло на наших глазах под могучим, неотразимым воздействием все изменявших, ломавших и перерабатывавших огромных сил первой русской революции.

Наша борьба того времени, переливавшаяся из форм легальных в формы нелегальные, особенно на фронте производства наших изданий и книг, совершенно естественно заставляла очень часто соприкасаться нас с теми, кто столыпинской конституционно-самодержавной властью были поставлены в качестве бессменных наблюдателей за всеми нашими действиями и поступками, кто, как настоящий наш классовый враг, должен был подстерегать нас на каждом шагу, чтобы давить, душить, преследовать во благо и на радость проклятому вновь ожившему царизму, военщине, помещикам, жандармерии, поповщине и капиталистам. Мы должны были приспособляться к этим новым условиям, изменять тактику и стратегию действия, твердо помня, что мы должны во что бы то ни стало добиться раз намеченной цели и пользуясь всеми средствами в борьбе, однако нигде не перешагнуть грань дозволенного нашей строгой революционной, марксистской, пролетарской этикой. Ведя здесь, на этом порученном мне партией фронте, ответственную борьбу и находясь в самых первейших ее рядах, я постоянно чувствовал огромную ответственность перед лицом Партии, перед лицом нашей большевистской части ЦК, наконец, лично перед Владимиром Ильичем. И я всегда взвешивал, что

можно и что нельзя делать нам, революционным социалдемократам, именно здесь на этой скользкой почве, где можно было всегда поскользнуться и перейти грань допустимого. Я всегда чувствовал себя окруженным огненным кольцом строгой партийной этики, которое перешагнуть я не имею права, я не хочу и не могу. Я отлично знал, что в нашей борьбе, после революции 1905 г., в виду наступившей страшной реакции, борьбе гибкой и изворотливой, без компромисса не проживешь. Надо было знать, надо было чувствовать границы возможного, пределы этого компромисса. Я отлично знал, что вот это я должен сделать, вот это могу, это еще сделаю с трудом, а вот это — никогда и ни под каким видом. Здесь именно та огненная черта, которую я не должен переходить и не перейду никогда.

У нас в Партии не было писаной этики, но вся наша давнишняя конспиративная борьба, вся наша революционная подпольная деятельность, опиравшаяся на такую же работу предыдущих поколений, выработала в наших рядах общественное революционное мнение, которое было для нас не писаным, но ясно ощущаемым законом, прекрасно понимаемым всеми и каждым настоящим революционером-профессионалом, настоящим подпольщиком нашего времени. В порученной нам работе создавались новые обстоятельства и нам волей-неволей приходилось соприкасаться с наружной полицией, дворниками, инспекцией градоначальства и его чиновниками, переживать обыски, таскаться по судам и следствиям, захватывать типографии, выставлять подставных лиц, давать фальшивые адреса, подделывать паспорта, применять различные меры, чтобы разложить сторожившую нас полицию, следить и выслеживать подозрительных лиц, применять к ним жестокие меры, до террора включительно. Само собой разумеется, вся эта работа могла проделываться нами лишь с глубоким сознанием правоты нашего общего дела, той необходимо-классовой цели, к которой мы настойчиво и твердо шли, того великого дела Партии, для которого и ради которого каждый из нас всегда готов был отдать все, что имел самое святое и драгоценное, будь эта сама честь, достоинство и жизнь наша.

Для нас, закаленных в принципах нашей победной пролетарской правды, вся эта внешность, вся эта мишура были ничтожны. Прибегая ко всем этим способам борьбы, мы отлично знали им их цену и считали их тем неизбежным злом, той данью старому режиму, всему укладу старого общества, которое требовало от нас этой жертвы, и через нее, разлагаясь, ветшало и расшатывалось.

Мы знали наперед, что наши „дары“ всем этим чиновникам градоначальства, инспекции по делам печати, приставам наружной полиции, — будь это деньги, коньяк или угощенье, — все несомненно „дары данайцев“: они были всегда отравлены. Эти „дары“ давали нам возможность делать и проводить в жизнь то необходимое партийное дело, которое мы были призваны делать. Для нас эти компромиссные средства было ничто, это был способ заманить,

оглушить, парализовать, уничтожить врага. Для них, для наших врагов, это была корыстная приманка, на которую они охотно „клевали" и благодаря которой они сами развращались, разлагались, продавали и топили то свое собственное дело, которое было поручено им их хозяевами: и их правительством, и их царем, и его министрами, которых они продавали оптом и в розницу на каждом шагу, везде и всюду. Мы отлично знали, что революцию в белых перчатках совершить нельзя, и мы смело делали то, что нам классово было выгодно, нужно и необходимо. Служители же царской власти, попадавшиеся нам на удочку, пренебрегавшие своими обязанностями под действием своекорыстного интереса, падая со ступеньки на ступеньку, затрудняли работу своего собственного правительства, вносили известную долю дезорганизации в его ряды, растлевали свой собственный государственный аппарат, подготовляли и приближали гибель и самих себя и своих самонадеянных и самовластных хозяев.

Мы прекрасно понимали, что эта опасная игра не могла долго продолжаться. Мы знали, что так или иначе и охранное отделение и департамент полиции, вполне уцелевшие в своей внутренней организации во время революционного шквала 1905 г., должны будут натолкнуться на эти явления и, конечно, сейчас же переорганизуются, почему мы и спешили с нашей полулегальной деятельностью, заранее приготовляясь и к закрытию и к арестам. Мы решили драться на этом фронте до последней возможности, но в то же время подготовляли переход нашего дела, с одной стороны, на нелегальное положение, с другой — передавали его в иные руки, распространяли запасы нашей литературы по нелегальным организациям нашей партии, переводя товарищей на другие партийные работы, переносили ряд дел в другие наши организации.

Само собой понятно, что вся эта наша деятельность требовала особо сильной партийной закалки, дисциплинированности и выдержанности. Около нее должны были стоять такие товарищи, в которых можно было быть вполне уверенными и в их принципиальной стойкости и в безусловной честности, обладавших негнущейся волей, для которых все низменные обстоятельства, с которыми им приходилось сталкиваться, были сущими пустяками, не могущими коснуться их глубоко принципиальной, революционно-партийной жизни и деятельности. Только таким людям Партия могла доверить это опасное, но весьма нужное и важное дело.

Мне пришлось более двух лет вариться в самой гуще этого дела, и я думаю, что для истории нашей партийной борьбы будет полезно написать подробный очерк всей этой нашей деятельности, не скрывая ничего, ибо лучшим героем всех воспоминаний всегда бывает чистая, ничем не прикрытая, незавуалированная п р а в д а, п р а в д а д о к о н ц а, со всеми ее положительными и отрицательными сторонами. Пусть кто хочет делает из нее любые выводы, морализирует, упрекает, восторгается, критикует. Мы наверное знали, что делали наше дело от Партии, для Партии и во имя

Партии, стремясь во всей нашей борьбе к единой цели — к победе во что бы то ни стало пролетариата над всем современным буржуазным обществом, для утверждения диктатуры пролетариата как необходимого могучего этапа в борьбе за организацию социалистического общества за полное уничтожение классов.

Эта наша партийная борьба увенчалась полным успехом в великую Октябрьскую революцию, в которой несомненно сказалась вся предыдущая борьба нашей Партии и борьба 1905 — 1907 гг. в частности и в особенности.

И эта единая цель была нам во всей нашей жизни путеводной звездой, ярко освещавшей нам путь во всех стадиях, состояниях и перипетиях нашей революционной пролетарской партийной большевистской борьбы.

Я выбрал манеру воспоминаний для изображения всего этого периода нашей партийной деятельности. Эта манера, мне свойственная, дает возможность наибольшего привлечения всех изобразительных средств для рассказа о той интересной, полной жизненности, борьбы и страсти эпохи начала XX века — эпохи первой русской революции. Как удалось мне выполнить взятую на себя задачу — судить не мне. Я счастлив, что могу еще и еще раз поделиться о былых днях нашей партийной работы, которую все мы выполняли всегда с безграничной преданностью к нашей большевисткой Партии и ее бессменному вождю — Владимиру Ильичу, крепко державшему в своих могучих руках социалистическое знамя нашей пролетарской борьбы, знамя нашей Партии.

I

Когда грянула первая октябрьская революция 1905 г. и когда царское самодержавное правительство, под революционным натиском масс, поджало хвост и присмирело, пролетариат России тотчас же везде и всюду подал свой мощный голос через сотни газет, возникших почти в каждом городе нашей страны. Первой нашей газетой в Петербурге была „Новая жизнь“ [1], которая возникла еще до приезда Владимира Ильича из-за границы. Она была основана радикальной интеллигенцией. Официальным редактором-издателем ее был поэт Н. М. Минский, а издательницей — М. Ф. Андреева, жена А. М. Горького. Во главе газеты в качестве действительного ее редактора стоял Петр Петрович Румянцев, старый социалдемекрат, примыкавший в то время к большевикам, участвовавший в нашей нелегальной работе еще до октябрьских событий 1905 г. и приезжавший в Женеву на третий съезд нашей партии, где он был выбран в ЦК.

Ранее, в девяностых годах, он был в ссылке, потом пошел по пути легального марксизма. В 1904 — 1905 гг. вновь примкнул к нашим рядам, чтобы вновь отойти от них всерьез и надолго с наступлением реакционного периода 1907 — 1908 гг. Кончил он свою жизнь эмигрантом в Берлине, куда убежал от Октябрьской революции 1917 г.

Одна из заслуг его заключалась в том, что в 1895 г. он перевел книжку Карла Маркса, „К критике политической экономии“ с знаменитым предисловием К. Маркса. Эту книжку издал в том же году пишущий эти строки. Русский перевод этого труда К. Маркса в свое время был единственным изданием его, имевшимся в продаже во всем мире, ибо немецкое издание было тогда исключительной библиографической редкостью, а на других языках его тоже не было. И именно этот знаменательный по тому времени факт был отмечен Петром Лавровичем Лавровым в Париже, когда я в 1896 г., приехав к нему знакомиться, преподнес ему

[1] В настоящее время все номера этой газеты переизданы Истпартом, отделом ЦК ВКП(б) по изучению истории октябрьской революции и ВКП(б) под заглавием: „Новая жизнь“, первая легальная с.-д. большевистская газета, I—VI вып. Издательство „Прибой“, Ленинград, 1926 г.

экземпляр этой книжки К. Маркса на русском языке в моем издании.

— Марксисты начинают энергично действовать как в легальных, так и в нелегальных формах. Жизнь толкает их на это. Я предвижу громадный расцвет рабочего движения и социалдемократии в России, — сказал мне этот ветеран народнического движения, европейски образованный его теоретик.

И он не ошибся: рабочее движение развивалось, пролетариат зашагал действительно семимильными шагами.

До приезда Владимира Ильича газета „Новая жизнь", хотя и носила марксистскую внешность, была все-таки сильно разбавлена радикализмом демократической интеллигенции, и Владимиру Ильичу пришлось много бороться за ее очищение и приведение в теоретический порядок. Идейные наши враги того времени и, конечно, меньшевики прежде всего и больше всего, шипели со всех сторон на Владимира Ильича, желая скомпрометировать его указаниями на то, что он стал руководить газетой, где были в редакции не пролетарские, чуждые нам элементы. Эти глупенькие, мелкие люди не понимали того, что Владимир Ильич вместе со своими ближайшими товарищами, раз он вошел в редакцию, конечно, все должен был переделать по-своему, по-большевистски. Самое главное в такое горячее время — необходимо было иметь орган, через который можно было бы громко говорить с пролетарской массой. И Владимир Ильич говорил с ней полным голосом, шедшим вразрез с примиренческой позицией меньшевиков.

Приехав в Петербург из-за границы, я в первые же часы своего приезда был в редакции газеты „Новая жизнь", куда я пошел вместе с В. В. Воровским. Здесь мы встретились с Владимиром Ильичем, который был крайне озабочен. Я давно не видал его столь взволнованным, усталым и глубоко задумчивым. Я заметил после, что именно это выражение его лица и особенно глаз, говорящего, делающего распоряжения, но думающего какую-то глубокую, ни для кого недоступную думу, точно что-то там внутри его творилось, созидалось ему одному ведомое, — всегда было перед большими поворотными общественно-политическими событиями; накануне новых его решений, новых его обобщений, новых писаний, освещавших дальнейший путь нашей партийной жизни. Он после такого созерцания всей глубины общественно-революционного бытия творил беспрерывно, что называется, запоем и после этого — обновленный и освеженный — твердо, уверенно шел по вновь намеченному, решенному пути, никогда не сбиваясь с шагу. Он, как всегда, весьма заботливо встретил меня, расспросил о Женеве, откуда я только что приехал, о заграничных делах об арестованной Вере Михайловне[1], о моей дочери Леле, которая находилась где-то у знакомых в Петербурге.

---

[1] В. М. Величкина-Бонч-Бруевич, моя жена, была в то время арестована на заседании Совета Рабочих Депутатов в 1905 г.

Сказал, чтобы я сообщил ему обязательно, где она, когда я ее отыщу, как-будто ему только и было дела, чтобы думать о полуторагодовалом ребенке. И все это, как всегда, не для слова, а серьезно, с повторением до мелочей всего, что делать, как быть. Сейчас же осведомился он у меня, чем думаю заняться по партийной работе. Рассказал и показал все в редакции нашей новой газеты, гордо заявив, что это, пожалуй, покрупней, чем в Женеве. Я ему сказал, что и дороже, что масса лишних расходов, что редактировать газету Петр Петрович и его сотрудники могут не в кабинете ресторана Палкина, проедая каждый день по 25 рублей, а здесь, в одной из комнат, за стаканом чая.

— Вы точно это знаете? — сейчас же переспросил он меня насторожившись.

— Да, — ответил я.

— Это нельзя, это безобразие, это нас компрометирует. Рабочие в этом не нуждаются. Это мы сейчас же прекратим. Ах, эти радикалишки, — бросил он несомненно по адресу П. П. Румянцева, которого недолюбливал.

Владимир Ильич весь ушел в работу газеты „Новая жизнь", и эта наша первая легальная газета сделалась вскоре главным штабом пролетарской революционной работы того времени. Владимир Ильич, принимая самое живейшее участие в деятельности ЦК нашей партии, руководя Петербургским комитетом и всем пролетарским движением нашей страны, в то же время много писал по насущным вопросам того времени. Несмотря на всю занятость он, кроме того, отдавал много времени самой организации газеты, ее хозяйству, ее редактированию и обращал особое внимание на внутренний ее отдел, тщательно читая все, что для него поступило в редакцию. Он считал, что пролетарская свободная печать является одним из главнейших завоеваний революции 1905 г.

— И к этому одному из важнейших завоеваний, — говорил он, — мы должны относиться особенно бережно.

Безусловная, щепетильная, точная правда; факты, десять раз проверенные; сведения точные; цитаты и цифры правильные — вот то, что должно всегда быть в каждой самой небольшой корреспонденции. „Плохо, — говорил он, — если про наши газеты пройдет слава, которая раньше была про календари. Помните: „все врут календари".

Мне, работающему в газетах и в качестве корреспондента, обозревателя, фельетониста и редактора вот уже более тридцати лет, выпало на долю то большое счастье, что некоторое время эта моя работа протекала под наблюдением такого несравненного редактора, которым всегда был В. И. Ленин. И те заветы, которые он положил при газетной работе в нелегальных и легальных изданиях, по моему мнению, столь нужны и важны для всей нашей современной пролетарской печати, что хочется хоть в нескольких словах поделиться ими с товарищами и собратиями по перу.

Владимир Ильич всегда почти все прочитывал сам, что шло в номер газеты, или доверял это чтение особо ответственным товарищам. Его всегда беспокоило: нет ли чего-либо неверного в статье или в корреспонденции? Если автор был недостаточно известен, он обязательно проверял сам или поручал кому-либо проверить цитаты, на выборку цифры, сам подсчитывал статистические таблицы и пр. и нередко открывал ужасающие ошибки. Щепетильный до мелочей в правильности перевода с иностранных языков, он требовал четкости языка, и, если встречалось какое-либо слово или выражение, которое может иметь другое значение или придать другой смысл, он нередко ставил в скобках это слово или выражение на том иностранном языке, с которого делается перевод.

Но особенно его всегда озабочивали корреспонденции о нашей внутренней российской жизни. С необыкновенным чутьем он улавливал фальшь в сообщениях и все сколько-нибудь подозрительное в смысле правдивости тотчас же выкидывал. Даже в нелегальные времена он поручал проверять наиболее важные сообщения и требовал от товарищей, живших нелегально в России, доставать всевозможные документы, на точном основании которых писал сам, и поручал другим писать руководящие статьи.

Так, в начале 1905 г., когда наступили волнения и правительство Николая II задумало ряд куцых реформ, он поручил мне, ехавшему в Россию на нелегальную работу, обязательно раздобыть многочисленные записки, постановления министерств, земств, городских самоуправлений, обществ и пр., которые ему нужны были для проверки поступавших сообщений в нашу женевскую газету „Вперед“ и для написания новых статей, предисловий и пр. Мне удалось это выполнить. Я никогда не забуду, как Владимир Ильич в буквальном смысле слово „пушил“ одного из наших корреспондентов, приехавшего в Женеву с юга России и описавшего как очевидец демонстрацию, а после оказалось, что он многое преувеличил, напутал и сообщил неверно. Владимир Ильич заявил ему, что он таким образом обманул его лично, редакцию газеты „Вперед“, нашу Партию, весь пролетариат России, западно-европейскую рабочую прессу, „Интернационал“ и пр. и пр., и выходило так, что этот обман распространяется теперь, можно сказать, на всю вселенную и что он, этот товарищ, достоин всяческого порицания. И Владимир Ильич очень долго почти не разговаривал с ним.

В „Новой жизни“ он был особенно озабочен внутренним отделом и корреспонденциями и все время предупреждал товарищей, что надо сугубо осторожно относиться к этим сведениям от кого бы они ни исходили, проверять на месте и заверять вполне достоверными показаниями. И если бы вы видели, как он торжествовал, когда тотчас же обнаружилось, что три четверти сообщений были неправильными, преувеличенными, ложными, выдуманными, где нередко сводились личные счеты, практиковалось подслужи-

вание, доносительство, подкапывание и иные самые гнусные цели. Тут только все поняли это удивительное провидение, чутье к правде и в легальной газетной работе, которые так ясно и резко проявил Владимир Ильич и в этом, казалось, совершенно новом для него деле, в совершенно исключительной обстановке. Он хотел, чтобы и в провинции все проверялось особо уполномоченными, доверенными лицами, а по особо важным сообщениям он хотел посылать проверку из Питера.

— Никакой беды нет, — говорил он, — если подождем напечатать два-три дня, но зато напечатаем настоящую правду, а это будет важней некоторого опоздания.

И, конечно, он сто раз был прав.

Если ему приходилось слышать упреки, что напечатано что-либо неверно, он тотчас же предлагал напечатать опровержение, разъяснение, но требовал представить точные факты и доказательства.

В революционные эпохи значимость печатного слова особенно велика, и в то же время, по русской пословице: „Слово не воробей, вылетит — не поймаешь". И по одному уж поэтому надо крайне осторожно обращаться с печатным словом и помнить раз и навсегда, что пролетарское слово должно быть всегда самой истиной.

После разгрома московского восстания царское конституционное правительство перешло от обороны к нападению и тотчас же закрыло газету „Новая жизнь". П. П. Румянцев и после закрытия выпустил демонстративно один номер — последний номер — газеты, жизнь которой на этом закончилась. Охранное отделение разгромило редакцию, арестовало многих сотрудников, запечатало экспедицию и конфисковало все материалы и запасы газетных номеров. Владимир Ильич был уже в это время нелегальным. Он скрылся и переехал в Финляндию, поселившись на станции Куоккола, на вилле Ваза, откуда нередко наезжал нелегально в Петербург

II

По возвращении из эмиграции в ноябре 1905 г., после того как я ликвидировал все порученные мне дела Партии в Женеве [1] и присмотревшись в Петербурге ко всем партийным делам, мне скоро стало ясно, что нам, нашей Партии, нельзя никак обойтись без книгоиздательского центра. К этому времени многие частные издательства стали особенно сильно интересоваться социалдемократической литературой и были не прочь напечатать те или другие наши брошюры и даже книги, так как литература этого рода очень сильно спрашивалась и хорошо распространялась. К таким издательствам относились: „Буревестник" в Одессе, „Молот" в Петербурге, „Вперед" в Одессе. В Петербурге издательство „Знание", находившееся под руководством А. М. Горького, по предложению членов ЦК РСДРП большевиков Л. Б. Красина и П. П. Румянцева, согласилось организовать у себя большой общественный отдел, с главным его редактором — большевиком того времени Петром Петровичем Румянцевым.

В числе сотрудников этого отдела издательства „Знание" были приглашены следующие товарищи из наших большевистских литературных кадров: 1) В. М. Величкина (Бонч-Бруевич), 2) Л. К. Громозова, 3) В. В. Воровский (Орловский), 4) А. В. Луначарский, 5) И. И. Степанов (Скворцов), 6) Я. М. Свердлов (Михайлович), 7) Сомов, 8) М. С. Ольминский, 9) Радомысльский (Зиновьев), 10) П. П. Румянцев, 11) В. И. Ленин, 12) Шлихтер, 13) И. П. Гольденберг (Мышковский), 14) В. Ногин, 15) Н. Алексеев и др. В эту же серию („Дешевая библиотека" товарищества „Знание") были приняты к изданию книги: Финна-Енотаевского, кратковременно примыкавшего тогда к большевикам, меньшевика-примиренца Л. Клейнборта, всегда общавшегося с представителями обоих лагерей, С. Гуревича, входившего ранее в группу Рязанова—Стеклова, а потом вскоре совершенно присоединившегося к меньшевикам, и Рейснера, занимавшего тогда неопределенную позицию,

[1] Об этом см. мою брошюру „Как печаталась за границей и тайно доставлялись в России запрещенные издания нашей партии", 2-е изд. Кооперативного издательства „Жизнь и Знание", Москва, 1927 г. и мою брошюру „На славном посту" (Памяти В. В. Воровского), изд. 2-е того же издательства.

и о впоследствии, после Октябрьской революции, примкнувшего к большевикам. Социалдемократические издания „Знания“ пользовались большой популярностью среди наших рядов. Цензура вскоре начала их преследовать и конфисковала брошюры: Маркса и Энгельса — Манифест коммунистической партии, А. Бебеля — Постоянная армия и народная милиция, С. Михайловича (Я. И. Свердлова) — Что такое рабочая партия. Л. Клейнборта — Капитализм и еврейский вопрос, П. Лафарга и Ж. Геда — Программа рабочей партии. Однако директору-распорядителю т-ва „Знание“ К. П. Пятницкому удалось все эти издания, в том числе и конфискованные, сохранить в своих огромных складах в Кокоревском подворье, залож в конфискованные книги вполне легальными, где они и долежались до Февральской революции, когда их быстро раскупили наши райо ные организации и когда через наше партийное издательство „Жизнь и Знание“, помещавшееся в 1917 г. в Петрограде, в Поварском пер., д. № 10, прошло их десятки тысяч экземпляров, купленных нами на краткосрочные векселя.

Несмотря на существование этих, а также и на ряд других подобных издательств, все это было не то, что действительно нужно было нашей Партии. Мы хорошо знали, что большинство из этих издательств сейчас же пойдут на попятный, как только реакция проявится вновь в достаточной силе. Кроме того, мы хорошо знали, что ни одно из этих издательств не пожелает рисковать собой, своим коммерческим делом во имя издания тех или других партийных брошюр, которые нам как Партии, были очень необходимы, а им как частным издателям очень невыгодны и даже вредны.

Появление у них подобных партийных изданий должно было навлечь всяческие подозрения со стороны цензуры, охранного отделения и жандармских властей. Еще некоторая надежда была у нас на „Знание“. Но мы прекрасно давали себе отчет в том, что и оно тоже не станет в конечном счете рисковать всем своим огромным делом из-за партийной необходимости. И действительно, оно вскоре прекратило печатание брошюр и книг „Дешевой библиотеки“, при чем целый ряд уже принятых рукописей остался у них в портфеле неизданными. П. П. Румянцев прекратил свою редакторскую работу, и прием новых рукописей этого отдела издательства „Знание“ был остановлен. Одним словом, нам необходимо нужно было свое партийное издательство и свой партийный книгоиздательский и книгораспространительский центр.

Задумано — сделано.

В этих целях, в поисках за средствами, в конце 1905 г., в последних числах декабря я вместе с нашим товарищем Н. Чужаком (Наумовичем) отправился к моей знакомой О. А. Мухиной, с которой я познакомился через соц.-дем. И. Я. Львова, приехавшего из Великого Устюга. Через А. В. Луначарского, знавшего

его еще со времени давнишней ссылки, он сблизился с нашей Партией, заявив нам, что он давно считал себя тайным социал-демократом и всегда, чем мог, помогал нам в провинции и что теперь он хочет открыть в Петербурге типографию исключительно для того, чтобы под своим легальным именем дать возможность Партии и именно ее большевистской части, печатать все то, что она найдет нужным. Это нам было очень на руку и было принято с удовлетворением. Посоветовавшись с Никитичем (Л. Б. Красиным), который ведал в то время всей нашей большевистской партийной практической и финансовой частью, а также осведомив обо всем Владимира Ильича, я получил директиву большевистской части Центрального Комитета присматривать за этим делом и стараться организовать его таким образом, чтобы оно могло быстро расшириться, раз в этом явится нужда. Вместе с этим я получил предупреждение от Красина, что денег в кассе у нас очень мало и что на это дело надо всемерно их раздобывать.

Прошу читателей помнить, что во всей этой моей работе, когда я говорю о „нашем Ц. К.", я подразумеваю ту большевистскую часть общего Ц.К., бывшего тогда в сущности меньшевистским, которая вошла в объединенный Ц. К., выбранный на четвертом, объединенном Стокгольмском съезде. Надо здесь решительно отметить, что эти выборы „объединенного", а в сущности, по большинству голосов, меньшевистского Ц. К., на наши большевистские дела как таковые не имели почти никакого влияния. Мы отнюдь не разоружились как самостоятельная сильная революционная фракция. Наоборот, мы вновь насторожились, совершенно не доверяя меньшевикам. Вся наша практическая деятельность протекала под непосредственным контролем и руководством Владимира Ильича Ленина. Мы, большевики, везде и всюду вели свою революционную линию и свою обособленную организацию. Владимир Ильич ни на минуту не прекращал полемики с меньшевиками. То же самое было и во всей нашей агитационно-пропагандистской деятельности. Само собой понятно, что и в партийных издательских делах мы твердо стояли на наших старых женевских позициях. Мы существовали отдельно, и вся наша деятельность была сопряжена с нашим большевистским центром, который продолжал для нас существовать беспрерывно, и этот центр был, конечно, вокруг Владимира Ильича. Большевистская часть Петербургского комитета также всегда собиралась отдельно, являясь на общее („объединенное") собрание комитета как компактное единое целое с определенными директивами от большевистской части Ц. К., которая нередко собиралась у Владимира Ильича в Куоккала или в Петербурге, куда он приезжал.

Я бывал вместе с Львовым у О. А. Мухиной, которая держала на Мойке большой меблированный дом. Она оказывала уже нам неоднократно содействие в прописке наших нелегальных, а в том числе и Надежды Константиновны Крупской, которая

жила некоторое время в этих меблированных комнатах. Она также давала нам возможность скрывать в ее трехъэтажном доме наши транспорты литературы и оружия. Зная все это, я решил откровенно поговорить с ней о нашей партийно-издательской нужде.

Ольга Александровна Мухина всегда принимала нас, приходящих к ней, самым радушным образом. Она проявляла особую заботливость о каждом товарище, с которым ей приходилось сталкиваться. Ей всегда казалось, что мы все голодные, холодные, уставшие, и потому она не знала, как усадить нас в своих мягких креслах, и тотчас же всегда давала распоряжение подать завтрак, обед или ужин, смотря по времени, когда мы к ней заходили. Так случилось и здесь. Не успели мы оглянуться, как уже несли на подносе два великолепных, громадных бифштекса, поповарски приготовленных. Ольга Александровна предложила „откушать". Я стал выкладывать все аргументы, не обращая внимания на еду, твердо решив убедить Ольгу Александровну в необходимости создать иллюстрированный журнал для распространения его в широких массах, говоря, что приступить к его организации надо немедленно. Я в сущности еще очень мало знал О. А. Мухину и был с ней знаком едва ли с месяц, в который несколько раз имел случай говорить о современном движении, а также об издательстве книг для широких масс. И мне было совершенно неизвестно, как отнесется она к этому новому делу. Вот почему я решил атаковать ее из всех сил и сейчас же, немедленно реализовать то предложение, которое я ей делал. К моему великому удовольствию, Ольга Александровна очень быстро усвоила все то, что я говорил ей, и выразила полное сочувствие и согласие на издание такого журнала.

Мы посидели у нее еще с часок, выпили хорошего пахучего кофе, и, дружески распрощавшись, откланялись.

— Ну, однако, вы серьезно двинулись в атаку, — сказал мне Чужак, выходя на улицу и одобрительно посматривая на меня. — Совсем я не ожидал, что так все будет. Славная женщина и как радушно принимает!

Мы быстро шли по Невскому. Сейчас же отыскали Львова, передали ему весь разговор и направили его к Мухиной, чтобы он ковал железо, пока горячо, и продумывал план организации партийной типографии.

Так началось это наше новое дело. В этот же день к вечеру я опять встретился с Львовым, который подтвердил мне полное желание Ольги Александровны сейчас же начать издание журнала и организацию типографии, и сообщил, что она хочет, если это потребуется, выдать завтра же пять тысяч рублей.

Нам вовсе не нужны были такие деньги, потому что мы наверное знали, что журнал окупит себя и покроет минимальные редакционные расходы: оплату авторам, а также расходы на бумагу и типографию. Мы сильно рассчитывали на розничную продажу номеров.

Но нам нужно было создать свою собственную типографию, где бы мы могли распоряжаться так, как это было нам нужно, и большую часть этих денег было предложено затратить на организацию такой типографии под фирмой И. Я. Львова. Он быстро получил разрешение от градоначальника на открытие типографии. Мы приобрели в Петербурге небольшую старую типографию, да он привез свои старые машины из Великого Устюга. Дело, таким образом, быстро наладилось и закипело во всю.

Когда Владимир Ильич узнал, что мы уже имеем здесь в Петербурге свою типографию и что мы хотим организовать журнал, он очень этому обрадовался, а я ему добавил, что как только журнал чуть станет на ноги, то мы сейчас же начнем издавать брошюры и книги, которые нужны будут нашему Центральному Комитету партии. Это еще более понравилось Владимиру Ильичу, так как в то время газета „Новая жизнь" уже дышала на ладан и совершенно было ясно, что дни ее сочтены. Повсюду стало веять все более и более надвигавшейся реакцией.

Центральный Комитет партии назначил меня ответственным секретарем нового журнала „Наша мысль", и я как таковой вошел в его редакцию на правах редактора. Другими редакторами были назначены: И. П. Гольденберг (Мешковский) и столь прославившийся впоследствии Григорий Алексинский. Кроме того, в редакцию входили: М. Ольминский, П. Орловский и Н. Чужак. К нашей молодой редакции сейчас же примкнули: Анна Ильинична Елизарова (Ульянова), Вера Михайловна Величкина (Бонч-Бруевич). Из беллетристов откликнулись Е. Н. Чириков и С. И. Гусев-Оренбургский, а также обещали свое безусловное сотрудничество А. М. Горький и Скиталец. Эти имена уже давали нам полную надежду на то, что мы будем иметь достаточное количество хорошей беллетристики, которая привлечет к себе массового читателя. Нам нужно было сделать наш журнал иллюстрированным, и вот здесь мы встретили большое затруднение: у нас не было достаточных связей среди художников, да и оплачивать рисунки мы еще почти что не могли. Однако к нам пришел единственный в то время пролетарский художник, который нарисовал несколько прекрасных [1] иллюстраций. Мы решили их печатать. Одну из них успели поместить в журнале „Наша мысль". Называлась она „К Свободе!" Кроме того, иллюстративный материал мы стали извлекать из всевозможных иностранных журналов и репродукций. Особенно нам были полезны издания немецкого социалдемократа Дитца, который в своих образцово изданных каталогах помещал очень хорошие рисунки из жизни Французской революции и Коммуны, а в его журналах постоянно мы находили нужные нам картины из жизни рабочего класса. Кроме того, я вывез с собой из-за границы прекрасные альбомы карт и Великой Французской

[1] См. № 5 журнала „Наша мысль", стр. 9.

революции [1] и Парижской Коммуны [2], которыми мы также решили пользоваться для перепечатки иллюстраций в нашем журнале.

Наша редакция и наша типография поместились на Литейном проспекте, д. № 60. После мы сообразили, что наш дом бок-о-бок прилегал к дому, где жил обер-прокурор святейшего синода, известный реакционер и друг трех императоров, К. П. Победоносцев. Это маленькое обстоятельство доставило нам много неприятностей, так как подозрительные агенты охранного отделения, когда разузнали, кто мы такие, сейчас же подумали, что мы поселились именно для того, чтобы проникнуть в дом Победоносцева и взорвать этого старикашку.

Посещения полиции для нас были очень неприятны, так как типография работала не только легальные заказы, но выполняла многое и другое, что нам было нужно, а выход из нашего дома был только один и, стало быть, достаточно было запереть ворота, как мы все должны были очутиться в ловушке. Эти конспиративные соображения не давали нам покоя, и мы вскоре решили, что нам придется при первой возможности переезжать в другое место. Но этого не пришлось нам сделать, так как охранное отделение и департамент полиции гораздо скорее, чем мы думали, постарались нас уничтожить.

---

[1] Armand Dayot. — La Révolution Française. Constituante — Législative — Convention — Directoire. D'après de peintures, sculptures, gravures, médailles, objects... du temps. Paris. Ernest Flammarion, éditeur. 425 pages.

[2] Armand Dayot. L'invasion. Le siège 1870. La Commune 1871. Ernest Flammarion, éditeur, Paris. 364 pages.

III

Мы решили создать журнал очень дешевый. Достаточно сказать, что с доставкой в Петербурге цена за год была назначена 1 руб. 50 коп., а без доставки — 1 руб. С пересылкой в провинцию на год — 2 руб., при чем журнал должен был выходить регулярно — раз в неделю.

Наша редакция занимала очень маленькое помещение — в две комнаты и кухню, которые были связаны одним коридором. Постоянным непременным членом нашей социалдемократической хозяйственной коллегии был Миша Юров, молодой плотник, костромич, который пришел к нам от революции. Мы его все очень полюбили, занимались с ним, и он стал верным стражем нашего дела. С тех пор он получил такую прекрасную революционную закваску, что и в настоящее время находится в рядах Коммунистической партии и работает изо всех сил по своей специальности для преуспевания нашего общего социалистического строительства. Он же у нас был главным заведующим нашей экспедиции, и его осаждали сотни мальчиков-разносчиков, которые приходили к нему за получением номеров нашего небольшого журнальчика.

Первый выпуск (№ 1—2) „Нашей мысли“, который стоил в розничной продаже 8 коп., включал в себя 26 больших страниц in 4°, при чем он набран был в две колонки.

Весело было у нас в редакции. Просто, без всякого бюрократизма и работоспособно. Часов в 12 начиналась у нас работа и продолжалась каждый день до 4 или до 5 часов дня. Здесь перебывало у нас очень много литераторов и среди них и наши ближайшие товарищи по женевскому „Вперед“ и „Пролетарию“, и беллетристы, жившие в то время в Петербурге, и рабочие корреспонденты, которые после первого номера со всех сторон гурьбой шли к нам, несли свои корреспонденции, свои заявления, различные статьи, рассказы, стихи и пр. тому подобные произведения рабочего пера.

Содержание № 1—2 было следующее:

1. Передовая. — 2. От рабства к свободе. **И. Г—г.** — 3. Государственная дума. **П. Орловского.** — 4. Разорение России. **П. П.** — 5. На рубеже. **М. Ольминского.** — 6. „В сумерках .....“ (стихотворение). **Н. Воронцова.** — 7. Жертва (картина). — 8. Передовой пост (рассказ). **Е. Яшнова.** — 9. Рудники (стихотворение). **Н. Воронцова.**—

10. В сугробах (рассказ). **Н. Новича.** — 11. В ожидании. **В. Бонч-Бруевича.** — 12. Литературные беседы. Пролетариат и художественная литература. **Г. Алексинского.** — 13. Беглые заметки. **И. Львова.** — 14. Очерки провинциальной жизни. Деревенские картинки. **Н. Чужака.** — 15. По России. В южной деревне. **Т—ко.** — 16. Профессиональное движение в России. О всероссийском учительском союзе. 17. Иностранное обозрение. **Ю. А.** — 18. Библиография. Современный переворот в книжном деле. **Г. А.**

Передовая написана была Гр. Алексинским; статья „От рабства к свободе", подписанная И. Г—г. принадлежала перу И. П. Гольденберга; статья „Государственная дума", подписанная П. Орловским, написана В. В. Воровским; статья „Разорение России", подписанная П. П., принадлежала Петру Петровичу Румянцеву.

Поэт Н. Воронцов и беллетрист Е. Яшнов и Н. Нович были теми новыми нашими сотрудниками, которые выделились из петербургских авторов, попутчиков социалдемократов этой эпохи. Иностранное обозрение было подписано Ю. А.; это был Юлий Адамович, т. е. тот же В. В. Воровский. В отделе библиографии была помещена заметка: „Современный переворот в книжном деле", подписанная Г. А. — это был Григорий Алексинский. Сейчас не помню, кто кроется под псевдонимом Т-ко, давший корреспонденцию, под заглавием „В южной деревне".

Единственная картина в № 1—2, озаглавленная „Жертва", нами была взята из каталога иллюстрированных изданий Дитца. Она изображала эпизод из жизни рабочих, которые хоронили молодого товарища, погибшего на фабрике. Старый рабочий возмущенно грозит кулаком в сторону леса труб, дымившихся на заводах предместья города. Картина эта произвела хорошее впечатление в наших рабочих кругах. Нам о ней писали сочувственные письма, чутко понимая и переживая то, что в нее вложил немного сантиментальный немецкий художник.

Первый номер „Нашей мысли" мы напечатали по тому времени в очень большом количестве, т. е. 50 тысяч экземпляров. Для того чтобы привлечь возможно большее число подписчиков, мы связались с теми артелями газетчиков, которые продавали газеты в рабочих районах, и дело наше пошло блестяще: первый номер не продавался, а раскватывался. В то время Невский проспект представлял изумительную картину: эта колоссальная улица кишела народом, и среди беспрерывно движущейся ленты людей шныряли во все стороны мальчишки, продававшие газеты и журналы. Эти петербургские гамены почему-то полюбили нашу простую редакцию, а Миша Юров с ними настолько подружился, что каждому из них, на свой страх и риск, открыл кредит не более рубля. Они разбирали у него тысячи номеров нашего журнала. И что удивительнее всего, ни один из них не обсчитал Мишу Юрова, и даже когда наш журнал был закрыт, все пришли и принесли свои деньги. К 5-му номеру Миша Юров уже делал значительно бо́льший кредит, но ни в коем случае не допускал его увеличения более трех рублей. Сначала он запи-

сывал эти долги, а потом нашел, что это ни к чему, только трата времени и бумаги. Я спросил у него, почему он этого не делает?

— А для чего это нужно делать? Только бумагу портить, — ответил он мне. — Мы тут свои, а ребята это все наши, никто из них нас не обманет.

И действительно, никто не обманул. Так что бухгалтерия наша была очень проста. Мы в конторе имели одного счетовода, который точно учитывал все номера, и он диву давался, как это у нашего Миши все всегда правильно, и точно и ясно.

Первый номер у нас вышел с опозданием на 20 дней, т. е. вместо 1 января, он появился в свет 21 января. Это произошло исключительно по техническим условиям, так как к этому времени не успели еще развернуть типографию, и мы должны были дать в № 1—2 от редакции маленькую заметку, где писали:

„Вынужденные по техническим условиям выйти в свет не 1-го, а 21 января, мы выпускаем первый и второй номер вместе".

Следующий номер, третий, мы также сдвоили и выпустили его как № 3 — 4 за 8 коп., но уже 7 февраля, т. е. мы почти догнали срок выхода.

Чтобы еще более усилить подписку на наш журнал, я разослал письмо нашим читателям, русским, оставшимся жить за границей как в Европе, так и в Америке, а также переселившимся туда, бежавшим от царского гнета и преследований, многим сектантам, с которыми я поддерживал переписку. Это письмо на бланке редакции еженедельного научного и литературного иллюстрированного журнала „Наша мысль", было следующего содержания:

Редакция
еженедельного научного и
литературного иллюстри-
рованного журнала
„Наша мысль"
Петербург. Литейный 60, кв. 9,
1 февраля 1906 г.

Посылаю Вам пробный номер нашего журнала. Желающие подписаться пусть вышлют 1 доллар 20 центов — это подписная плата за год.

Журнал будет выходить каждую субботу.

Подписную плату просим высылать или деньгами в заказных и денежных пакетах, или почтовыми переводами.

Посылаемые объявления просим широко распространить среди американских поселенцев, читающих по-русски.

Секретарь редакции **Владимир Бонч-Бруевич.**

На обороте этого циркулярного письма были приложены условия подписки на журнал „Наша мысль", сообщена его программа и содержание уже вышедшего № 1 — 2.

Мы вскоре стали получать довольно значительное количество долларов из Америки, особенно от духоборцев, и переводы из Румынии, Болгарии, Германии и Франции. Это все были подпис-

чики, которые ранее читали наши газеты и журналы, выходившие в Женеве, но которые не смогли по разным обстоятельствам и причинам вернуться после революции 1905 г. к себе на родину. Когда на номере пятом наш журнал был закрыт, то всем этим подписчикам мы выслали на оставшуюся за нами сумму наши издания, которые стали скоро выходить: „Библиотека наших читателей“ заменила „Нашу мысль“.

Содержание журнала „Наша мысль“ № 3—4 было следующее:

1. Передовица. — 2. От рабства к свободе. **И. Г-г.** — 3. За работой (рассказ). **Зигмунта Недзвецкого** (перевод с польского). — 4. Праведный суд (Песня ткачей). **К. Левого.** — 5. Карл Маркс (Биографический очерк). **А. Е.** — 6. Портрет Карла Маркса. — 7. Освобождение рабочих — дело самих рабочих. **Красова.** — 8. „Стихает тяжкий гул борьбы“... (стихотворение). **Л. М. Василевского.** — 8. Картина из рабочей жизни. — 10. Местное самоуправление и народные нужды. **Б. Веселовского.** — 11. Из впечатлений на съезде конституционалистов-демократов. **С. Т.** — 12. „Карманьола“. **И. Г-г.** — 13. Картина „Карманьола“. — 14. Три волны (Общий очерк рабочего движения). **А. Дубровского.** — 15. Литературные беседы. О помолодевшем Коняге. **Г. Алексинского.** — 16. Из практики борьбы с крамолой. — 17. Из жизни страны. На военном положении. **Н. Ч.** — 18. Гомель. (Письмо очевидца). **Е. С-ева.** — 19. Письмо в редакцию. **Г. М.**

Передовица была написана Г. А. Алексинским; И. П. Гольденберг продолжил свой очерк „От рабства к свободе“; перевод рассказа Зигмуда Недзведского нам сделал П. П. Румянцев, который хорошо знал польский язык, так что даже свой перевод известного труда К. Маркса „Zur Kritik der Politische Oekonomie“ [1], который, я издал в Москве еще в 1896 году, он перевел с польского. Редактор этой работы А. А. Мануйлов сравнил его перевод с немецким текстом и, конечно, обнаружил довольно большое количество неточностей и ошибок, им же тщательно исправленных. Биографический очерк К. Маркса, подписанный инициалами А. Е., был написан Анной Ильиничной Елизаровой-Ульяновой. К этому номеру нам принес свою статью Б. Веселовский „Местное самоуправление и народные нужды“. Он был меньшевиком левого крыла и всегда хотел принимать и нередко принимал участие в большевистских периодоческих изданиях. Подпись под картиной „Карманьола“ сделал Иосиф Гольденберг. „На военном положении“ написал Н. Чужак. Остальные подписи под корреспонденциями и другие псевдонимы пока сейчас раскрыть не могу, ибо не помню, кого под ними разуметь.

В этом номере, в качестве иллюстративного материала, мы дали очень хороший портрет Карла Маркса; снимок с картины „Карманьола“, весьма удачно объясненной Гольденбергом в его

[1] Карл Маркс. — К критике политической экономии. Перевод с немецкого П. П. Румянцева, под редакцией А. А. Мануйлова. Издание Владимира Бонч-Бруевича. Москва, 1896 г., цена 1 р. 35 коп. (I и II изд.), 163 стр. Склад издания в книжном магазине „Русская мысль“. Москва, Большая Никитская, уг. Леонтьевского пер., д. № 2—24.

заметке того же наименования, и, наконец, третья картина изображала громадную демонстрацию рабочих, на которую звал агитатор семью старого рабочего, еще не присоединившегося к движению; под этой картиной, которая занимала целую страницу, была сделана нами лаконическая надпись „Присоединяйтесь!“ Вот именно она-то и возмутила охранников и департамент полиции, который счел нужным реагировать на смелое заявление нашего журнала. Представитель охранки объяснял судебному следователю, что, „нельзя было допускать, чтобы продолжались демонстрации и чтобы к ним звали присоединяться тех, кто оставался лойяльным законным властям“.

В этом 3—4 номере „Нашей мысли“ была также статья Г. Алексинского „О помолодевшем коняге“.

Эта первая из литературных бесед, которые он хотел давать в каждом номере нашего журнала. „Помолодевший коняга“ до такой степени был неприятен властям предержащим,—ибо здесь аллегорически говорилось о восставшем повсюду крестьянстве,—что еле успели мы выпустить № 5 журнала, который вышел 17 февраля 1906 г., как получили предписание от градоначальника, что мы закрыты и дело наше передано судебно-следственным властям. Мы все-таки успели распространить отпечатанный № 5, который был интересен по своему содержанию. В нем мы поместили следующие статьи:

1. Передовая.—2. Политическое пробуждение английских рабочих **Н. Алексеева**.—3. „И снова и снова“... (стихотворение) **Л. М. Василевского**.—4. Заметки переводчика. **Евгения Чирикова**.—5. „К народу...“ (стихотворение) **К. Левого**.—6. Спорное дело. Рассказ **С. Гусева-Оренбургского**.—7. К свободе! (картина).—8. Литературные беседы („Былое“) **М. Ольминского**.—9. Из жизни страны (1. Рабочее и профессиональное движение. 2. Крестьянское движение. 3. В армии).—10. Из Прибалтийского края. **П-ой**.—11. Почтовый ящик.—12. От редакции.

Здесь мы видим уже новых авторов: наш старый товарищ Н. А. Алексеев, дает нам статью „Политическое пробуждение английских рабочих“; Евгений Чириков дал нам вольный перевод с примечаниями из Бёрне, при чем в этих примечаниях он язвительно высмеивал наступившую реакцию; С. Гусев-Оренбургский дал нам рассказ „Спорное дело“, ранее напечатанный за границей в социалдемократическом журнале „Жизнь“, № 2, май 1902, где его фамилия была заменена псевдонимом „С. Лебедев“. М. Ольминский напечатал в „Литературных беседах“ обозрение („Былое“), посвященное истории освободительного движения, а в отделе „Из жизни страны“ мы уже поместили целый ряд новых корреспонденций, которые стали приходить к нам со всех сторон. В этом последнем номере нашем мы поместили следующую заметку от редакции:

„В 10 ч. вечера 9 февраля в помещение типографии и редакции „Нашей мысли“ явилась полиция и в отсутствии владельца типографии и представителей конторы или редакции увезла из помещения

находившиеся там экземпляры № 3—4 „Нашей мысли“. При этом набор номера был полицией рассыпан, и часть шрифта оказалась попорченной.

Обязательства по отношению к заказчикам и подписчикам „Нашей мысли“, по доставке № 3—4 редакцией не могут быть выполнены“.

Само собой понятно, что на самом деле „обязательства по отношению к заказчикам и подписчикам“ по доставке № 3—4 нами давным-давно были выполнены, так как этот номер журнала мы успели разослать. Мы должны были сделать это заявление от редакции для того, чтобы снять или уменьшить ответственность нашего официального издателя И. Львова и ответственного перед правительством редактора А. Циммермана, которым предстояло судиться за этот наш журнал.

IV

Когда закрыли журнал „Наша мысль“, мы все-таки решили как-нибудь продолжать наше дело и поэтому подали заявку на издание нового журнала под названием „Библиотека наших читателей“, редакция которого помещалась там же, на Литейном 60, кв. 9, где раньше была редакция журнала „Наша мысль“. Мы считали это наше издание как бы продолжением так скоро погибшего журнала, объявили на него подписку и опубликовали его программу. Редактором-издательницей этого журнала нами была приглашена В. Арнольд.

Как в самых книжках, так и отдельными листками мы распространяли уведомление об этом нашем новом журнале и в нем сообщали:

„ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на еженедельный, иллюстрированный, научный и литературный журнал

„Библиотека наших читателей“.

С. Петербург. Литейный 60, кв. 9

В ЖУРНАЛЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕЛЫ“: 1) статьи по вопросам научного социализма; 2) очерки борьбы и жизни российского и западно-европейского пролетариата и крестьянства; 3) портреты и биографии выдающихся политических деятелей; 4) статьи по вопросам текущей политики; 5) беллетристика (рассказы, стихотворения и т. п.); 6) литературные беседы; 7) очерки из общественной жизни страны; 8) очерки провинциальной жизни; 9) очерки профессионального движения; 10) из жизни политических партий; 11) библиография.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Без доставки в Петербурге на год . . . . . 1 р. — к.	С перес. в провинц. и за границу на год . . . . . 2 р. — к.
С доставкой в Петербурге . . 1 „ 50 „	С перес. в провинц. и заграницу на полгода . 1 „ — „

ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ МОЖНО ВЫСЫЛАТЬ ПОЧТОВЫМИ МАРКАМИ.

Объявления за строку петита: на второй странице обложки . .	75 к.
позади текста, а также на третьей и четвертой стр. обложки .	50 „
банковые и акционерные предприятия	35 „
предложение труда	5 „

Годовые и многоразовые объявления по соглашению.

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА открыты ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, от 1 ч. до 4 час. дня.

Редактор-издательница В. Арнольд“.

Мы уже тогда были достаточно предусмотрительны, если не по своему личному опыту, то по опыту других изданий и решили сейчас же сделать заявки на целый ряд журналов, чтобы, как только закроют один, мы могли издавать другой. Мы изменили формат нашего журнала, перешли на брошюрный и предполагали в каждой книжечке его давать те или другие статьи наших ближайших товарищей, откинув помещение иллюстраций, или во всяком случае, не считая это для себя обязательным, но в то же время мы хотели продолжать издание наших картин.

В номер первый нашего нового журнала входили две статьи П. Орловского: первая — „Кадеты в Думе“ и вторая — „Возникновение рабочего класса“. В брошюре всего было 32 страницы, и стоила она 7 коп. № 1 „Библиотеки наших читателей“ вышел 26 апреля 1906 г.

К этому времени у нас на средства нашей Партии была уже организована громадная типография „Дело“, которая называлась: „Электропечатня Т-ва „Дело“, Фонтанка, 96, в Петербурге, и мы, конечно, отдавали все наши заказы в эту нашу собственную типографию, которая сослужила огромную службу делу пропаганды наших взглядов. В эту типографию влилась и типография И. Я. Львова.

Чтобы придать нашим этим книжечкам вид журнала, мы на последних двух страницах:—31-й и 32-й—помещали объявления, при чем на 31-й странице мы давали объявление о нашем же журнале, а на 32-й—объявления тех журналов и газет, которые пожелали войти с нами в обмен объявлениями. Так, в № 1 мы поместили объявление о журнале „Вестник знания“, „Приказчик“ и „Сельско-хозяйственный листок“.

Этот новый наш журнал „Библиотека нашего читателя“ вышел в свет всего в двух номерах, а именно: номером первым уже упомянутая нами книжечка Орловского, а под номером вторым вышел сборник, в который входили рассказы: 1. **П. Милозич.** Агашин конец. 2. Стихотворения **Д. Ш., Ал. Белозерова** и **Е. Чернского. З. А. Окулов.** Там на углу. Сборник второй был посвящен московским событиям. Цена его была 5 к. Это был один из первых литературных откликов на московское вооруженное восстание.

Мы вскоре сами перестали издавать этот наш новый журнал. Мы перешли на общий тип брошюр и книг, однако имея его всегда в запасе на случай, если нам пришлось бы возобновить такой тип издания. Кстати сказать, и в дальнейшем, когда у нас было уже издательство „Вперед“, мы держались такой же тактики и все время старались иметь несколько разрешений на издание журналов. Так, та же редактор-издательница Арнольд сделала в свое время для нас заявку на журнал „Жизнь“, о котором мы стали печатать объявление в наших же книжечках издания „Вперед“. Например, на книжке Кармен „За что?“, на странице 16, находим это объявление. Считаем необходимым его здесь привести почти полностью, чтобы видеть тот состав сотрудников, который был сорганизован нами для таких предприятий.

В первой половине июля начнет выходить журнал „Жизнь“.

(С. Петербург, Караванная д. 9, кв. 19) [1].

УЧАСТИЕ В ЖУРНАЛЕ ПРИНИМАЮТ: Гр. Алексинский, Н. Алексеев, В. Базаров, А. Богданов, В. Бонч-Бруевич, Дм. Васильев, В. Величкина, А. Вольский, И. Гольденберг, С. Григорьев, Ж. Гэд (Франция), М. Горький, Ю. Каменев, К. Каутский (Германия), Отто Ланг (Швейцария), Н. Ленин, П. Лафарг (Франция), В. Линдов, А. Луначарский, Поль Луи (Франция), М. Ольминский, П. Орловский, А. Павлович, С. Петров, Н. Рожков, Н. Романов, П. Румянцев, А. Свидерский, Т. Семенов, Скиталец, Ев. Чириков, Н. Чужак, А. Финн-Енотаевский, Ев. Яшнов и др.

РЕДАКЦИЯ открыта ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней, от 1 до 3 часов пополудни. ПОДПИСКА и прием объявлений принимается в книжном магазине „ВПЕРЕД“ (С. Петербург, Караванная 9, кв. 19).

Редактор-издательница В. Арнольд“.

Цену на подписку мы оставляли все ту же, самую дешевую.

В скором времени мы сделали заявку еще на новый подобный же журнал — журнал „Отзвуки“, но отметили, что этот журнал должен начать выходить в первой половине августа. Все остальное: состав сотрудников, подписная цена и пр. и т. п. сведения остались стеоретипными, т. е. те же самые, что и при объявлении о журнале „Жизнь“, которые в свою очередь были взяты из журнала „Наша мысль“. Эти два последних журнала, т. е. „Жизнь“ и „Отзвуки“, так никогда и не появлялись в свет.

Из всех этих анонсов видна одна общая тенденция: дать журнал массовый за наименьшую цену.

В той напряженной атмосфере, в которой нам приходилось работать, такая предусмотрительность с заявками на журналы была далеко не лишней, и проявление ее было не чем иным, как способом борьбы за издание нашей прессы в России в рамках тех легальных возможностей, которые были в 1906 г. и которые еще в то время не были совершенно уничтожены циркулярами Столыпина.

---

[1] Адрес нашего центрального книжного склада и магазина „Вперед“.

V

Считаю необходимым сказать здесь несколько слов о двух наших товарищах, подписывавших к выпуску журнал „Наша мысль", один как редактор, другой — как издатель.

Когда я вернулся в Петербург из-за границы, я тотчас отыскал А. Г. Циммермана, который жил в то время где-то на Петербургской стороне. С ним я очень хорошо познакомился еще во время моего нелегального прибывания в России с января по май 1905 г. Его истинно товарищеское отношение, которое он проявил ко мне во время моего нелегального существования в Петербурге, я подробно описал в моей книге „Нелегальная поездка в Россию" [1] (стр. 80—116), где читатель найдет подробную характеристику этого рядового товарища нашей Партии, который в свое время принес нам большую пользу. Здесь я должен сказать, что он так же охотно, как и ранее, откликнулся на мой призыв и, несмотря на то, что служил на государственной службе по ведомству государственного контроля,—сейчас же согласился быть редактором-издателем нашего молодого социалдемократического партийного журнала. Быстро, в два-три дня, он подал заявку на этот журнал, произвел все нужное оформление у градоначальника, и мы, таким образом, сейчас же, немедленно приступили к организации нашего нового партийного предприятия.

После того как был закрыт наш журнал, нам был вчинен судебный иск. Циммермана и Львова привлекли к судебной ответственности по их официальному положению в журнале, а меня присоединили к этому делу как ответственного секретаря редакции. Мы все трое: я, Циммерман и Львов долгое время ходили под угрозой судебного преследования за № 3—4 „Нашей мысли". Несколько раз мы пытались откладывать это дело, вызывая дополнительных свидетелей и прибегая к всевозможным трюкам и уловкам, которые в то время изворотливая русская адвокатура успешно придумывала, чтобы как-нибудь обойти председателя судебной палаты Н. С. Крашенинникова, который всегда охотно вел сам эти дела и с еще большей охотой запекал всех редакторов и издателей левых журналов на несколько лет в тюрьму. Защитником мы избрали Григо-

[1] Издание „Молодой гвардии", 1930 г., Москва—Ленинград.

рия Степановича Турутина, который принадлежал к нашей Партии. Он работая с большевиками и очень сильно дружил с Н. В. Крыленко. Крыленко под кличкой „Абрам", обладая более чем выдающимися ораторскими способностями и совершенно незаурядным сангвинистическим темпераментом, произносил тогда повсюду свои громовые, принципиально выдержанные речи, которые, несмотря на его юный возраст, производили огромное впечатление на рабочих собраниях фабрично-заводских районов. Надо отметить, что в этом молодом таланте было много серьезных социалдемократических знаний, и он совершенно свободно поднимал перчатку, бросаемую ему и ка-детами, и эс-эрами, и незаурядными ораторами других политических партий. Он выступал везде и всюду, переходя с митинга на митинг, с завода на завод, привлекая огромные симпатии к социалдемократической партии самых широких масс населения, и рабочих в частности и в особенности.

Г. С. Турутин—спокойный, хладнокровный, умный адвокат, пригласил еще к себе на подмогу двух товарищей, тоже адвокатов социал демократов, которые взялись нас бесплатно защищать. Мы откладывали наше дело шесть раз и, в конце концов, когда оно началось и когда мы все сели на скамью подсудимых, то, к нашему счастью, председателем был уже не Н. С. Крашенинников, а А. И. Руадзе, который отличался значительной мягкостью характера и достаточной законностью. Когда член суда с чувством и интонацией огласил по просьбе защиты статью „Помолодевший коняга", то Руадзе сказал:

— Что же, Щедрина немножко подновили! В чем, собственно, здесь видят преступление?

А когда прокурор продемонстрировал картину, где изображен был рабочий, призывающий отставшую, индиферентную пролетарскую семью присоединиться к демонстрации, то Руадзе сделал реплику, как бы про себя:

— Что здесь удивительного? Разве мы не помним, что в то время, когда издавался этот журнал, мы все сами ходили по демонстрациям?

И этими репликами он как бы предрешил результат нашего процесса. Прокурор неожиданно скис, выдохся, речь его не пламенела желанием нас законопатить в тар-тарары, адвокаты очень мягко, умело и деликатно подошли к этому вопросу, вспомнив то время, когда издавался наш журнал и, одним словом, случилось так, что всех нас оправдали, а журнал все-таки посчитали нужным вновь закрыть по суду, хотя он фактически уже был закрыт два года тому назад администрацией. И, таким образом, наша тактика оттяжки процесса безусловно победила, и мы спокойно сошли со скамьи подсудимых.

Руадзе улыбался и, легко грозя пальцем, обратился почему-то ко мне:

— Не советую вам, господин Бонч-Бруевич, больше заниматься изданием журналов, лучше писать в них...

— Да и то под псевдонимом, — тихонько добавил Турутин.

— И еще лучше, — как бы продолжил его мысль Руадзе, — быть читателем этих журналов.

Так закончился долго тянувшийся процесс по журналу „Наша мысль". Это было тогда, когда надо мной уже висел другой процесс: по обвинению в организации Центрального книжного склада, магазина и книгоиздательства „Вперед".

Надо заметить, что уже при существовании журнала „Наша мысль" мы стали сейчас же издавать брошюры. Под маркой издательства „Наша мысль" у нас появилась брошюра Владимира Ильича „Победа ка-детов", П. Орловского (Воровского) „Кадетская партия и Государственная дума". Помимо того, нами был тогда же издан доклад Владимира Ильича „О третьем съезде партии". Марку „Наша мысль" мы не поставили на этой книге, так как доклад был совершенно нелегален и, конечно, мы знали наперед, что он будет немедленно конфискован. Эти три издания великолепно у нас разошлись. Кроме того, как я упоминал, мы стали намечать издание картин, на которые была тогда огромная потребность в рабочих массах, и выпустили их несколько: тут была картина из жизни итальянского пролетариата „Бездомные", портрет Карла Маркса, Г. В. Плеханова, руководителя восстания на Черном море Петра Шмидта, группа старых эмигрантов: Герцен, Бакунин, Огарев и еще некоторые другие картины и портреты. Но когда пришло объявление о закрытии журнала, само собой понятно, что нашу издательскую деятельность под маркой „Наша жизнь" пришлось прекратить совершенно.

VI

На последнем хозяйственном заседании нашего закрытого журнала мы твердо решили немедленно организовать другое, более обширное книгоиздательство и книгораспространительский партийный центр. Среди нас появился родственник Златы Ионовны Зиновьевой—Михаил Иванович Левин, который заявил нам, что он охотно приложит свои силы и знания к этому делу и, кроме того, отдаст нам на начало его свои сбережения, а именно: две тысячи рублей. Я считал, что открывать книжный магазин и издательство можно не только с деньгами, но и без денег. Я имел очень большой опыт в этом деле за границей с нашими нелегальными изданиями Партии. Несмотря на то, что мы получали очень мало пожертвований, мы там, заграницей, на чужбине, все-таки довольно хорошо вели наше дело, никому не были должны и нам хватало средств для нашего издательства, хотя мы нередко чувствовали большие перебои в деньгах и испытывали довольно серьезное напряжение нашей кассы. Я знал, что здесь, в Петербурге, наши издания, конечно, пойдут в огромном количестве среди рабочей массы через наши партийные организации. Нам, несомненно, удастся стянуть на комиссию в наш книжный склад огромное число изданий других издательств. Видя, как успешно у нас распространяются книги, начнут присоединяться другие маленькие полупартийные издательства [1], а также издательства попутнических лиц и групп, в общем и целом сочувствовавших нашему новому предприятию. Я тотчас переговорил об этом с Владимиром Ильичем. Владимир Ильич самым внимательным образом отнесся к этому делу и сказал мне, что считает его чрезвычайно важным. Он знал, что я в это время работал среди рабочих масс в различных районах, и он сказал мне:

— К той работе, которую вы сейчас ведете, если прибавить эту организационную книгоиздательскую, то вряд ли справитесь с тем и с другим, а потому я считаю необходимым вам сказать, что работа

[1] В то время существовали многие мелкие издательства, которые всецело не принадлежали Партии, но на которые Партия наша распространяла свое влияние и отчасти даже руководила их деятельностью, нередко вводя в их аппарат своих людей. Такие издательства мы называли тогда полупартийными, например, изд. „Труд" (Скирмундта), изд. М. Малых, „Буревестник", „Знание" и проч.

по книгоиздательству настолько партийно важна и необходима именно теперь, когда наступает реакция, что вы смело можете поступиться своей деятельностью в том или другом районе, сократив ее, чтобы вплотную приняться за это в высшей степени важное партийное предприятие.

Он также сказал, что и сам желал бы выпустить целый ряд брошюр в этом издательстве и что он вообще будет именно нам отдавать все, что только напишет, а также предложит это и всем другим товарищам.

— Идите сейчас к Никитичу, [1] посоветуйтесь с ним, — сказал он мне на прощанье, — передайте ему мое не только полное согласие, но категорическое желание, чтобы такое издательство было. Хотя вы и говорите, что вам не нужны деньги, и я знаю, что вы как-нибудь справитесь, но полагаю, без денег вы будете очень сильно мучиться, а потому, если только наша касса позволит, пускай Никитич вам поможет, чтобы у вас оставалось больше времени на прямую организационную, творческую в этой области работу.

Я сейчас же поехал к Никитичу, и он сказал мне, что вполне присоединяется к мнению „Старика," т. е. Владимира Ильича, что считает все это дело чрезвычайно важным и предлагает к тем двум тысячам, которые дает Михаил, присоединить еще три тысячи от Центрального Комитета Партии для первого начала, [2] при чем он добавил, что все те брошюры, которые придется рассылать и раздавать бесплатно через нашу партийную организацию мы должны учитывать и время от времени представлять ему счет, и он будет оплачивать все эти издания. Мы тотчас же подыскали помещение на Каравайной улице в доме № 9 во дворе, в первом этаже. Нам казалось оно вполне подходящим так как помещение занимало почти что целый этаж. Его отрицательной стороной было то же самое, что и в помещении типографии „Наша мысль" на Литейном проспекте. К нему был один ход через ворота, но несомненным плюсом было то, что дворник этого дома, т. е. первое звено охранного отделения, нас очень удививший своими разговорами при показе квартиры, оказался, по наведенным справкам, действительным членом партии трудовиков и нам сказали, что он не будет портить. Это обстоятельство, конечно, было очень для нас важным. Мы сняли это помещение на год. Сейчас же Миша Юров со своими товарищами костромичами-плотниками, приступил к оборудованию полок в этом громадном помещении, которое имело девять комнат, кухню и коридор, при чем центральная комната была огромна, как целый зал. Мы разделили всю квартиру на две части. В лицевой стороне склада была розничная продажа, за ней — мой приемный кабинет, рядом — бухгалтерия, а далее — оптовый склад. Мы тотчас

---

[1] Никитич — партийная кличка Л. Б. Красина.

[2] Надо иметь в виду, что, несмотря на объединенный в то время Ц. К., наша большевистская касса у Никитича была на особом счету.

же перевезли сюда остатки изданий „Наша мысль". В это же время к нам пришел О. Р. Белопольский, который заявил нам, что он считает себя партийцем, что он имеет отдельное издательство „Утро," разрешенное ему нашим Ц. К., и что издает он книги только потому, что желает быть полезным Партии. Он предложил нам свои издания поместить у нас в складе на комиссию. Среди них было много хороших брошюр. Главный склад „Утро," находился в Петербурге, улица Жуковского д. 38, кв. 38, где жил приятель Белопольского — М. М. Катауров и где Белопольский также прописался по паспорту слуцкого мещанина Антона Егоровича Долгина, сослужившего нам после хорошую службу. К этому времени в издательстве „Утро" появились следующие книги:

Отдел I. Библиотека общественно-политических знаний.

1. „Международные социалистические конгрессы", цена 15 коп.
2. БЕБЕЛЬ. — Политическая массовая стачка и социалдемократия, перевод Мотобер, с предисловием А. Луначарского, ц. 12 коп.
3. ЛАССАЛЬ. — Рабочий вопрос, перевод с немецкого под редакцией и с предисловием П. Румянцева, цена 6 коп.
4. БЕБЕЛЬ. — Христианство и социализм, пер. с нем. Л. Кручининой, ц. 5 к.
5. ЛИБКНЕХТ. — Мартовские дни 1848 и 1871 гг., цена 4 к.
6. ЕГО ЖЕ. — Революция в Париже в 1848 г., цена 4 коп.
7. ОРЛОВСКИЙ. — Государственная дума и рабочий класс, цена 10 коп.
8. Родословное дерево современного социализма (карта и книжка), цена 25 коп., в красках цена 40 к.
9. БЕБЕЛЬ — 8-часовой рабочий день.
10. К. КАУТСКИЙ. — Нет больше социалдемократии! с предисловием Н. Ленина, цена 25 к.

Отдел IV. Библиотека по народному образованию.

1. К. ЦЕТКИНА. — Школьный вопрос, цена 4 коп.
2. О. РЮЛЕ. — Какой должна быть народная школа.

Отдел VII. Художественной фототипии.

К. МАРКС. Разм. 26 см. × 34 см . . . . . 50 коп.
Ф. ЛАССАЛЬ. „ 18 „ × 25 „ . . . . . 30 коп.
Г. ГЕРКОМЕРА. Забастовка . . . . . 30 коп.
ЖАН-БЕРО. Коммуна . . . . . 30 коп.
Ж. АРИА. Смерть Марата (Шарлотта Кордэ) . . 40 коп.

Художественные открытые письма:

Лоффредо. Вдова. — Мункачи. Поед забастовкой и др. Из французской революции (улица св. Антония в 1830 г.). Площадь перед Бастилией в 1830 г., Храбрость и милосердие и др. (цена кажд. 8 к.). Портреты К. Маркса, Ф. Лассаля, Бебеля, Каутского, Энгельса, Фурье, Оуэна, Бланки, Кропоткина, Лаврова и др., по 8 коп.

Как видим, в издательстве „Утро" тогда печатались наши же авторы: Владимир Ильич написал предисловие к книжке К. Каутского „Нет больше социалдемократии", которую перевел наш

товарищ Д. И. Лещенко, и с которым я встречался в Петербурге еще при моей нелегальной поездке в 1905 г.

Некоторые брошюры переводили Орловский (Воровский), Кручинина (Мандельштам), П. П. Румянцев; Луначарский писал предисловие и пр. Кроме того, издательство „Утро" хотело издавать еще много таких же хороших и нужных книг.

На эти брошюры администрация обратила внимание и конфисковала некоторые из них. Вскоре „Утро" прекратило свое существование. Причины самоуничтожения этого издательства И. Р. Белопольский, носивший партийную кличку „Генрих", так описывает в своем письме ко мне от 16 марта 1931 г. (Ленинград): „Дела издательства шли блестяще, и я почти ежемесячно передавал в кассу Ц. К. через т. Красина до 1000 руб. Но начались преследования и конфискации книг, и я предложил объединить издат. „Утро" со „Вперед" и тем самым замести следы, указав, что „Утро" прекратило свое существование. Расплатившись со своими долгами, книги и касса были сданы Вам, Владимир Дмитриевич, и издат. „Утро" прекратилось. Я лично 2—3 месяца еще работал у Вас во „Вперед" а за тем, из конспиративных соображений службу, пришлось прекратить, и я изредка стал появляться на складе".

Мы также обратились за книжками в возникшее в то время меньшевистское издательство „Новый мир", во главе которого стоял Алексеев, брат нашего партийца-большевика Н. А. Алексеева. В издательстве „Новый мир" отнеслись к нам чрезвычайно враждебно. Мы предложили им обмениваться изданиями по обоюдному выбору. Но и это наше предложение меньшевики встретили весьма прохладно. С ними мы работали очень мало, выбрав у них на установленную сумму только те книги, которые для нас были подходящи. Также и они взяли у нас мало книг, но принцип обмена изданиями у нас с ними все-таки был установлен. После этого мы стали также заключать договоры с другими издательствами. Таким образом мы стянули книги из издательства Никольской, „Молот" и „Буревестник", целый ряд из киевских изданий, харьковских, некоторых провинциальных, а также вошли в сношения с издательствами эс-еров: Распопова в Одессе и с петербургским книгоиздательством, помещавшимся на Невском проспекте, под названием „Книжное дело". Широко откликнулся на наш призыв издатель Львович, социаллемократ по убеждению, выпустивший в свет громадное количество марксистской литературы и начавший издавать ее тогда, когда еще никто легально не решался ее печатать, при чем он изо всех сил боролся с цензурой за каждую брошюру. Единственное издательство, которое наотрез отказалось нам дать на комиссию свои книги, это было „Знание", во главе которого стоял А. М. Горький и с которым я в то время часто виделся. Конечно, Алексей Максимович нам все бы отдал, но, так как ему самому в скором времени пришлось уехать в Финляндию, а оттуда за границу, ибо его и его жену, Марию Федоровну Андрееву, хотели арестовать как главных издателей нашей партийной газеты

„Новая жизнь", то мне приходилось с этим делом обращаться непосредственно к К. П. Пятницкому, пайщику т-ва „Знание", который был в то же время главным коммерческим директором этого предприятия. Человек он был прижимистый, тяжелый на подъем и так как он предполагал, что нас скоро закроют или уничтожат, то и не хотел давать нам книг в кредит или на комиссию, и мы должны были покупать у него издания „Знания" за наличный расчет, что, конечно, мешало распространению этих книг. Прекрасно к нам отнесся Гл. Голев, который издавал в это время очень много интересных книг, в том числе собрание сочинений Лассаля, „Историю французской революции" Жореса, „Процесс первого Совета рабочих депутатов" и много других книг, которые нам были очень необходимы и которые у нас шли великолепно. Небольшое, вполне дружественно нам издательство „Марксист", сначала поместило все свои издания к нам на склад, а потом через некоторое время оно совершенно, как и „Утро", слилось с нами, и мы стали печатать на наших новых изданиях: „книгоиздательство „Вперед", а далее шел подзаголовок („Соединенное издательство „Марксиста," „Нашей мысли" и „Утро").

Одним словом, наш склад быстро был совершенно завален книжным товаром. Мы должны были снять еще несколько сараев в том же доме и вполне загрузили их книгами.

Так как в то время наша Партия существовала на объединенных началах меньшевиков и большевиков в силу решений полномочного Стокгольмского съезда и так как был выбран и объединенный Ц. К. партии, то мы, не желая ничем нарушать устав, как только устроили наше книгоиздательство, центральный книжный склад и магазин „Вперед", сейчас же обратились с письмом в Петербургский комитет, прося утвердить нас как партийную организацию согласно уставу нашей Партии. Этот шаг не только одобрил Владимир Ильич, но он энергично настаивал, чтобы мы его проделали как можно скорей. И действительно, 28 мая 1906 г. мы подали в Петербургский комитет Р. С.-Д. Р. П. следующее официальное заявление, до сих пор сохранившееся в бумагах Петербургского комитета и находящееся теперь в Ленинградском институте истории ВКП(б).

Вот точный текст этого документа:

Центральный книжный склад и Изд-во „Вперед"

Главная контора

С. Петербург. Караванная, д. 9, кв. 9.

28 мая 1906 г.

В Петербургский комитет РСДРП

Уважаемый товарищ!

Доводим до Вашего сведения о возникновении книгоиздательства и центрального книжного склада „Вперед", предприятия, составившегося благодаря слиянию издательств: „Наша мысль," „Марксист" и „Утро"

Предприятие это является делом группы партийных товарищей из бывшей фракции „большинства“ и ставит себе целью, с одной стороны, собрать в складе и содействовать распространению по всей России и за границей соц.-дем. литературы без различия фракций, направлений и языков, с другой — издавать произведения соц.-дем. направления как переводные, так и оригинальные под общей редакцией т. т. Базарова, Богданова и Ленина.

Желая пользоваться всеми правами и нести все обязанности партийной организации, мы, на основании партийного устава (параграф об утверждении организаций), просим Ц. К. утвердить нас таковой и оказать нашему предприятию поддержку как моральную, так и партийными связями.

Администрация: В. Бонч-Бруевич.
П. Виноградов.
С. Михаил.
И. Белопольский.

Очень характерно, что мы должны были тогда, в силу решения Стокгольмского съезда, именовать себя «группой партийных товарищей из бывшей фракции „большинства“». Тогда формально считалось, что фракции — и большевиков и меньшевиков — распущены, что партия едина и нераздельна, что время фракционной борьбы и разделения миновало раз и навсегда. Не знаю, верил ли в это кто всерьез? Я по крайней мере не принадлежал к их числу. Мне совершенно было ясно, что все это шито белыми нитками, единства нет и не может быть никакого. Такое объединение, как попытка, как политический шаг для того времени, было необходимо. Так мыслилось в теории, но практика говорила нам совершнено другое. Принципиальные разногласия между обеими сторонами были столь глубоки, что для каждого деятельного и вдумчивого участника в этой борьбе—по крайней мере среди нас, большевиков,— было совершенно ясно, что все это ненадолго, что „добрая ссора“ здесь несомненно лучше „худого мира“. И это чувствовалось и понималось всеми до такой степени ясно и откровенно, что несмотря на все бумажные решения и временные слияния, настоящего разоружения обеих сторон, конечно, не было и быть не могло. Разве не характерно, что мы, только что „примирившись“ и „слившись“, сейчас же затевали свое обособленное издательство в редакции которого становились наиболее энергичные борцы теоретиков-большевиков того времени с Владимиром Ильичем во главе. А. А. Богданов был один из самых авторитетных большевиков того времени, много писавший и много практически работавший, бессменный член Ц. К. нашей партии-большевиков тех годов и ушедший от нас значительно позднее описываемых событий.

Базаров считался тогда одним из крепких теоретиков-марксистов большевиков того времени, всегда неотступно находился в наших рядах и свихнулся с правильного пути значительно поздней, в дни самой темной столыпинской реакции, когда он, уйдя от практики жизни, погрузился в изучение упадочной философии буржуазии того времени (Бергсон и др.), где и обрел свое бесславное падение и уход от классовых позиций революционного марксизма.

На каждом шагу встречались мы тогда с взрывом меньшевистских страстей, помех и всяческих интриганств. Их ёрническое поведение наши три представителя в Ц. К. партии клеймили и протоколировали многими документами.

Владимир Ильич был очень лойялен решениям объединенного съезда и требовал от всех большевиков подчинения им, но и он вскоре разуверился в прочности этого противоестественного союза. Наши партийные собрания все время проходили отдельно, а официальные сношения с меньшевиками оставались действительно только официальными. Лед наших отношений не подтаял, и мы ждали, что все это почти насильно связанное опять распадется, ибо дороги наши и нашей революционной борьбы вскоре были несомненно и всецело разными.[1]

Жизнь подтвердила этот наш скепсис, и в скором времени вся наша партийная деятельность и вся наша революционная работа среди пролетариата потекли своим прежним руслом. Мы, большевики, стали вновь крепить паруса нашего большевистского корабля. Наш бессменный кормчий, Владимир Ильич, крепко взял руль в свои твердые руки, направляя нашу Партию, Партию большевиков,— по курсу, приведшему нас к Октябрьской революции, которая совершилась через одиннадцать лет после этих интересных и знаменательных дней первой русской революции 1905 г.

На первых же наших новых изданиях мы поместили объявление об открытии нашего нового книжного партийного предприятия, в котором, например, на обложке брошюры М. Ольминского „После одиночки“ (№ 5, СПБ. 1906 г.), а также и на других, мы сообщали:

С 15 мая 1906 г.
открыт
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ СКЛАД
„ВПЕРЕД“
СПБ. Караванная, 9, кв. 8.

В складе имеются издания: „Вперед“, „Нового мира“, „Колокола“, „Молота“, „Утро“, „Нашей мысли“, „Эпохи“, журнала „Образование“, „Земли“, С. Скирмунта, А. Лосицкого, М. А. Малых, „Библиотеки марксиста“, Б. Веселовского, „Пролетариата“, „К свету“, „Ориона“, „Паллада“ (В. Блос, Французская революция, пер. Н. С. Тютчева. — цена 65 коп.) и др.

Подписка, прием объявлений и розничная продажа „Библиотеки наших читателей“, „Вперед“, „Вестника жизни“, „Образования“ и др.

Книжный склад открыт ежедневно, кроме праздников, от 10 час. утра до 7 вечера.

[1] О деятельности Ц. К. партии после объединенного съезда см. брошюру: „Имела ли Партия центральный комитет в 1906-7 гг.?“ многие документы из которой перепечатаны в X т. полн. собр. соч. В. И. Ленина (пятое изд.), стр. 421-434.

Выписывающие издания „Вперед“ на два рубля из главного склада за пересылку не платят.

Книгопродавцы, выписывающие издания „Вперед“ на двадцать рублей и более, за пересылку по железным дорогам в Европейской России не платят.

Книги высылаются наложенным платежом или за наличные деньги.

Деньги можно высылать почтовыми марками.

Книгопродавцам обычная уступка.

В этом объявлении мы перечисляли лишь те издательства, которые выпускали в свет социалдемократические книги и брошюры. Издательств этих к этому времени было уже довольно много. Из их продукции можно было сделать изрядный выбор. На брошюре № 15 (Кармен. — „За что?“, рассказ), вышедшей месяца через два после книжечки М. Ольминского „После одиночки“, мы видим новый список социалдемократических издательств, издания которых мы имели у себя в складе, Он значительно по сравнению с предыдущим расширился. Помимо тех, которые мы уже перечислили ранее, появились издательства „Знание“, „Голос“, „Молот“, „Борьба“, „Практик“, „Львовича“, „Гранат и К-о“, „Просвещение“, „Буревестник“, „Общественная польза“, „Социалдемократ“, „Трибуна“, „Работник“ и др. Таким образом рос наш книжный склад, действительно уподобляясь кому снега, несущемуся с горы. Нас быстро узнали всюду и со всех сторон—и из Москвы, и из провинции, и из Петербурга — отовсюду предлагали нам все новые и новые издания.

Помимо этого заявления, где перечислялись все коммерческие условия нашего книжного склада, на других наших изданиях мы дали сообщение, где старались, лавируя между цензурными стеснениями, показать хоть отдаленно нашу принципиальную установку и тем заявить всем нашим провинциальным партийным товарищам и организациям о нашем существовании. Цензура к этому времени стала очень сильно ко всему придираться.

Вот что писали мы в нем:

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ СКЛАД И МАГАЗИН „ВПЕРЕД“.
С. Петербург, Караванная 9, кв. 8.

Центральный книжный склад „Вперед“ поставил себе задачей постоянно иметь в продаже все издания марксистского направления, выходящие как в России, так и за границей. Кроме того, книжный склад „Вперед“ всегда будет пополняться литературой по рабочему и крестьянскому вопросу всех фракций.

Помимо этой специальной задачи, центральный книжный склад „Вперед“ берет на себя составление всевозможных библиотек — по преимуществу для широкого массового читателя как городского, так и сельского.

Для земств, книжных магазинов, складов, библиотек и пр. учреждений центральный книжный склад „Вперед“ производит подбор и высылку новостей книжного рынка. Просим точно определять отдел, по которому желательна высылка новинок.

Заказы исполняются за наличный расчет и наложенным платежом.

Заказы менее 20 рублей выполняются без задатка, пересылка за счет заказчика.

При заказе на 20 рублей и более требуется задаток в размере половинной стоимости заказа.

Все книжные магазины пользуются обычной книгопродавческой скидкой.

Просим заказчиков в письмах обозначать наименование книгоиздательских фирм, в издании которых желательно получение книг.

Это заявление, мною написанное, мы поместили также и в газетах.

И мы не ошиблись. Со всех концов царской Российской империи мы стали получать во множестве заказы на книги. Нередко нам присылали деньги, прося нас подобрать книги по нашему усмотрению. Почта наша все увеличивалась. Мы должны были постоянно усиливать штат наших упаковщиков и, несмотря на это, еле справлялись с делом. Партийные организации со всех сторон нашей страны засыпали нас большими требованиями на книги и брошюры.

Приблизительно через полгода после открытия склада к нашему огромному инвентарю прибавилось колоссальное количество книг издательства „Колокол", принадлежавшего радикально настроенному купцу Ефиму Дмитриевичу Мягкову, отвалившему 200 тысяч рублей на издание книг, при чем половину этих денег он распорядился отдать на издание книг партии социалдемократов, а половину на издание книг партии социалистов-революционеров. Во главе социалдемократического отделения „Колокола" стоял П. Я. Гуров, который входил в нашу социалдемократическую ячейку при издательстве „Вперед" и нередко бывал на наших партийных собраниях вплоть до того, как совсем закрыли наше предприятие, т. е. до середины 1907 г. Это он и помог, чтобы огромное книжное имущество, выразившееся в номинальных цифрах около ста тысяч рублей, перешло к нам от „Колокола", во „Вперед", при чем Мягков не пожелал за это имущество получать с нас деньги. После многие из этих книг были конфискованы, и мы усиленно раздавали и рассылали их по нашим организациям бесплатно.

Наш распространительский аппарат был поставлен великолепно. Мы отправляли колоссальное количество литературы по всей России, в первую очередь всем нашим партийным организациям, а также громадному числу книжных магазинов и книжных артелей, которые от себя уже распространяли эти книги через газетчиков по городам, заводам, фабрикам и железным дорогам.

Веселое это было время! Огромными возами, целым транспортом развозили мы книги на все вокзалы, пропитывая рабочие массы той литературой, которую мы считали нужным распространять.

VII

В нашем издательстве были некоторые очень красочные моменты.

Прежде всего необходимо рассказать об участии книгоиздательства „Вперед“ в организации и распространении Выборгского воззвания. Когда первая Государственная дума была так неожиданно и самодурно распущена Николаем II, сто восемьдесят депутатов уехали в Выборг и устроили там продолжение заседания думы в гостинице „Бельведер“.

После больших дебатов и обсуждений эти депутаты выпустили известное, так называемое „Выборгское воззвание“,[1] которое официально было озаглавлено „Народу от народных представителей“.

Это воззвание было выработано „Особой комиссией“ из шести депутатов. В нее входили от кадетов: Ф. Ф. Кокошкин и М. М. Винавер, от соц.-дем. (меньшевиков) были Н. П. Жордания и С. Д. Джапаридзе и от трудовиков — И. В. Жилкин и С. И. Бондарев.

Несмотря на то, что это „воззвание“ далеко не удовлетворяло наших требований, было решено его широко распространить через наш аппарат как документ, возбуждающий население к протесту. Само собой понятно, партия социалдемократов не могла ограничиться только этим воззванием, которое, конечно, было совершенно не наше, предъявляло слабые требования, написано было не нашим языком, призывало к пассивной борьбе, вместо борьбы с оружием в руках.

Почти одновременно с „Выборгским воззванием“ был отпечатан и широко распространен „Манифест к армии и флоту“,[2] где впервые появилась подпись тогда только что сложившейся Трудовой группы, которую Владимир Ильич приветствовал в статье „Перед бурей!“,[3] помещенной им в № 1 нашей вновь возникшей нелегальной газеты „Пролетарий“, появившейся 21 августа ст. ст. 1906 года

---

[1] См. С. Г. Томсинский. — Борьба классов и партий в I Государственной думе. Краснодар, Изд. „Буревестник“, 1924 г.

[2] Текст его опубликован в собр. соч. В. И. Ленина, т. X, второе издание, стр. 435—436.

[3] См. второе полное собр. соч. В. И. Ленина, т. X (статьи 1906—1907 гг.), стр. 24, ГИЗ, 1928 г.

и вышедшей как орган московского и с.-петербургского комитета РСДРП.

Помимо этого „манифеста" был издан также и другой „Манифест ко всему российскому крестьянству", который также широко был распространен отдельной листовкой.[1]

Оба эти „манифеста", которые вышли в свет, к сожалению, с некоторым опозданием, мы также через аппарат книжного склада „Вперед" довольно широко распространили, при чем „Манифест к армии и флоту" был во множестве отправлен в Свеаборг, в Кронштадт и во флот Черного моря, а через сухопутные наши военные организации он проник в армейские казармы. Надо отметить, что в виду скоро вспыхнувшего восстания в Свеаборге и Кронштадте положение в Петербурге было крайне напряженное. За нами следили чертовски и распространять литературу легальным и полулегальным путем становилось все труднее и труднее. За почтой и железнодорожными грузами были установлены чрезвычайный надзор и контроль, и мы должны были переходить к старым нелегальным нашим методам распространения литературы через подпольную партийную организацию, что мы, конечно, и сделали.

---

[1] См. Ленин. Полн. собр. соч., т. X, стр. 436—437

VIII

От большевистской части Центрального Комитета нашей Партии, через Л. Б. Красина, нам передали распоряжение, чтобы все наши организации приняли самое деятельное участие в напечатании и распространении этого „Выборгского воззвания". Ко мне во „Вперед" явился литератор А. М. Хирьяков и заявил, что он пришел от лица трудовиков и целого ряда других организаций с просьбой помочь выпустить „Выборгское воззвание" в большом количестве, так как вряд ли какая другая организация сумеет это сделать. Эта просьба совпала как-раз с полученным нами накануне от наших цекистов распоряжением принять участие в напечатании и распространении этого воззвания, и мы обдумывали план действия и ожидали, что вот-вот нам принесут его текст. А. М. Хирьякова я давно и хорошо знал, еще по эмиграции, когда он приезжал к нам в Женеву, а также и в Лондон и в Париж на положении полулегального. Я сказал ему, что его просьба как раз совпадает с нашими желаниями, но что у нас нет еще текста воззвания и что мы вот-вот должны его получить. Хирьяков сказал, что воззвание у него уже есть, так как только что приехал его товарищ из Выборга из крестьянской группы и привез текст. Но так как этот текст не был официально подтвержден, то я ему заявил, что мы должны его проверить и действительно удостовериться, что именно этот текст был принят в Выборге. Как только через некоторое время мы получили текст „Выборгского воззвания" от нашего представителя Центрального Комитета, я тотчас же сделал распоряжение нашему техническому аппарату, во главе которого стоял тов. Мирон, — весьма деятельный, хладнокровный и выдержанный товарищ — и предложил ему сейчас же с некоторыми нашими сотрудниками занять нужную типографию, арестовать хозяина, не выпускать из типографии никого и отпечатать это воззвание не менее как в 200 000 экземплярах.

Хирьяков с величайшим любопытством и недоумением слушал эти наши вполне деловые и спокойные рассуждения и был немножко афронирован, когда тов. Мирон сказал ему:

— Ну, идемте, прочтете корректуру!

Хирьяков улыбнулся, и я почувствовал, что он предпочел бы не ходить читать корректуру, а лучше бы ждать в другом месте гото-

вых воззваний. Очевидно, и т. Мирон заметил это колебательное настроение Хирьякова и кинул в его сторону:

— Не хотите, так не ходите, и без вас прочтем...

— Нет, я, конечно, иду с вами... — сказал Хирьяков, немного смутясь.

Я знаю, что они вышли из книгоиздательства „Вперед" все вместе, но не помню, был ли в занятой насильственно нами типографии Хирьяков и действительно ли читал корректуру „Выборгского воззвания" в этом нашем издании.

Через некоторое время я вызван был к телефону, в котором услышал голос Мирона, сообщавший мне:

— Все в порядке. Дело идет прекрасно и скоро будет исполнено.

Я понял, что типография занята благополучно и сказал своим товарищам упаковщикам приготовить тару и железнодорожные накладные, чтобы, как только привезут „Выборгское воззвание", сейчас же разослать его по всем нашим организациям в России. Мы также спокойно продолжали свое дело, когда через некоторое время Мирон приехал с тремя ломовыми извозчиками и привез колоссальное количество свеже-отпечатанного „Воззвания". Мы очень быстро, бросив всю остальную работу, перенесли эту литературу к себе в склад, отпустили возчиков, командировали нашего милого Мишу Юрова немедленно привести новых ломовых извозчиков и быстро стали упаковывать „Выборгское воззвание" в ящики, в короба, в тюки. Не прошло и двух часов, когда все это огромное количество экземпляров воззвания, отпечатанного на ротационных машинах по восьми экземпляров на листе с оборотом, было заколочено в ящики, зашито в рогожи, заадресовано и так же спокойно вынесено и уложено на ломовых извозчиках, которые сразу выехали из ворот и поехали в разные стороны на все петербургские вокзалы. Часа через два я уже у себя в издательстве имел все дубликаты накладных на отправленный груз. Мы их вложили в конверты без указания нашего адреса и тотчас же разослали заказными письмами по имевшимся у нас адресам наших организаций в провинции. Мне хорошо известно, что эта вся огромная партия „Выборгского воззвания", отпечатанная, по приказу наших членов Ц. К. Партии, наводнила тогда всю провинцию. Вся наша кладь очень успешно и благополучно дошла до самой отдаленной периферии.

В тот же вечер А. М. Хирьяков пришел ко мне на квартиру и искренно благодарил меня за те 50 000 экземпляров, которые мы выдали на его долю, при чем эти экземпляры для него были отпечатаны дополнительно, и они были распространены крестьянской фракцией „трудовиков" Государственной думы. Хирьяков выражал свое полное изумление той четкости работы, которая была произведена, начиная от нашего склада и кончая типографией.

— Какие-то вы странные люди, — говорил он, — молчаливо делаете все, без видимого пафоса, как будто бы так и должно быть, а на самом деле — дело чрезвычайно изумительное по своей смелости и организованности.

— Да ведь это же наше дело, такое же простое дело, как каждого другого работника в своей отрасли. Мы на этом стоим, — сказал я ему. — Революция — это наша стихия, революционная работа — это наша ежедневная жизнь и вся наша деятельность, это жизнь профессионалов-революционеров.

— Вы знаете, — сказал мне Хирьяков, — вот после этого небольшого случая я начинаю верить в силы социалдемократии и особенно в силы большевиков. Уж очень отчаянный и настойчивый вы народ.

— Я очень рад слышать от вас такие слова, — сказал я Хирьякову, — потому что мне очень приятно видеть, что это наше маленькое дело заставило вас, маловера, поверить в силы нашей организации. Я тоже думаю, — добавил я ему, — что несмотря на надвигающуюся страшную реакцию, несмотря на то, что нас, вероятно, сильно пощиплет охранное отделение, мы все-таки несомненно в недалеком будущем победим окончательно самодержавное правительство.

— Изумительные вы люди, — воскликнул Хирьяков, — вот вас бьют, арестовывают, колотят, расстреливают, а вы все свое! Нисколько вы не поколебались и смотрите так же светло вперед, так же твердо верите, что победите самодержавное правительство. А оно продолжает свое: крушит и давит все живое, и вас в том числе.

Теперь Хирьяков далек не только от нас, но от всего сколько-нибудь мало-мальски либерального. Он забыл самого себя, предал посмеянию за чечевичную похлебку свои собственные маленькие радикальные страстишки и идеалы бунтующего мирного анархиста и теперь подвизается на подмостках самой отвратительной черной реакционной белогвардейской прессы Западной Европы, в стихах и прозе обливая помоями Советскую Россию, СССР, строящий социализм, развернувший знамя коммунизма не только над шестой частью света, но и над всем миром через III Интернационал, мощной секцией которого он является.

IX

Не прошло и суток после того, как мы разослали „Выборгское воззвание“ по всей России, как к нам нагрянула местная участковая полиция с приставом во главе, который, как нам было известно со слов старшего дворника, слыл в своем участке за самого откровенного взяточника, который брал со всех и каждого что только мог и готов был нарушить всякую дисциплину и долг своей службы за четвертной билет.

Мы предвидели, что к нам полиция может явиться, и решили не допускать ее до обыска, так как нам не хотелось, чтобы они копались в наших помещениях, ибо у нас к этому времени было уже много конфискованных изданий, а, стало быть, попутно мы могли быть изобличены в хранении той литературы, которая должна была, согласно циркуляру градоначальника, быть опечатана самими владельцами книжного склада и сдана под расписку инспектору по делам печати, раз та или иная книга объявлена в особом списке конфискованных изданий, который время от времени рассылался инспекцией по делам печати всем издательствам и книжным магазинам.

По поговорке: „Каков поп, таков и приход“, мы знали, что у нашего пристава есть его правая рука — помощник пристава, который идет за своим начальством и тоже не брезгует подачкой. Вот мы и решили: если эта участь нас не минует, приставу заплатить 25 рублей, его помощнику — 15, а околоточным надзирателям дать по пятерке. Но, конечно, в жизни почти всегда бывает не так, как думаешь и на что рассчитываешь. Вместо того чтобы всей этой полицейской рати притти и, как полагалось, занять все входы и выходы в наши помещения, пристав, чуя поживу, оставил своих подчиненных на дворе, поместив их предусмотрительно в подъезде, очевидно, чтобы, не так было заметно. Вошел он вместе с помощником к нам в склад и, как нам показалось, усиленно звякнул шпорами, чтобы все его наперед слышали. Помощника он оставил в розничном отделении, где наша заведующая этим отделением тов. Архангельская, красивая блондинка с огромной косой, которую она закладывала венцом на голове, сейчас же вступила в разговор с этим очень учтивым, подвижным капитаном полицейской службы.

Сам пристав прошел через коридор и зычным голосом, входя ко мне в кабинет, сказал:

— Честь имею явиться!

Это было так неожиданно, что я не успел даже дать знать в соседние комнаты, что явилась полиция. Пристав двинулся ко мне. Я поздоровался с ним и предложил ему сесть.

— Вероятно, нас здесь не слушают? — обратился он ко мне с вопросом, плотно затворяя дверь в коридор.

— Конечно, нет, — сказал я и двинулся к другой двери, якобы для того, чтобы затворить ее, а сам приотворил и первому попавшемуся шепнул: „полиция!"

Это известие мгновенно распространилось по всему нашему складу и, так как в отдельных комнатах у нас всегда находился кто-нибудь из товарищей нелегальных или пришедших из районных комитетов, то оттуда черным ходом вышло несколько человек. По заранее заведенному нами правилу, они поднялись сначала наверх, так как наш черный ход выходил коридором в парадный подъезд этого соседнего четырехэтажного дома, и потом оттуда, как бы идя из этого корпуса, через некоторое время, они поодиночке спускались вниз и шли по двору к воротам, мимо всей той „средиземной эскадры" (так в Петербурге звали полицию), которая сосредоточила все свои силы в главном подъезде нашего магазина, и благополучно вышли через ворота на Караванную улицу.

Среди пришедших к нам в склад был также наш товарищ, носивший кличку „Пчела", фамилия которого была И. Н. Рябков. Он тогда только что вполне присоединился к большевикам, помогая нам и раньше, будучи почтмейстером в г. Пскове. Во время революции 1905 г. он выступал активно, всеми силами поддерживая почтовую забастовку, а когда в 1906 г. пришлось местным деятелям нашей партии во что бы то ни стало наладить газету, то он сейчас же предложил свое имя в качестве ответственного редактора этой газеты. Газета была названа „Пчела" и ее вышло несколько номеров.[1] Когда была распущена первая Государственная дума, наши псковские товарищи выпустили боевой последний ее номер, совершенно нелегальный по содержанию, и Рябков все-таки подписал его. Номер был конфискован, но его успели широко распространить. Рябкова, конечно, сейчас же хотели привлечь и арестовать, но он скрылся из Пскова, перешел на нелегальное положение и жил в ближайшей Финляндии. Он нередко заезжал к нам, продолжал способствовать нам всеми мерами, помогая перевозить из Финляндии нашу нелегальщину, которую мы тогда уже начали вновь печатать на вольных зарубежных станках.

---

[1] Очень необходимо эту провинциальную боевую нашу большевистскую социалдемократическую газету, издававшуюся местным комитетом нашей партии, в настоящее время переиздать. Она очень интересна для того времени. См. также статью И. Рябкова о газете „Пчела" в № 5 (28) за 1925 г. журнала „Пролетарская революция". И. Н. Рябков недавно, в июле 1932 г., умер.

Когда полиция вошла в парадный подъезд нашего склада и когда эта весть быстро распространилась по всем помещениям, Рябков, находившийся в это время в розничном отделении, из которого нельзя было, пройти к черному ходу иначе, как через мой кабинет, где уже сидел пристав, и полагая, что все будут задержаны, а стало быть, обнаружат и его, выглянул из окна и, улучив момент, когда все полицейские чиновники и городовые вошли в подъезд, выпрыгнул из первого этажа, сделав прыжок приблизительно около сажени, несмотря на свой весьма почтенный возраст — ему тогда было далеко за 60 лет. Прыгая, он забыл захватить шапку, но кто-то из товарищей ему быстро выкинул ее. Через минуту в это помещение вошел помощник пристава. Рябков сейчас же прошел на задний двор, поднялся по лестнице каменного дома, постоял где-то там на площадке и, когда убедился, что двор не оцеплен и что выходят из двора без проверки документов в воротах, спокойно вышел из своего убежища, спустился во двор и тихонько, по-стариковски, заковылял по двору, направляясь на улицу.

Выйдя на Караванную, он заметил много шпиков, которые однако на него не обратили никакого внимания. „Пчела" благополучно скрылся.

— Мы здесь с вами одни, — сказал я приставу, плотно притворяя дверь в склад, — сюда никто не войдет.

— Так вот видите, господин заведующий, — обратился он ко мне, — я хотел бы у вас лично спросить и намерен вам поверить, имеется ли у вас в складе „Выборгское воззвание", которое так широко всюду теперь распространяется?

Так как в нашем складе действительно не было ни одного экземпляра, то я ему совершенно спокойно ответил:

— У нас нет ине было ни одного экземпляра.

— Вот это-с изданьице не поступало ли к вам? — И он вынул из-за обшлага рукава, куда обыкновенно военные кладут бумаги, лист как-раз того самого издания „Выборгского воззвания", которое два дня тому назад нами было отпечатано в таком огромном количестве экземпляров. Как оно к нему попало, мне до сих пор не ясно, но предполагаю, что его передал шпион „Володька", который у нас служил в качестве рассыльного и который был нами разоблачен значительно позднее.

— Да, это газета какая-то, а мы газетами не торгуем, — сказал я ему, равнодушно рассматривая печатный экземпляр.

— Нет-с, это не газета, — ответил он мне, — извольте посмотреть! Если разрезать на восемь частей, как-раз получается восемь воззваний.

— Да неужели? — наивно протянул я, — странное издание! Первый раз вижу, чтобы так издавали листки! — И я передал этот лист с „Выборгским воззванием" приставу в руки. Он тщательно, медленно свернул его и сунул за обшлаг рукава шинели.

— Так как же прикажете, — вдруг спросил он, несколько раздражаясь, — приступить к обыску или прикажете вам поверить?

— Зачем же к обыску? — ответил я. — Зачем затруднять и вас и нас, когда я наверное вам заявляю, что у нас нет ни одного экземпляра „Выборгского воззвания", — и я пристально посмотрел на него.

Пристав, очевидно, догадался, что ему уготована пожива, вдруг быстро встал и сказал мне:

— Честь имею кланяться! — и протянул руку.

Я понял, что надо давать деньги и сунул ему в руку 25 рублей.

Он, как настоящий записной картежник, — а он таковым и был, — быстро, наощупь ощутил двадцатипятирублевку, немножко поморщился и сказал:

— Маловато!

Этого я никак не ожидал. Я отворил письменный стол, достал оттуда десятку и просто передал ему.

Он улыбнулся, разгладил бакенбарды а-ля великий князь Владимир и весело сказал:

— В подобных торжественных случаях установим с вами таксу: 50 рублей, в менее значительных — 25.

Я ничего ему не ответил, а он звякнул шпорами и весело брякнул:

— Счастливо оставаться! — и быстрыми шагами вышел в розничный склад и зычным голосом отдал распоряжение помощнику:

— Отряд городовых снять, отправить в участок. Я здесь все сам осмотрел, все в порядке... — прибавил он более спокойно и тихо.

— Слушаю-с! — вытянувшись в струнку, произнес лаконически помощник пристава и двинулся к двери, приоткрыл ее, через которую, позвякивая шпорами, плавно проплыл пристав и, важной походкой проследовал перед подобравшимися околоточными надзирателями, городовыми и шпионами, вышел во двор и оттуда на Караванную улицу.

В это время помощник пристава расторопно отдавал команду старшему надзирателю, который немедленно снял всех городовых и отправил их обратно в участок, — а их пришло человек пятнадцать. Сыщики заерзали, совершенно не зная, как им отнестись к такому неожиданному пассажу, и стали шептаться между собою. Помощник пристава, заметивший эту суету, прикрикнул:

— А вы тут что? Сказано вам: в участок. Что вы тут шепчетесь? Не слышали приказа господина пристава?

И он быстро выпроводил всех до одного, а сам остался. После того как все ушли, он, мило улыбаясь, тихонько прошел через коридор ко мне в кабинет и, точно по начальству, доложил:

— Все сняты и отправлены во-свояси. Честь имею кланяться!

Я понял, что и он пришел за мздой и дал ему две красненьких, чему он очень обрадовался, стал благодарить и тотчас же, оглядываясь, улыбаясь и кланяясь, торопливо вышел.

В этот день у нас перебывали все околоточные надзиратели, которые были на обыске, и каждый из них получил по пятерке.

Это гомерическое взяточничество и продажность петербургской полиции, да еще того участка, который граничил с участком Аничкова дворца, находившегося совсем рядом, против Каравайной, меня изумило. Мне никогда ранее не приходилось так близко сталкиваться со столичной царской полицией, и я подумал, что с этой публикой еще можно жить, и наша организация по распространению легальных, полулегальных и конфискованных и даже нелегальных книг может хорошо еще поработать, несмотря на все усилия Столыпина задавить остатки так называемой свободы печати.

Ко мне в кабинет пришли мои помощники, ответственные товарищи, работавшие в других комнатах, и с недоумением спрашивали меня:

— А что же обыск?

Я рассказал им, что обыск нам стоит рублей семьдесят. — Тем дело и кончилось.

Все были весьма рады этой неожиданности, так как действительно, если бы обыск был произведен, то могли бы у нас найти очень многое.

Так благополучно окончилось дело с изданием 250 тысяч экземпляров „Выборгского воззвания", которое мы распространили больше всех других организаций.

В тот же день я осведомил „Никитича" [1] о всем этом происшествии.

Он до упада хохотал.

— Кормите их лучше! — сказал он мне, — пускай заходят чайку попить, лишь бы не мешали нам, но только не передорожите в цене, а то все будут лезть, как мухи на мед. Ничего не поделаешь, это накладные расходы нашего производства.

Само собой понятно, что мы молчали обо всем этом случае чтобы эта весть, разнесшись среди лиц, мало нам известных, не попортила нам в дальнейшем при защите нашего склада от набегов полиции.

---

[1] Л. Б. Красина.

X

За нами, конечно, была установлена тщательная слежка охранного отделения. Здесь было нам значительно труднее, так как даже низшие агенты-охранники были более тверды, очевидно боясь суровой ответственности. Помню лишь один трагикомический случай зимой. Когда грянули большие морозы, охранка как-раз назначила следить за нами пожилого человека, который все время вертелся в наших воротах и около них. Ветер был весьма жестокий, пронзительный, а он, бедняга, был в тонком осеннем пальто, очевидно, ужасно продрог, не выдержал своего искуса, двинулся к нашему крыльцу, вошел в него, сел на холодные каменные ступеньки и грустно обнял голову. Очевидно, его жизнь была тягостна, и тот заработок, который он получал этим опасным промыслом, был для него очень тяжел. Кто-то из наших артельщиков, проходя мимо него и видя его окончательно окоченевшим, спросил:

— Ты что здесь, дед, сидишь? Или озяб? Пойдем погреться, чайку напьешься.

Тот, очевидно, не мог уже больше вытерпеть и совладать с собой, поднялся и, почти шатаясь, побрел за нашим артельщиком, через приемную, коридор и дальше на кухню, где как-раз был готов самовар и служащие наши должны были пить чай. Когда артельщик ввел этого старика, то его, конечно, все узнали, так как он долгое время следил за нами. Он виновато стоял у притолоки, сняв шапку и, видимо, не знал, что ему делать. Весь он был до такой степени жалок и приниженен, что никто не упрекнул его, что он — шпион.

— Садись здесь, — сказал ему кто-то.

Ему налили чай, дали хлеба, колбасы. Он обхватил ладошами стакан и стал на нем греть посиневшие негнувшиеся пальцы. Он, видимо, не чувствовал, что стакан был очень горяч.

— Смотри, не обожги руки! — заметили ему, — кипяток в стакане-то...

Он благодарно, виновато блеснул глазами и, ничего не сказав, отхлебнул глоток чаю, все также продолжая греть руки о стакан. Молчаливо выпил он стакан, ему налили другой, съел колбасу и хлеб, который дали ему, и, пододвинув тарелку, взял еще. Понемножку он обошелся, разомлел, и пот выступил на его лице.

— Что же это такое, — вдруг сказал он, — вы меня пригрели, накормили, напоили, а я вот за вами за всеми слежу и должен доносить обо всех вас, а что мне доносить? — я и сам не знаю. Должен смотреть: кто пришел, кто вышел, и так десять часов в день топчусь я здесь, а платят 37 рублей в месяц — у меня жена больная и шестеро детей.

И он примолк.

— А ты другую какую работу нашел бы, — просто, по-рабочему, сказал кто-то из артельщиков, — чем тебе этим заниматься. Нешто это работа следить за другими? А там, смотришь, еще поколотят.

— Да я сам пуще огня этого боюсь, — как вечером иду, все оглядываюсь. Вот так и кажется, что все на меня смотрят, вот так и норовят накинуться и растерзать. Дома приду, каждого шороха боюсь... А куда пойдешь? Есть нечего...

И наши ребята стали спрашивать этого пожилого человека о всей его жизни, кем он был, как попал в шпионы охранного отделения, какая его работа и что он о них пишет. Говорил-ли он правду, врал ли, но выходило так, что ничего путного он своему начальству донести о нас не может.

— Пуще всего велено смотреть за вашими старшими, — сказал он, — кто к ним приходит и куда они уходят. А я почем знаю? В магазин приходят каждый день сотни людей. Откуда мне знать, к кому они идут? Нешто я могу за ними итти туда, к вам в комнаты? Вот и пишу: сегодня приходило пять человек, а на другой день двадцать, а там опять три. Так вот пишу, сам не знаю что.

И он, обогревшись и поблагодарив, всех нас за „чай-сахар", нахлобучил шапку и медленными шагами прошел туда же, под ворота.

Дней двадцать еще дежурил он около нас, нередко заходил погреться в магазин, а потом его сняли, — может быть потому, что заметили, что мы хорошо атаковали нашего внутреннего врага, приручив его.

Вот так нам и приходилось все время лавировать между Сцил-лой и Харибдой, исполняя дело, возложенное на нас Центральным Комитетом нашей Партии.

XI

Со всех сторон съезжались к нам товарищи.

Кто только ни перебывал в это время в нашем Центральном книжном складе и магазине „Вперед"? У нас нередко бывали заседания Петербургского комитета, в котором преобладали большевики. На эти заседания приходил и Владимир Ильич, который в то время был уже нелегальным. Надежда Константиновна, обе сестры Менжинские, А. А. Богданов, Базаров, Теодорович, Зиновьев, Каменев, Луначарский, Никитич и многие, многие другие. Из провинциалов было много товарищей, которые оставили по себе след в истории нашей партии. Среди них из Луганска часто бывал Клементий Ефремович Ворошилов, заезжал Иннокентий, после покончивший с собой в Сибири, заходил Посталовский, Дееницкий, Крыленко и многие другие.

В один из дней, когда я еще был дома — а жил я на 4-й Рождественской, д. №35 — вдруг раздался рано утром телефонный звонок.

— Приходите скорее в магазин, — сказал мне кто-то, — к нам приехал гость, который экстренно хочет вас видеть.

Я понял, что случилось что-то неожиданное, что медлить нельзя, что действительно надо торопиться. Сейчас же, выйдя из дома, нанял извозчика и быстрым ходом направился на Караванную. Подъезжая к воротам нашего дома, начиная с Невского, я заметил небывалое оживление шпионов, которые тут кишмя-кишели. Они проходили по Караванной мимо нашего дома, входили в ворота, толпились там, выходили оттуда и точно чего-то ждали. Я остановил извозчика против ворот, медленно слез, по старой конспиративной привычке, в обратную сторону так, чтобы посмотреть, что делается сзади и так же медленно стал расплачиваться с извозчиком, нарочно дав ему три рубля, желая получить сдачу. Извозчик заявил, что у него сдачи нет. А я сказал, что у меня нет мелких и просил извозчика узнать у стоявших здесь же других извозчиков, не может ли кто из них разменять зелененькую бумажку, а сам самым тщательным образом изучал все, что делается около ворот. Я сейчас же заметил сосредоточенный на мне пристальный взгляд очень хорошо одетого господина в изящном пальто с бобровым воротником и в такой же бобровой шапочке. Не было для

меня никакого сомнения, что это—перворазрядный агент охранного отделения, посланный сюда на очень ответственную ловитву. У ворот стоял вытянувшись наш старший дворник, у которого так и шевелились длинные тараканьи усы. От волнения он не знал, что ему делать и, по военной привычке, „ел меня глазами". Мне сразу стало ясно, что что-то неблагополучно с нашим книжным складом. В это время извозчик раздобыл мелочи на три рубля и, махая рукой и несколько поругиваясь, что пропустил столько времени, отсчитал мне 2 рубля семь гривен сдачи. Я положил в кошелек и медленным шагом пошел во двор. За мной двинулось человек пять шпионов. Я их прекрасно видел в отражении моих очков. Я, не оглядываясь, все так же медленно шел до парадного крыльца нашего книжного склада, вошел по ступенькам на крыльцо и позвонил в магазин. Вся эта шайка шпионов остановилась и, как гуси, вытянули шеи, недоуменно посматривая на меня. Я невольно улыбнулся, оглядываясь на них, и мне так и хотелось спросить: „Что вам, подлецы, нужно?", но удержался и быстро вошел в открытую мне дверь.

Меня встретил наш мальчишка Володька, который жил здесь и в котором я давно уже разочаровался и недолюбливал его, так как мне казалось, что он сбивается с настоящего пути. Мне неприятно было, что именно он открыл дверь, и я не хотел у него ничего спрашивать, желая найти Мишу Юрова, которому я безусловно верил и который должен был мне все сказать, в чем тут дело. Но Володька, точно угадав мою мысль, что я с ним не хочу говорить, подлизывающимся голосом сказал мне, все время потрагивая только-что на пробор расчесанные и жирно напомаженные лоснящиеся волосы, „бабочкой" спускавшиеся на лоб.

—А у нас гость, Владимир Дмитриевич... Он там в задней комнате лежит: не то спит, не то дремлет. Пробовали мы его угощать чаем с колбасой, не пьет и не ест... Устал, видно, очень...

Я зашел к себе в кабинет, как-будто бы не обратив на эти слова никакого внимания, разделся, а сам обдумывал, что тут делать и кого бы я там мог встретить. В это время ко мне распахнулась дверь. Весьма робко и неуклюже вошел несколько смущенный Миша Юров и сказал:

—Приехал товарищ, перемученный, испуганный. Очень ему трудно, все вас зовет, лежит у меня на постели, совсем как больной.

—Назвал себя как-нибудь?

—Ничего не сказал. Позвонил, спросил вас, вошел, а мы его пускать не очень хотели. Сказал мне: „за мной гонятся, —пустите меня!" и велел скорей звонить к вам, ну я и позвонил...

Я сейчас же пошел в заднюю комнату и увидел распростершегося навзничь, крайне переутомленного, с совершенно измученным лицом, нашего старого друга и товарища, которого мы все звали „Папашей". Это был Максим Максимович Литвинов, тепершний народный

комиссар иностранных дел. Я подошел к нему вплотную, к постели, но он не отозвался: не то спал, не то был в полуобморочном состоянии. Я постоял, пристально глядя ему в глаза. Вдруг он открыл веки, посмотрел, приподнялся.

— Владимир Дмитриевич? — нервно сказал он, приподымаясь.

— В чем дело „Папаша", что случилось? — ответил ему я, крепко пожимая руку.

— Да вот, гонятся за мной уж несколько дней. Чуть-чуть не арестовали на Варшавском вокзале, и я еле-еле удрал от них. Хорошо, что помнил ваш адрес и приехал сюда. Вероятно, меня сейчас арестуют. Они узнали меня. Им давно хочется меня забрать — ведь я все время нелегальным.

— Да, — полушутя сказал я, — шпики обеспокоены очень, но вы не забывайте, дорогой мой, что мы живем в „конституционной" стране, в стране „ограниченной монархии," а потому ворваться к нам и насильно вас взять — это не так-то легко. Теперь нужно соблюсти кое-какие формальности. А пока они будут писать друг-другу письма, депеши и доклады, мы с вами отсюда уедем, — сказал я ему твердо, отнюдь еще не имея ни малейшего плана, как это сделать, как выбраться из той западни, в которую он попал. Ворота у нас были одни, и я совершенно ясно представлял, что до получения предписания об аресте Литвинова охранное отделение вышлет громадное количество шпионов и полиции и заполнит и окрестные улицы, и наш двор, и наши ворота, которые коридором проходили под домом, и вывести „Папашу" из этой ловушки будет крайне трудно. Все эти сомнения были, конечно, во мне глубоко затаены. Я и виду не подал, что есть какие-нибудь затруднения в исполнении того, что я ему сказал.

— Да неужели! — воскликнул он. — Отсюда можно удрать? — Чорт побери, что-то не верится...

— Будьте уверены, „Папаша", — сказал я ему твердо, — в эту ночь будете спать совершенно спокойно, в другой обстановке, а теперь, дорогой мой, напейтесь-ка хорошенько чайку, закусите тем, что у нас есть: вот колбаса, хлеб, ветчина, масло и ложитесь-ка спать и засните как можно крепче и лучше. Знайте, что вы находитесь среди своих, и вы здесь будете, конечно, охранены. Ни о чем не думайте, за вас мы все обдумаем.

Он добро посмотрел на меня и с удовольствием отхлебнул крепкий чай, который ему так благоговейно подал Миша Юров, смотря особенно горящими глазами на того товарища, который находился в такой огромной опасности. Тут подошли наши другие служащие, члены партии. Я тотчас же распорядился Володьку отправить вместе с другим артельщиком, на которого мы совершенно полагались, за приемкой товара в самый отдаленный склад города и дал ему распоряжение, чтобы он во что бы то ни стало задержался там как можно дольше, сделал бы перерыв в обед, пошел с Володькой в трактир, проваландался бы с ним до самого

последнего часа службы, а потом, если можно, закрутил его так, чтобы он не являлся сегодня сюда в склад.

Володька не хотел уходить, что мне было очень подозрительно, и все говорил, что он будет здесь помогать и что ему не хочется итти в склад и что он нездоров. Но я прикрикнул на него. Наш товарищ-артельщик взял его под руку и быстро увел с собой. Мои подозрения против семнадцатилетнего мальчишки в эту минуту еще более усугубились и созрели.

— В чем тут дело, почему мы так плотно окружены шпионами? — говорили друг другу товарищи, приходившие на работу.

Тем, кому можно было сказать, я все сказал и распорядился, чтобы тщательным образом следили за всем, что делается вокруг нашего дома, чтобы „Папашу" не беспокоили, к нему не входили и что сейчас мы примем меры, выработаем план, как его спасти. Я тотчас же ушел со склада. Довольно долго поколесив вокруг Караванной по переулкам, чтобы избавиться от шпионов, я поехал к Никитичу. Никитич сразу понял, что положение трудное. Он прежде всего предложил план вывести „Папашу" в женском платье, для чего командировал к нам в магазин „Вперед" мать своей жены с узлом, в котором было все нужное для маскарада. Но, когда мы примерили на „Папашу" платье, то он оказался в нем таким неуклюжим, так совершенно непохож на женщину, что нам стало ясно, что ему выйти в таком виде никак нельзя, что его арестуют мгновенно. Мы заторопились, собрали все платья и тотчас же мать жены Красина с этим же узлом вышла от нас через черный ход, как бы из соседнего дома. Ее никто не остановил, и она благополучно добралась до дому.

В это время к нам приехал Никитич для того, чтобы повидаться с „Папашей" и побеседовать с ним о нужных конспиративных делах. Я твердо решил, что все эти авантюрные планы нам не помогут и, задержав Никитича в моем кабинете, сказал ему, что единственный план, который я намерен осуществить, это то, что мы должны сейчас же подготовить нашего рысака. — У нас был такой, уже пожилой, лихач-извозчик, имевший великолепную лошадь, которая была куплена ему при содействии Леонида Борисовича Красина. Он был чрезвычайно лево настроен и постояно помогал нам в сложных конспиративных делах.

— Нам нужно все это сделать быстро, с натиском и очень смело,—сказал я Никитичу.—Имейте в виду, что осталось всего несколько часов. Я убежден, что ночью будет обыск, и „Папашу" арестуют.

— Что вы предлагаете? — спросил Никитич, смотря в упор мне в глаза.

— Я предлагаю, чтобы ровно в семь часов вечера, когда у нас закрывается магазин, подъехал к нашему дому наш лихач. На его санках должен сидеть кто-либо из товарищей, который, войдя к нам в склад, свою шляпу,—лучше всего котелок,—передаст Литвинову. Мы приготовим в это время для „Папаши" накладные

усы и маленькую эспаньолку. Именно под это лицо мы должны найти товарища.

— Такой есть, — ответил Никитич, — это мой помощник, он приедет.

— И вот мы, — продолжал я рассказывать мой план, — пользуясь той минутой, что магазин закрывается, сразу всей гурьбой выйдем из ворот и дадим возможность „Папаше" сесть на рысака, который умчит его на станцию „Удельную" Финляндской железной дороги, где наши товарищи уже будут его ожидать с купленным билетом, и он в первом поезде сейчас же уедет в Белоостров и далее, в Финляндию. Его фальшивку мы сменим на хороший паспорт, так что он проедет границу вполне спокойно и хорошо, лишь бы вывезти его отсюда.

— Великолепно, — загорелся Леонид Борисович, — и чем смелей, тем лучше и надежней. Вы берете это на себя?

— Конечно...

— Помните, я в вашем распоряжении. Сношения поддерживаем по телефону.

И он, полный бодрости и уверенности, прошел к „Папаше" разговаривать о делах, и эту бодрость и уверенность, как это он умел великолепно делать, вселил в отсиживавшегося Литвинова, который теперь, несколько отдохнув, смотрел весело и с увлечением стал говорить с Красиным о наших революционных, партийных делах.

Томительно и длинно тянулись последние часы этого дня, и мы дожидались семи часов вечера с большим напряжением и интересом. К этому времени мы стянули к нам в склад по одному, по два человека, около тридцати наших товарищей партийцев, которые толпились в розничных отделениях в качестве покупателей или находились в других задних комнатах. Одно окно нашего склада выходило прямо против ворот. Здесь мы поставили зоркого товарища, дали ему бинокль, в комнате потушили огонь. Из нее очень хорошо была видна улица, так как яркий свет Караванной и сильный электрический фонарь во дворе, как прожектором, прекрасно освещали коридор ворот и самый двор.

Я знал, что ровно в 7 часов по часам, заранее выверенным, будет лихач. Против ворот на другой стороне мы поставили двух очень расторопных молодых рабочих, которые должны были, как только подъедет лихач, сейчас жи итти во двор и зайти к нам в магазин для того, чтобы через них нам знать, что там делается около ворот.

И вот, когда было приблизительно без трех минут семь и когда „Папаша" уже налаживал усы и эспаньолку и стоял в коридоре около моего кабинета перед выходом, где именно он должен был обменяться шляпой с тем товарищем, который приедет, вдруг отворилась дверь в нее вошли офицер и восемь человек юнкеров. Я подумал: „неужели арест?" Но, стоя здесь в передней уже одетый, около двери в розничное отделение, я не подал виду какого-либо смущения и громко спросил их:

— Что вам угодно?

— Нам нужно для Александровского юнкерского училища подобрать библиотеку, — очень внимательно и очень учтиво сказал офицер. — Нам рекомендовали ваш магазин, но мы немножко опоздали. Может быть, вы будете добры и разрешите нам задержаться на несколько минут в вашем магазине, чтобы переговорить с кем нужно о нашей библиотеке?

— Пожалуйста! — сказал я им весело, — проходите вот сюда, — и показал им на дверь в розничное отделение к Архангельской, которая сразу поняла в чем дело, сейчас же занялась с юнкерами и изящным, учтивым офицером. Ее сослуживицы, которые помогали в продаже книг, также стали с ними вступать в разговоры, отвлекая их в дальнюю часть этого значительного помещения нашего розничного магазина. И не более как через минуту после того, как они вошли к нам в склад, отворилась вновь дверь, показались два наших товарища-рабочих, один из них кивнул мне головой, что означало „все хорошо", а за ними вошел помощник Красина, который, увидевши военных, несколько растерялся.

— Пожалуйте сюда! — сказал я ему.

Он быстро вошел в коридор, где стоял „Папаша", очевидно, также немножко оторопевший при виде вошедших юнкеров.

— Меняйтесь шапками, скорей! — бросил я ему шопотом.

Они обменялись. Приехавший товарищ прошел ко мне в кабинет и там остался. Я взял „Папашу" под руку и быстро вывел его в переднюю и сейчас же на крыльцо. В это мгновение с обоих концов нашей квартиры, из обоих подъездов, прямо за „Папашей" и с черного хода, двинулись все служащие, которые были у нас в магазине, и все те якобы покупатели, которых я сосредоточил в этот день в нашем складе. Образовалась довольно большая толпа человек в 45 — 50. Они плотно окружили „Папашу", с которым я шел рядом, держа его под руку. Весело и бодро, крича и шумя, особенно в воротах, стараясь всеми мерами отшибить подальше шпионов, шла гурьбой наша молодежь. В самых воротах они устроили большой скандал, придравшись к толстяку из охранного отделения, при чем кто-то из рабочих дал ему подножку, тот споткнулся и почти упал. Толпой они ввалились под ворота и, выйдя на улицу, сразу расступились. Я быстрым движением двинул Литвинова вперед к стоявшему лихачу на белой лошади. Он вскочил в маленькие санки.

— Пшел! — крикнул я, бросая полость.

Все это случилось мгновенно. Лихач крепко ударил вожжами по рысаку. Тот, видимо, никогда не получая такого понукания, оскорбленный в своих лучших чувствах, осел, напружился и сразу прыжком так двинул вперед, пошел такой огромной рысью, что не прошло и четверти минуты, когда только вдали мы увидели колеблющуюся спину „Папаши", мелькавший круп рысака, отбрасывавшего сильные ноги, и равномерно колыхающуюся легкую дугу, обрамлявшую голову кучера.

Охранники сразу почувствовали, что здесь что-то случилось серьезное. Они бросились к рысаку, а за ними околоточный, выхвативший револьвер. Он видимо хотел стрелять, но мгновенно понял, что все пропало. Он остановился в нерешительности. Охранники повернули, было, ко мне, вероятно, намереваясь арестовать, но наши „покупатели", вышедшие со мной из магазина, продолжали так шуметь, кричать, галдеть и так неистовствовать, что привычные ко всему охранники растерялись и упустили момент. Я повернул направо к Невскому, а вслед за мной и все наши люди мгновенно рассеялись в разные стороны.

Я пошел по Невскому проспекту и, оглянувшись, увидел, как к нашему старшему дворнику подскочил охранник в бобровой шапочке и начал на него кричать, угрожая ему кулаками.

Побродив несколько минут по Невскому, я спокойно вернулся обратно, и в это время тот, в бобровой шапке и бобровом воротнике, который здесь дежурил целый день, схватил за горло старшего дворника и изо всех сил наотмашь бил его кулаком в лицо, совершенно, очевидно, забыв свое достоинство агента первой степени охранного отделения.

— Ах ты, мерзавец! — кричал он на всю улицу. — И ты нам не сказал?.. Подлая твоя рожа!..

— Ваше благородие! Ваше благородие! — вопил тот, стараясь вырваться из рук этого рассвирепевшего охранчика, — откуда же я мог знать, ведь целый день я около вас стоял?!

— Еще разговаривать! — кричал охранник, не обращая внимания на то, что вокруг него образовалась уже толпа. — Убью, негодяй!..—вопил он.

— Это что такое? — закричал кто-то из толпы. — Бить по морде? Да какое ты имеешь право, сукин сын? — И толпа все более и более наступала на агента в бобровой шапке. Тот понял, что он зарвался.

В это время в толпу врезался околоточный надзиратель. Бобровая шапка буркнула околоточному: „Под арест его!" и быстро скрылась. Околоточный не исполнил приказания. Старшего дворника не арестовали. Но я могу сказать наверно, что в эту минуту этот старший дворник, и ранее задетый пропагандой, превратился в отчаянного врага охранного отделения. Он нам очень много помог в скором времени, когда нам приходилось спасать имущество книгоиздательства и книжного склада „Вперед", запечатанного печатями следователя по особо важным делам.

„Папаша" благополучно домчался до станции „Удельная". Здесь его встретили наши товарищи, которых мы направили туда заблаговременно, и вручили ему билет второго класса. Так случилось, что очень скоро подошел поезд Финляндской дороги, шедший из Петербурга в Выборг. „Папаша" сел в него, и через день мы уже имели от М. М. Литвинова открытое письмо из Финляндии.

XII

После неожиданного и столь удачного побега Литвинова из той западни, в которую, он, казалось, окончательно попал, негодование и злоба охранного отделения на наш центральный книжный склад и магазин „Вперед" все более и более возрастали. Шпионы, окружавшие нашу квартиру, все более наглели. Они приходили под видом покупателей, заявляли, что им нужны библиотеки для солдат, находящихся в казармах, для учителей и пр. и т. п. Но наши служащие, давно наметавшие глаз на этой публике, ни разу не попались на эту удочку. Они самым внимательным образом занимались с этими quasi-покупателями, советуя им приобретать самые невинные книги. А когда те требовали что-нибудь с „перцом", как один из них выразился, то тогда им предлагали Толстого, Успенского, Некрасова.

— Все это не то,— со злобой и с досадой сказал один из шпионов.

— Почему же не то? Что же вы хотите?— спросили у него самым наивным образом.

— Запрещенненького!— на ухо шепнул он продавщице.

— Напрасно вы пришли сюда спрашивать запрещенненькое,— спокойно ответили ему,— мы не интересуемся подобными книгами.

Так и не удалось этим покупателям из охранного отделения приобрести у нас хоть что-нибудь такое, что могло бы скомпрометировать наш книжный склад и магазин. Но мы, конечно, должны были очень насторожиться, ибо прекрасно понимали, что могут быть не только устные, но и письменные подобные требования, и твердо решили не выполнять ни одного заказа, поступавшего от неизвестных нам лиц, если там попадались конфискованные книги. Наоборот, выполняли только неконфискованную часть, сообщая, что такие-то книги в продаже не имеются в виду их конфискации.

Так дело подошло к 1 мая, когда мы, конечно, напрягли все наши силы, чтобы распространить как можно больше первомайскую литературу, которую наши петербургские организации издали довольно много. Мы заблаговременно разослали эту литературу по известным нам адресам партийных организаций и, само собой понятно, на этих отсылках нигде не ставили, в качестве отправителя, штемпеля нашего центрального книжного склада и магазина „Впе-

ред". Мы отправляли эти ящики и тюки от всевозможных выдуманных лиц и фирм с несуществующими адресами, наперед рискуя тем, что, может быть, кое-что из этих ящиков пропадет и не будет выкуплено.

Никитич продолжал все так же интересоваться нашим делом, одобрял нашу тактику. Всю нашу конфискованную и нелегальную литературу, которую мы посылали без наложенного платежа, всегда оплачивал нам по себестоимости из средств большевистской части ЦК партии.

Мы ждали, что под первое мая у нас будет обыск. Так оно и случилось. Мы прибрали весь склад, конфискованную литературу запрятали в самые дальние углы, завалили мусорной бумагой, различными пакетами, посылками.

Опять неожиданно, как снег на голову, пришел тот же самый пристав, и мы сразу почувствовали себя вполне обеспеченными в хорошем результате обыска. Мы ранее предполагали, что на этот раз обыск будет произведен агентами охранного отделения, что, конечно, в сто раз было бы хуже. Мы знали, что пристав с удовольствием получит причитающуюся ему мзду и закроет глаза на все, что бы он ни увидел. Но то, что случилось, превзошло все мои ожидания. Я был вполне уверен, что у нас в книжном складе на видных местах решительно ничего нет, что бы могло нас скомпрометировать и, когда пристав, вместе со своим помощником и еще с одним околоточным, вошел ко мне в кабинет, при чем околодочный остался в коридоре, не смея войти туда, куда вошло его высокое начальство, — пристав показал мне бумагу, где предписывалось ему осмотреть все книжные склады и магазины, находящиеся в его районе, на предмет конфискации первомайской литературы.

— У вас ее, наверное, хоть пруд-пруди, — посмеиваясь животом, сказал бравый полковник, разглаживая закругленно подстриженные бакенбарды.

— Ну, для чего же нам эта литература? — ответил я ему.—Нам некогда заниматься такой мелочью!

И я двинулся из кабинета в огромную главную залу нашего склада, где всюду стояли прилавки и столы, за которыми во время работы упаковывали посылки и подбирали заказы. Войдя, мне неожиданно бросилось в глаза, что на одном из средних прилавков стояли две большие развязанные пачки беленьких брошюр. Мне это не понравилось, так как я думал, что с прилавков и столов все убрано. Мне об этом так и было сообщено ответственными товарищами за самое короткое время перед этим неожиданным посещением полиции. Но делать было нечего, пришлось итти дальше. И вот мы, рассуждая о пятом, о десятом, медленно двигались к этому роковому столу и, в то время, как я убеждал пристава, что у нас нет ни одной брошюры первомайской литературы, я почувствовал, что именно две эти пачки являются как-раз первомайской литературой,кем-то, очевидно, недавно, поста-

вленными здесь на самом видном месте. Мне неприятно было, что вместе с приставом увязался его другой помощник, не тот, с черной бородой, который за 15 рублей делал все, что нужно, а другой, мне неизвестный, и я мог предполагать, что этот новый помощник пристава является постоянным агентом охранного отделения при полицейском участке. Помощник пристава шел немножко поодаль от нас, пристально всматриваясь в полки, на которых лежала различная литература корешками наружу. Когда мы подошли к этому прилавку, где стояли эти две пачки, я увидел, что это лежит совершенно открыто первомайская литература и что достаточно бросить взгляд, чтобы убедиться в этом. Мне ничего не оставалось другого делать, как остановиться около этих пачек, и я на одну из них облокотился левым локтем, закрывая тем самым название книги. Пристав, оглянувшись на помощника, подошел к другой пачке, облокотился на нее правым локтем, и мы так, повернувшись лицом к помощнику, который шествовал к нам, как две живые кариатиды, стояли на страже первомайской литературы и продолжали спокойно разговаривать. Помощник пристава подошел и остановился. Пристав, продолжая разговор, сказал ему:

— Господин помощник пристава, будьте любезны пройти по другим комнатам и бегло просмотреть их.

Тот, сделав под козырек,— они были оба в форме,—пошел дальше, оглядывая полки. С ним шел кто-то из наших служащих. Мы все также продолжали стоять у первомайской литературы, крепко положив локти на пачки и тщательно закрывая название брошюры, при чем пристав делал мне страшные глаза, кидал молниеносные взгляды и укоризненно качал головой.

Я понял, что за его верную службу придется ему прибавить.

Помощник пристава прошелся по складу, вернулся и отрапортовал, что ничего подозрительного не нашел.

— Будьте любезны пройти в кабинет к Владимиру Дмитриевичу и составить по этому поводу маленький протокол, — сказал ему пристав.

И помощник пристава, с явно неудовлетворенным любопытством по отношению к тем книгам, у которых мы стояли, проследовал в мой кабинет. Тогда пристав оторвался от столь тщательно охраняемой им первомайской литературы и знаком показал, что надо все это немедленно убрать. Я сейчас же подозвал Мишу Юрова, который был здесь, и показал ему руками, что все это надо сейчас же вынести. Обе пачки были подхвачены и мигом почти бегом унесены. Тогда пристав двинулся бодрым шагом вперед, музыкально позвякивая шпорами и, входя в кабинет, сказал:

— Я очень рад, что у вас все в порядке. Откровенно говоря, я побаивался, что вдруг мы на что-нибудь наткнемся. А мне было бы очень неприятно, если бы в моем участке было что-либо подобное...

Помощник пристава встал при входе пристава, уже закончив маленький протокол.

— Идите домой, здесь все кончено, — сказал ему пристав, садясь подписывать бумагу.

Тот откланялся и удалился, а я, за спиной пристава, полез в бумажник и к 50 рублям прибавил еще 25 и благодарно пожал руку пристава. А он спокойно прибавил, беря деньги:

— А все-таки в другой раз надо быть поаккуратней.

Я совершенно разделял его точку зрения и думал: „Да, действительно, надо быть нам поаккуратней, а то может случиться, что кривая нас не вывезет".

Полиция ушла. В моем кабинете собрались ближайшие товарищи.

— Откуда могли появиться эти две пачки? — стал спрашивать я их.

Решительно никто этого не знал и не мог догадаться. Один из служащих видел, что Володька дольше других оставался в складе, все время мешкая, и потом быстро ушел, так что его и теперь в помещении не было.

У меня не оставалось ни малейшего сомнения, что это дело его рук, и я твердо решил узнать о нем всю подноготную. Он давно мне не нравился, но так как он был рекомендован одним из наших ответственных товарищей, который знавал его мать и его самого, почему его и определили курьером в нашей газете „Новая жизнь", откуда после автоматически как бы по наследству, перешел он к нам во „Вперед". Несмотря на то, что за него этот товарищ постоянно стоял горой и заявлял нам, что он знает очень хорошо и его и его семью, я твердо решил, не считаясь ни с какими подобными указаниями и ручательствами, выяснить физиономию Володьки, который, по моим наблюдениям, стал жить не по средствам: одевался во все новое и, что самое главное, кутил. Уже не однажды мы получали сведения, что он проводит вечера в каком-то трактире, познакомился с девушками и тратит на них деньги, постоянно стараясь перебить в кутежах других настоящих хулиганов и прочих подозрительных лиц. Я сказал об этом нескольким товарищам, и мы тщательно стали за ним следить. Весь он был неестествен. Когда он вернулся на другой день после осмотра нашего склада полицией, то по всему было видно, что он чему-то изумлен. Наши рабочие стали его расспрашивать, где он был, когда он ушел со склада и не распаковывал ли он какую-либо литературу? Тот, все время, — то краснея, то бледнея, — отнекивался, божился, клялся и вел себя весьма нервно. Этот перекрестный допрос, произведенный во время дневного чаепития рабочими, очень волновал Володьку, а нам все более и более подсказывал, что с ним надо быть особо осторожным. Несколько товарищей решили его выследить.

Дня два—три он никуда не ходил и старался ложиться рано спать. Иногда подходил к телефону, звонил куда-то или бывал вызываем то женскими, то мужскими голосами и разговор его был нам непонятен. Отрывочные фразы, которые он бросал, были явно условными, своеобразно конспиративными.

Дня через три он не вытерпел и после какого-то звонка вдруг, наскоро одевшись, бросился со всех ног куда-то. За ним незаметно последовали двое наших товарищей. Оказалось, что он пришел в один из самых отвратительных трактиров-вертепов, находившийся у Невской заставы, где кутили подозрительные личности, и он, очевидно ревнуя одну из проституток к другому худощавому, тоже стал кутить, обнаружив, что имеет значительные для такого молодого парня деньги.

После кутежа он ввязался в драку и был довольно сильно избит этими подозрительными личностями, при чем один из них крикнул ему:

— Проваливай отсюда, шпионская морда, иначе не быть тебе живым.

Наши товарищи, незаметно сидевшие в это время в трактире, за дальним столиком, видевшие и слышавшие все это, при первой возможности ушли и на другой день сообщили мне свои наблюдения.

Володька пришел с большим фонарем под глазом, который он тщательно старался замазать мелом и пудрой и на все расспросы, отвратительно улыбаясь гнилыми зубами, говорил, что все это дело вышло из-за девченок. А когда его один из рабочих спросил, почему его так обозвали, то он сейчас же торопливо ответил:

— Это я все расплачиваюсь за ним, так как он у меня Соньку отбил. Вот он и кричит так.

Само собой понятно, что все его объяснения не могли нас удовлетворить, и в наших глазах обвинение его в сыскной деятельности все более и более сгущалось. Мы продолжали расследовать его дело и, конечно, приняли все меры, чтобы он не улизнул куда-нибудь, а, с другой стороны, совершенно не допускали его ни до разговоров, ни до присутствия внутри склада, всегда находя ему другую, внескладовую работу. Кроме того, мы тотчас же предложили одному из наших верных людей-артельщиков, поселиться в складе, где ранее всегда жил один Володька. Одно время я стал подозревать, узнав, что у него имеются лишние деньги, — не ворует ли он книги и не продает ли он их где по дешевой цене но, несмотря на все приметы, которые мы оставляли на самых выгодных для продажи книгах, ни разу нигде ничто не было нарушено. Очевидно, это наше предположение было неверно, что в скором времени вполне подтвердилось.

Сильным толчком в обнаружении правды по этому делу, как нередко это бывает в жизни, помог нам совершенно неожиданный случай. К нам в магазин явились две девушки и пожелали видеть „самого главного", — как сказали они, — и что-то рассказать. Так как подобные случаи бывали нередко, то я, конечно, охотно их принял. Их обличье и все их поведение сразу обратило мое внимание. Это не были работницы, это не были обыкновенные женщины, которые к нам частенько заходили по всевозможным делам нашей партийной организации. Весь их вид показывал мне, что они стоят на плохой дороге, что

они принадлежат к тому несчастному слою женщин, которые гулянием, разгулом и проституцией должны снискивать себе необходимый заработок. Они смущались, не хотели сесть и все говорили, что они зашли на минуточку, чтобы сказать то, что они хотят сказать, и сейчас же уйти. Озирались кругом, очевидно, боясь, что их заметят. Я заявил им, что им незачем спешить или бояться кого бы то ни было, что они могут здесь говорить совершенно спокойно и свободно.

— Видите ли, мы — гулящие, — сказала одна из них. — Мы пришли сюда потому, что у вас тут живет мальчишка Володька. Он тоже постоянно гуляет и не только гуляет с нами в трактирах, но, когда он живет здесь в магазине, то впускает нас и наших подруг сюда, а за нами увязываются и другие наши кавалеры, и тут по ночам идет постоянная пьянка и бражка. А мы знаем, что Володька деньги получает от сыщика, который его нанял, и он этому сыщику каждый день приносит записки, бумажки, письма, туда, к нам, в трактир. Передает их ему, а тот платит деньги, и на эти деньги Володька кутит и нас угощает. Он хвастал, что скоро задорого продаст вас всех и уедет в Крым или на Кавказ.

Я насторожился. Для меня было совершенно ясно, что эти девушки не лгут. Но мне непонятны были мотивы, почему они пришли.

— Что же, вы поссорились, что ли, с ним? — спросил я их.

— Какое там поссорились! Нам от него житья нет!.. Он ревнивый, и вот нас обеих от себя не отпускает и даже несколько раз подрался с ребятами. Мы пришли потому, что ненавидим сыщиков, они подлецы. Володька тоже подлец, он тоже сыщик...

Я сделал вид, что не придаю значения их разговору, но все-таки поблагодарил их за то, что они пришли сказать нам. Сам я был совершенно убежден, что все это именно так оно и есть, так как последнее время поведение Володьки было для меня отвратительно, хотя я далеко не знал всех тех подробностей, которые сообщили мне эти девушки.

Я считал, что для окончательного выяснения дела необходимо констатировать самый факт передачи писем или записок, или разговора этому сыщику, о котором упоминали посетительницы. Без этого я все-таки не считал возможным признать дело достаточно доказанным, так как очень хорошо знал, что среди этого преступного, гулящего мира бывали и бывают нередко всевозможные самые гнусные истории, где предают один другого из мести, из-за насмешки, из-за ревности или из-за каких-либо других, самых низменных мотивов. Мне хотелось проверить прежде всего, правду ли говорят девушки, что они бывают по ночам в нашем магазине.

— А вы знаете, в какой комнате живет здесь Володька?

— Как же нам не знать? Мы тут сколько раз ночевали, и лишь под самое утро он нас выпускал отсюда.

— А ну, пойдемте, — сказал я, — покажите мне его комнату.

Те переглянулись, немного застыдились, и одна из них сказала:

— Ну что-ж, пойдем.

Мы встали и тихо вошли в склад. Там кипела работа и, конечно, никто не знал и не подозревал, что это за женщины.

— Идите! — сказал я им, пропуская их вперед.

Они, увидев много народа, смутились и, как затравленные зверки, тихо, понуря головы, пошли по комнате, исподлобья озираясь кругом. Шли прямо, не останавливаясь и, когда дошли до конца, откуда можно было сразу войти в три комнаты, то без колебания повернули именно в комнату Володьки.

— Вот здесь мы всегда и бывали, — сказала одна из них.

— А это вот его постеля, — сказала другая, совершенно точно указывая на кровать своего дон-Жуана.

Не требовалось никакого больше доказательства того, что эти девушки прекрасно знали расположение нашего склада, так же, как и расположение комнаты того самого Володьки, на которого мы оставляли весь склад благодаря излишней доверчивости к рекомендации наших двух весьма ответственных товарищей и нашей собственной несомненной опрометчивости.

Я затворил дверь и предложил им сесть у стола.

— Скажите, у Володьки много денег? — спросил я их.

— Да разно бывает. Сыщик ему жалованье платит 30 рублей, а потом дает на чай, если он принесет что-нибудь интересное или скажет ему то, что ему нужно. После этого он и клянчит: „Дай, дяденька, пятерку". Вот, смотришь, тот и даст ему трешник. Недавно он приволок к нему целую пачку книг, а тот ему и говорит: „Дурак ты, дурак, зачем же ты книги припер мне пустые? Надо было на каждую поставить штемпель, тогда было бы видно, что это из вашего магазина, а то ведь таких книг везде купить можно сколько хочешь". „А я тебе штемпель принесу завтра", — ответил Володька. — „Это хорошо, да смотри, не попадись", — сказал ему сыщик и угостил его водкой.

— А когда бывает там сыщик и когда Володька приходит?

— Это по-разному: иногда тот его дожидается, а иногда Володька его. Сидит он в дальней комнате, в „дворянской", направо в углу за столом, там его не очень и видно — шкаф мешает. Там сыщик всегда и сидит за шкафом. К нему все туда приходят доклад делать.

— А разве много там таких, как Володька? — спросил я.

— А как же! Он всех и девушек старается на этот путь сбить. „Где, — говорит, — вы бываете, все смотрите. Что подозрительное увидите, все тащите и мне говорите, всем вам будет награда". А вот мы не хотим, так он нас ругает и все к себе требует, ничего не платит и издевается над нами дома почем-зря. Все поет молитвы и говорит нам, что он женат, а такие штуки с нами проделывает, что прямо страсть...

Я понял, что больше ничего я от них получить не могу и вести разговор дальше счел неудобным. Поблагодарил их за все то, что они нам сказали. Когда мы вышли обратно из комнаты Володьки, то наши ребята пристально вглядывались в этих девушек. Чтобы не смущать их больше, я выпустил их черным ходом. Как только

я отпустил их, тотчас же вызвал к себе двух наших артельщиков, хороших своих рабочих, на которых мог вполне положиться, и предложил им обязательно проникнуть в этот трактир. В случае чего, отыскать этих девушек, как бы проводить время с ними, угощая их чаем или едой и так проследить, чтобы увидеть Володьку, когда он пойдет к этому сыщику в „дворянскую", за шкаф на исповедь. Во мне невольно закрадывалась мысль, что Володька, увидев наших служащих из склада, смутится и не пойдет в „дворянскую" комнату. Вот почему я предложил одному из них, более смышленому, взять к себе в товарищи рабочего, у нас не служащего, ничего ему не говорить, но чтобы тот был лишь свидетелем всего этого дела.

Несколько раз ходили эти два рабочих в трактир, и Володьки все не было. Точно он почувствовал, что за ним следят. Даже одно время они хотели совсем бросить ходить в этот вертеп, так как им очень было противно видеть все то, что там делалось. Но я настаивал, прекрасно понимая, что еще несколько дней, и Володька не вытерпит, так как он понерасходует деньги и ему нужно будет опять итти за заработком. Так оно и случилось. Поздно вечером, в двенадцатом часу,—как рассказывали оба эти товарища,—Володька явился с какими-то парнями и несколькими девушками в трактир. Будучи уже навеселе, он развязно держал себя, потребовал закуску и водку. Стал всех угощать и, отделившись от компании, юркнул в „дворянскую". Тогда наши товарищи спокойно пошли за ним и заняли столик так, что очень хорошо можно было видеть, что делается за шкафом. Они точно установили, что Володька сейчас же пошел за шкаф, подсел к сыщику, стал ему что-то шептать и вытащил из кармана бумажки и все ему передал. Получив от него несколько рублей, он возбужденно выскочил оттуда и пошел в зал к своим приятелям, где стоял страшный шум и гам.

Когда мы узнали об этом, для нас немедленно возник вопрос о том, что больше терять этого дела нельзя и что, пока не поздно, нужно будет это дело ликвидировать окончательно.

Я поехал к Красину, сообщил ему все данные и сказал, что его протеже—несомненный шпион.

Красин был изумлен и тотчас же вызвал тов. Калошу, ручавшегося за него. Мы ему все передали. Тот сначала не поверил, но, когда я ему рассказал подробности, он вдруг вскрикнул:

— То-то я часто замечаю, у меня пропадают бумажки!

Нам совершенно стало ясно, что Володька гоняется за двумя зайцами: за публикой, находящейся и бывающей в магазине „Вперед", и за своим благодетелем и что последнего предает целиком и полностью, так как дело это обещает ему большую поживу, ибо тов. Калоша тогда занимался многими конспиративными, весьма ответственными делами, и им, конечно, очень интересовались охранники.

— Вам надо немедленно уезжать, — сказал ему повелительно Красин. — Не теряйте дня. Сейчас же отправляйтесь в Финляндию

и живите, скажем, в Териоках, а сюда и носа не кажите. Вас он несомненно предал, и вы ждите ареста.

— Но что же нам делать с Володькой? — спросил я.

— Вам возиться с ним не нужно, — сказал Красин, — а его дело надо передать нашим боевикам, что тов. Калоша немедленно и сделает...

Мы через несколько дней, ничего не говоря Володьке, рассчитали его за пьянство. Он пробовал, было, упираться, говорить, что это несправедливо, не хотел выезжать с квартиры из склада. Но ему сказали, что он должен выметаться немедленно. Тогда он стал нам грозить, что он что-то нам сделает, но мы его заставили немедленно собраться. Он заявил, что ему некуда деваться. Ему сказали, что он может ехать к матери. Володька за это ухватился и его, под эскортом двух товарищей, отвезли домой. Ему было сказано, чтобы он не смел более являться в магазин. Боевики тотчас же его взяли на учет, проследили его до мелочей и, когда они вновь установили его полную причастность к шпионству, то он был уничтожен боевым отрядом, действовавшим под руководством т. Камо. Это дело было сделано так, что он, исчезнув с квартиры, больше, конечно, туда не явился и нигде не был найден. Вероятнее всего течение реки Невы труп его отнесло подо льдом куда-либо очень далеко, после того как он был спущен в прорубь на глухом переходе через Неву.

Когда впоследствии охранка разгромила наш склад, то на обыске Статковский упомянул о пребывании „Пашаши" у нас в складе, и это совершенно убедило меня, что в оценке Володьки мы не ошиблись.

Я не мог не учитывать того, что исчезновение Володьки будет приписано охранным отделением к тяжкой, с их точки зрения, хотя и необнаруженной нашей вине, ибо они лишились весьма нужного им агента, который имел возможность постепенно довольно глубоко проникнуть в нашу организацию.

Само собой понятно, что мы очень почистились, ожидая новых налетов. Но одно из таких наиболее серьезных нападений охранки случилось значительно позднее.

XIII

С самых первых дней деятельности центрального книжного склада и магазина „Вперед“ при нем было организовано наше самостоятельное книгоиздательство „Вперед“. В редакцию его входили: Михаил Степанович Ольминский, Анна Ильинична Елизарова, Вацлав Вацлавович Воровский (Орловский), Вера Михайловна Величкина-Бонч-Бруевич, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, Иосиф Петрович Гольденберг (Мешковский), Анатолий Васильевич Луначарский (Воинов). Над этой редакцией стоял коллектив из В. И. Ленина, А. А. Богданова и В. А. Базарова, который должен был давать нам все директивы в нашей издательской деятельности, при чем надо отметить, что ни Базаров, ни Богданов не проявляли себя особо активно, а вот Владимир Ильич, тот, наоборот, и часто бывал у нас и очень пристально интересовался всем нашим делом. Базаров к тому же вскоре перекочевал в издательство „Молот“, где стал редактировать все его издания, значительно улучшив продукцию этого рыночного предприятия, работавшего под марксизм. Базаров поставил там твердые редакционные условия, надеясь исправить Балиева и воспользоваться его сильным распространительским аппаратом. Мне всегда казалось, что эта его затея глубоко утопична и никаких значительных результатов не даст. Это так на самом деле и случилось, несмотря на то, что те книги, которые вышли под редакцией Базарова, были интересны и нам нужны.

Мы сейчас же стали организовывать выпуск наших собственных брошюр, для чего и обратились к целому ряду наших партийных писателей. Одним из первых отозвался тов. Г. И. Крамольников, который принес свою „Программу занятий в кружке высшего типа“. Мы ее вскоре выпустили в свет, и через некоторое время она была конфискована.

Также и другие наши авторы быстро стали сосредоточиваться в издательстве „Вперед“. В скором времени у нас образовался значительный список изданий книгоиздательства „Вперед“. Чтобы современному читателю разобраться в каталоге нашего книгоиздательства, мы должны здесь проанализировать его. Возьмем наиболее полный каталог опубликованный в изданной нами книжке № 7 „Пель-меля“ [1]

[1] Напечатано на книжке ошибочно „Пельмен“. Должно быть не „Пельмен“, а „Пель мель“.

„Среди военных“ (1907 г.). Эта брошюра хотя и долго публиковалась нами в объявлениях, но была выпущена в свет с большим опозданием. На четвертой странице обложки этой книжки мы найдем сорок два номера каталога книг книгоиздательства „Вперед“, при чем мы увидим, что под крупной заглавной строкой: Книгоиздательство „Вперед“ в скобках напечатано: (Соединенное издательство: „Марксиста“, „Нашей мысли“ и „Утра“), а далее адрес: С. Петербург, Караванная, 9, кв. 8. В книжном отделе книгоиздательства „Вперед“ первым номером списка книг идут работы Н. Ленина: „Победа кадетов и задача рабочей партии“ 180 стр., ц. 30 к. и „Пересмотр аграрной программы рабочей партии“. Цена 10 коп. С. Петербург, 1906 г. 31 стр., изданные нашим же партийным издательством „Наша мысль“, состоявшим при журнале того же наименования, о котором мы рассказали в первых главах. Следующие два номера, а именно: № 3 П. Орловский — „Ка-деты в думе“ и „Возникновение рабочего класса“, ц. 7 к., а также № 4 Л. Милевич. — „Агашин конец“, стихотворения Д. Ш., Ал. Белозерова и Е. Черского и А. Окулова. „Там на углу“. (Сборник посвящен московским событиям), ц. 5 к. Обе эти книжечки были изданы еще до возникновения книгоиздательства „Вперед“, так же как № 1 и № 2 „Библиотеки наших читателей“, являвшейся продолжением закрытого администрацией еженедельного журнала „Наша мысль“. Эта последняя книжечка была посвящена „московским событиям“, т. е. московскому вооруженному восстанию. Таким образом эта книжка была чуть ли не первым откликом нашей печати после разгрома Красной Пресни контрреволюционными войсками царского правительства. Эти четыре книжки, хотя и зачислены были нами в каталог издательства „Вперед“, где и значились под №№ 1, 2, 3 и 4, в сущности к нему не принадлежали и были изданы раньше. Для характеристики издательства „Вперед“, как такового, эти книжки не должны быть принимаемы во внимание, хотя они также являются нашими изданиями и изданы почти теми же лицами, но все-таки это не впередовские издания. Также указанными в каталоге „Вперед“ мы найдем ординарный № 10 и двойные номера, а именно: 10/1 (вместо № 11), потом 12/2, 13/3, 14/4, 19/5, 20/6, 31/7, 22/8, 23/1 — это все издания книгоиздательства „Утро“, которые были введены в каталог книгоиздательства „Вперед“ после слияния книгоиздательства „Утро“ с книгоиздательством „Вперед“. Таким образом, собственные издания книгоиздательства „Вперед“ значатся под №№ 5, 6, 7, 8, 9, 15, 16, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41 и 42. Всего двадцать шесть брошюр.

Вот список именно этих книг:

5. М. Ольминский. — После одиночки, ц. 10 к.; 6. В. Величкина. — Вильгельм Вейтлинг (биографический очерк), ц. 2 к.; 7. Пельмель. — Среди военн. (дневник), ц. 10 к.; 8. О Давыдова. — Два дня (из хроники октябрьских дней), ц. 5 к.: 9. М. М — Красная

сотня, ц. 1½ к.; 15. Кармен. — За что? рассказ, ц. 3 к.; 16. Кроль — Программа занятий в кружке высшего типа, ц. 8 к.; 24. Панекэк. — Раздел добычи, ц. 3 к.; 25. Легин. — Профессиональное рабочее движение в Германии за последние 10 лет, ц. 3 к.; 26. Станислав (А. Вольский). — Социализм и русская община, ц. 12 к.; 27. — Международное социалистическое бюро о продолжительности рабочего дня. Перев. с франц. М. Э. под ред. В. Величкиной, ц. 8 коп.; 28. Ев. Яшнов. — Голоса молодости (3 рассказа) ц. 4 коп.; 29. Ев. Яшнов. — В каменном городе. Рассказ, (с рисунков.) ц. 4 к.; 30. Н. Ленин. — Г. Плеханов о тактике социал-демократии, ц. 5 коп.; 31. Краткий народный словарь (пособие при чтении газет и популярных политико-экономических брошюр), ц. 10 к.; 32. Г. Линдов. — Борьба за избирательное право во Франции, ц. 5 к.; 33. Викентьев. — Как французы добывали себе свободу, ц. 6 к.; 34. К. Каутский. — Наука, жизнь и этика, ц. 6 к.; 35. М. Розен. — Очерки положения торгово-промышленного пролетариата в России, ц. 20 к. 36. К. Каутский. — Коммунистический манифест—плагиат. ц. 4 к.; 37. М. Ольминский. — Памяти погибших, ц. 10 к.; 38 Ев. Яшнов. — В столице, ц. 3 к.; 39. К. Каутский. — Мангеймский партейтаг ц. 3 к.; 40. С. Минин. — Письма к пролетарию. (О программе партии социалреволюционеров) ц. 5 к.; 41. Н. Ленин. — Социалдемократия и избирательные соглашения, ц. 6 к.; 42. Н. Рожков. — Как идет крестьянское движение в России, ц. 5 к.

Кроме того, №№ 17 и 18, а именно: 17. К. Каутский. — Русский и американский рабочий. Пер. с немецк. под. ред. и с предисл. А. Луначарского, ц. 15 к. и 18. М. Минин. — Чему учат социал-демократы, ц. 8 к. были приняты к печати, набраны и отпечатаны книгоиздательством „Утро“ и переданы были нам, во „Вперед“ как имущество издательства „Утро“. Мы доканчивали их выпуск и привезли из типографии целиком и полностью к нам на склад. Книжка М. Минина нам была не по нутру, так как она принадлежала перу меньшевика, ныне умершего врача М. Л. Хесина. Кроме того, значащийся под № 31 „Краткий народный словарь“, составленный Смирновым, был принят нами в рукописи, сильно редактирован, изменен и в таком виде выпущен в свет под маркой книгоиздательства „Вперед“ — это единственная рукопись, поступившая к нам из портфеля издательства „Утро“, одобренная нашей редакцией и изданная под нашей маркой. Из книгоиздательства „Марксист“, выпустившего в свет несколько книг, мы ничего в наш каталог не вводили.

Рассматривая теперь этот наш каталог, необходимо сделать по поводу него некоторые замечания. Брошюра „Среди военных“ (дневник) ошибочно на обложке имеет фамилию автора „Пельмен“. И в тексте и в каталоге над № 7 значится „Пельмель“ [1] что, конечно, правильно. Несомненно это псевдоним. Кто под ним значится — не знаю. Для его раскрытия, может быть, поможет наше

[1] Мы обращаемся к нашим читателям и просим их помочь нам в деле раскрытия псевдонимов и установления авторов изданий „Вперед“, для чего просим как по этому вопросу, так и по всем другим затронутым в этом нашем исследовании сообщать нам все сведения по адресу: Москва, ул. Герцена, Большой Кисловский пер., д. 5, кв. 2 Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу.

указание, что на 4-й странице обложки брошюры М. Ольминского „После одиночки“ под № 7 объявлено: А. Завьялов.—„Из лагерной жизни“ (дневник). В брошюре М. Розен.—„Очерки положения торгово-промышленного пролетариата в России“, на 4-й странице каталога также под № 7, напечатано А. З.—„Из лагерной жизни“ (дневник), а цена не указана. Стало быть, ко времени выпуска книжки № 35 нашего каталога, вышедшей в свет уже в 1907 г., эта брошюра из военного быта еще нами не была выпущена в свет, а фамилия автора А. Завьялов сокращена на А. З. Несмотря на то, что под полной фамилией автора она публикуется в объявлениях довольно долго и лишь в самую последнюю минуту, когда столыпинская реакция все более и более захлестывала удавной петлей так называемые „свободы 1905 г.“, мы совершенно изменяем фамилию автора и прячем ее под псевдоним „Пельмель“. Не является ли, таким образом, фамилия „А. Завьялов“ настоящей, так как если бы это был псевдоним, то для чего его нам было дважды зашифровывать — сначала превратив в „А. З“, а потом в „Пель-мель“.

Под № 8 значится О. Давыдова „Два дня“ (Из хроники октябрьских дней). Брошюра эта написана Ольгой Аполлоновной Давыдовой, женой врача из Нижнего Новгорода. Она жила по преимуществу в Петербурге. На ее квартире на Петербургской стороне было арестовано собрание Петербургского комитета в 1907 г., при чем и она была тогда арестована. Она давно умерла.

Под № 9 мы выпустили брошюру М. М. „Красная сотня“. Автор этой агитационной брошюры — Мария Васильевна Мордовина, по мужу Ильина, среди нас она еще называлась „Ираши“. В настоящее время живет в Москве и занимается литературной работой. Брошюра „Красная сотня“ имела в свое время колоссальный успех. Нашей военной организацией она с успехом распространялась в войсках Петербурга, а также в Кронштадте и в Свеаборге, где во время восстания при обысках брошюра эта была найдена у многих матросов. Охранное отделение усиленно разыскивало автора этой брошюры. В дальнейшем оно ставило в большую вину нашему издательству выпуск этой книжки.

Под № 15 был издан рассказ К а р м е н—„За что?“ Эта брошюра принадлежала перу в то время молодого, начинающего одесского беллетриста. Он был случайным гостем в нашем издательстве.

К р—о в.—„Программа занятий в кружке высшего типа“ (№ 16) принадлежит перу нашего партийного товарища Г. И. К р а м о л ь н и к о в а, являющегося в настоящее время одним из редакторов „Ленинских сборников“ и постоянным работником премьде института Ленина, теперь института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

Под № 27, 29 и 38 изданы рассказы Ев. Яшнова, корректора нашего журнала „Наша мысль“. Ранее он корректировал газету „Северный край“. Ев. Яшнов был очень близок к террористу И. Каляеву, но к партии социалистов-революционеров не принадлежал. Его тянуло к рабочим, к социалдемократам, к большевикам. Он был

одним из немногих пролетарских беллетристов того времени, имел постоянное общение с рабочими и писал рассказы из рабочей жизни. Молодую поросль пролетарских писателей беллетристов того времени необходимо обследовать. Эта работа еще предстоит нашим исследователям литературы и литературоведам. Надо заметить, что и ранее Яшнов к нашей партии не принадлежал, а был нашим левым попутчиком. Во время столыпинской реакции он стал отходить от нас и вместе с тем прекратил писать очерки и рассказы. Когда политические преследования усилились, он уехал на Дальний Восток, где его застали Февральская и Октябрьская революции и где он давным-давно совсем бросил писать беллетристику, занимался экономическими работами и значительно поправел. В 1918—19 гг. он путался с обломками колчаковщины. Переехал в Харбин, сотрудничал там в экономических журналах, потом перебрался опять во Владивосток, где работает в советских учреждениях в качестве беспартийного, якобы тяготеющего к советской власти.

Под псевдонимом Г. Линдов (№ 32) выступал в то время в печати наш старый товарищ Гавриил Давыдович Латейзен, бывший политический эмигрант, живший за границей, по преимуществу в Париже. Он был убит в бою с белыми на Уральском фронте в январе 1919 г.

Под № 33 печатался Викентьев — это посевдоним. Кто выступал под ним, сейчас не помню.

М. Розен (№ 35) в настоящее время живет в Москве и работает в Наркомпросе.

С. Минин (№40), начавший писать „Письма к пролетарию“ — псевдоним, но кто под ним значится, не помню.[1]

---

[1] Не тот ли это С. Л. Минин, старый большевик-подпольщик, который написал книгу „Город-боец“. (Шесть диктатур 1917 года). Воспоминания о работе в Царицыне. Изд. „Прибой“. Ленинград, 192[illegible].

XIV

Эти брошюры мы издавали каждую в нескольких десятках тысяч экземпляров, и они расходились очень быстро. Но очень скоро на них обратило внимание охранное отделение, и они все чаще и чаще стали попадаться в списке запрещенных книг, так что через несколько месяцев бо́льшую часть из них нельзя уже было продавать легально, так как во всех книжных магазинах не только Петербурга и Москвы, но и провинции была взята подписка у их владельцев, что они эти брошюры, так же, как и все другие конфискованные издания, держать у себя не будут. Нам оставался путь только нелегального распространения этих книг по фабрикам и заводам, что, конечно, значительно затрудняло сбыт этой литературы.

Но так как мы все-таки хотели во что бы то ни стало все более и более развивать наше издательское дело, то мы решили выпускать наши брошюры под другими фирмами, которые на самом деле не существовали и не были заявлены у градоначальника в инспекции по делам печати. Мы нашли несколько типографий, которые согласились печатать нам брошюры от юридически неоформленных издательств, при чем одна из них — типография И. Я. Лурье, помещавшаяся на Гороховой ул. д. № 48, — особенно сочувственно отнеслась к этой идее. Правда, надо заметить, что как ее хозяин, так и хозяева других типографий ставили нам значительно повышенные расценки, но зато печатали эти брошюры в таком количестве, в каком мы хотели. Мы выработали особенный метод издания и распространения этих брошюр: когда брошюра вся была отпечатана, то мы прежде всего ее вывозили из типографии, пользуясь законом, который разрешал взять заказчику свой заказ, обязывая лишь типографию представить известное количество экземпляров отпечатанной книги как градоначальнику, в инспекцию по делам печати, так и в цензурное ведомство. Пока цензурный комитет рассматривал эти брошюры, пока делался доклад в главном комитете, пока накладывался цензурным комитетом предварительный арест через инспекцию по делам печати при градоначальнике, во исполнение постановления распорядительного заседания судебной палаты, времени проходило достаточно много. Мы, конечно, успевали за эти дни наши брошюры распространить везде и всюду по всей России, тем более, что дело это у нас

было хорошо организовано. И когда, наконец, наши брошюры попадали в список нелегальных книг, то наступало время, когда мы не имели права их держать у себя. До этих же пор каждый магазин имел право их продавать, так как они еще не были поименованы в списке запрещенных книг или по ним не была еще взята подписка об изъятии их из продажи. Само собой понятно, что пожива градоначальнику оставалась очень небольшая. Инспекция и полиция обегали все магазины в Петербурге, давали об этом знать и в другие города. Научанные опытом владельцы книжных магазинов выносили им из своих складов обыкновенно по нескольку экземпляров этих брошюр, а все остальное прятали и как можно скорее распространяли. На конфискованные книги составлялся протокол, брошюры опечатывались и нередко оставались тут же в магазине под сохранную расписку владельцев магазина, в которой указывалась, что они обязуются эти книги никому не продавать и выдавать по первому требованию инспекции по делам печати, градоначальника или судебных властей.

Полиция из этих обходов делала себе доходную статью и во многих местах нередко получала определенное вознаграждение за невмешательство.

К нам также являлись инспектор и полицейские и требовали эти издания. Но мы решили их у себя совершенно не держать, так что, когда приходил инспектор и иногда делал тщательную проверку склада, то он обыкновенно не находил ни одного экземпляра этих книг или редко два—три, случайно оставшихся, которые и опечатывал. Особой свирепостью из инспекторов отличался Д. В. Вавельберг; инспектор С. В. Любимов был среднего качества, а И. Н. Тихонович был именно тем, с кем легче всего было ладить. У него даже проглядывало некоторое сочувствие к книжкам, запрещенным цензурой.

XV

Совершенно необходимо, конечно, вспомнить все те подставные фирмы, под маркой которых мы выпускали нашу партийную литературу, и я попытаюсь это сделать, насколько это будет возможно.

Под маркой „книгоиздательства Наш голос", имевшего серию „На разные темы", мы выпустили в свет несколько брошюр и № 1-м из них пошла брошюра Н. Ростоцкой. „Потом и такие дни" (Типография И. Лурье и К°. Гороховая, 48, С. Петербург, 32 стр., ц. 8 коп.). Эта книжка была написана Ольгой Ивановной Виноградовой. В 1906—1907 гг. она жила в Петербурге, сотрудничала в журнале „Вестник жизни". Умерла в Саратове.

Само собой понятно, что как на этой брошюре, так и на всех других тому подобных, никакого точного адреса склада издания не указывалось. Этот тип издания всецело уже подходил к нелегальной литературе, выпускаемой почти конспиративно. В широкую легальную продажу эти издания мы не пускали, а сразу, после вывоза их из типографии, распространяли по нашей партийной организации. Авторы этих брошюр все сплошь были скрыты под псевдонимами. В этих изданиях все писалось совершенно свободно, забывая о всякой цензуре. На последней странице обложки обыкновенно значилась лаконическая надпись: „Продается во всех книжных магазинах С.-Петербурга и Москвы".

Под этой же маркой издательства „Наш голос" у нас вышли в свет брошюры: Д—н „Песни пролетариев", ц. 8 коп. Типография Лурье, Спб. Песни эти принадлежали молодому, талантливому поэту А. Я. Коцу, известному переводчику „Интернационала" на русский язык, который мы теперь все поем. В этом сборничке он собрал все свои революционные песни, которые он писал, живя и учась во Франции, и которые в большинстве впервые появились в социалдемократическом журнале „Жизнь", издававшемся в 1902 г. в Париже социалдемократической организацией того же наименования. Все эти песни многократно перепечатывались за границей в различных сборниках, листках и иных изданиях, а после революции 1905 г., с нашей легкой руки, они печатались во многих полулегальных изданиях в России. Брошюра эта была конфискована, о чем было объявлено в „Списке книг и брошюр, подлежащих

аресту, составленном по 1 января 1907 года" (см. стр. 4). Позднее это же сведение вошло в „Алфавитный указатель книгам и брошюрам, а также нумерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями по 1 января 1913 года". Изд. 2-е. Ц. 70 коп. Типография Министерства внутренних дел, 1914 г.[1] (см. 40 стр.).

Другое такое же издательство, созданное нами же, было книгоиздательство „Пролетарское дело", в котором появилась брошюра Н. Ленина. — „Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати. Рассказ о том, как некие с.-д. пользуются буржуазными, кадетскими газетами, в роде „Товарища", а через него и „Нового пути", для распространения ложных сведений о революционной социал-демократии. Опровержение. — Оценка. — Выводы"). На второй странице этой брошюрки, занимающей восемь страниц, Владимир Ильич дает еще более определенное заглавие этой своей полемической заметки: „Неправда, распространяемая Л. Мартовым через посредство буржуазной печати". Брошюре этой Владимир Ильич придавал большое значение и очень хотел, чтобы она возможно шире была распространена среди рабочей массы. Когда наши калькуляторы назначили за нее 5 копеек, Владимир Ильич запротестовал и выразил желание, чтобы брошюра стоила не более двух копеек. Мы сейчас же на это согласились и перештамповали все брошюры, изменив цифру „5" на „2", что прекрасно видно на сохранившемся в моей библиотеке экземпляре. Эта брошюра не имела указания не только на адрес склада, но на ней не было и адреса типографии, что ставило ее в разряд нелегальных изданий. Само собой понятно, что мы эту брошюру никуда не представляли, почему ее и нет почти нигде в библиотеках. Также удивительно, что она не попала в „Алфавитный указатель" конфискованных книг, что явно свидетельствует о хорошо, конспиративно поставленном распространении наших полулегальных изданий.

Сейчас же после разгона первой кадетской Государственной думы, мы организовали такое же нелегальное издательство, под маркой „Книгоиздательство „Новая волна", где прежде всего напечатали брошюру Н. Ленина. — „Роспуск думы и задачи пролетариата". Москва. 1906 г., 16 стр. Цена 4 коп. Ни фирмы типографии, ни адреса склада и издательства, ничего не было нами указано на этой брошюре. Брошюра эта была конфискована и значится в вышеуказанном списке на 80-й странице. Под этой же издательской маркой были изданы сборники „Вопросы тактики", выпуск I и II, при чем во второй сборник вошли следующие статьи: В. Вячеслав. — Перед пятым съездом. Ю. Каменев. — „Блок" вчерашнего дня. Н. Ленин. — „Сердитая растерянность". Н. Ленин. — „Как не следует писать резолюции". К. Т. — „Меринг о второй думе".

[1] Это официальное издание было напечатано взамен ранее изданного Главным управлением по делам печати в 1912 году такого же Указателя, с дополнениями к нему.

Приложение: Резолюции к съезду. Отпечатан этот сборник (80 стр.) в партийной с.-д. большевистской типографии „Дело". Этот сборник, именно II его выпуск, также был конфискован и внесен в тот же список на стр. 26.

В этом же издательстве появилась брошюра „Ответ польских социалдемократов Плеханову по вопросу о чрезвычайном съезде росс. с.-д. рабочей партии". „Тов. Плеханов о чрезвычайном съезде" („Червонный штандарт" № 117, 8, 21—05 г.). СПБ. 1906 г., 4 стр. На этой брошюре указаны адреса изданий: склад изданий „Вперед", СПБ, Караванная, 9 и второй, непартийный адрес — Книжный магазин „Труд", СПБ., Невский, 60, что всем резко бросалось в глаза и за что заведующий типографией „Дело" А. А. Белянов", всегда выбивавшийся из партийных оглобель в сторону „свободной торговли", получил немедленно суровое замечание от Владимира Ильича.

Так же начали было выходить брошюры под маркой „Книгоиздательство „Вторая дума", но потом это название было заменено названием „Книгоиздательство „Борьба классов". Здесь была отпечатана брошюра С. Гри—ий. — „Ка-деты во второй думе" (Материалы и справки. Выпуск 1. СПБ, 1907 г., 20 стр. Ц. 6 коп.) типография т-во „Дело", при чем на титуле автор обозначен не С. Гри—ий, а только С. Г. и тут же на титуле еще значится марка Издательства, но не „Борьба классов", а „Вторая дума".

На четвертой странице обложки этой брошюры прежде всего обозначена контора издательства: Вознесенский, 33, кв. 19, и тут же указаны адреса нашего склада „Вперед" и магазина „Зерно", весьма нам дружественного. На этой же странице обложки вверху, напечатано: готовится к печати „Ка-деты во второй думе". Выпуск I. Появился ли он в свет — не помню. Кто настоящий автор этой брошюры — тоже не знаю.

В начале 1907 г., когда всюду шла ожесточенная агитация по поводу выборов в новую (вторую) Государственную думу, которую мы уже не бойкотировали, нами в тех же целях было организовано книгоиздательство „Новая дума", в котором появились брошюры Н. Ленина. — „Услышишь сзади глупца..." (Из заметок с.-д. публициста), написанная им 15[1] января 1907 г. в г. Петербурге (24 стр.) и отпечатанная в нашей типографии „Дело" (Фонтанка, 96 С.-Петербург.). Она продавалась по 5 коп., а больше распространялась бесплатно по нашим организациям. Брошюра эта была конфискована и внесена в список конфискованных книг на стр. 81. Потом под этой же издательской маркой была отпечатана в той же типографии вторая брошюра Владимира Ильича — „Социалдемократия и выборы в думу" (32 стр.), цена на ней также обозначена 5 коп. Под этой же маркой была выпущена в свет брошюра Н. Ленина. — „Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика" (Ц. 3 к.). Печаталась она также в типографии „Дело". Само собой

[1] 28 января нового стиля.

понятно, что все эти брошюры сейчас же поступали к нам в склад для распространения, несмотря на то, что заведывавший в то время нашей типографией „Дело“ А. А. Беляков имел сильные сепаратистические стремления, желая смотреть на эти наши партийные издания почти исключительно с коммерческой точки зрения, более всего руководствуясь тем, что „Ленин хорошо идет“. Настоящего революционно-большевистского духа в Белякове было очень мало, хотя он принадлежал к нашей партии. Несмотря на свою принципиальную неустойчивость, он все-таки нередко оказывал нам ценные услуги.

XVI

Некоторые брошюры, появлявшиеся в то время, обращали на себя особое внимание широких слоев наших читателей. К ним прежде всего принадлежала брошюра „Государственная дума и социалдемократия", изданная в 1906 г. и включившая в себя две статьи Н. Ленина. — „Государственная дума и социалдемократическая тактика" и Ф. Дана — „Государственная дума и пролетариат".

Странно видеть теперь эти две фамилии рядом. И тогда, конечно, Дан в своих взглядах очень сильно отличался от взглядов Владимира Ильича, но все-таки еще была возможность печатания его статьи в одной книжке, под одной обложкой. На некоторых перекрестках истории и борьбы наша расколовшаяся Партия тогда еще стремилась к какому-то единению[1], хотя и в этой брошюре, на второй ее странице, мы читаем заявление, напечатанное крупным шрифтом: „Предлагаемые статьи излагают два тактических взгляда, наметившихся в социалдемократии по вопросу о выборах в Государственную думу". Этой лаконической надписью читатель с первой страницы предупреждался о глубокой принципиальной разнице между взглядами обоих авторов. Эта брошюра в 32 стр. была издана под маркой издательства „Пролетарское дело" и стоила в розничной продаже 10 коп. Другая подобная же брошюра, посвященная вопросу о бойкоте третьей думы, так и названная: „О бойкоте третьей думы", вместила в себе статьи Н. Ленина: — „Против бойкота (из заметок с.-д. публициста)" и вторую статью „За бойкот" Юрия К-ва[2]. Эта брошюра, имевшая 32 страницы, была полулегального происхождения — на обложке обозначено: Москва, 1907 г. Типография Горизонтова, Тверская, 40. Где помещался склад изданий, никаких указаний не имеется. На последней странице обложки мы лишь видим цену брошюры — 10 коп. Брошюра эта была прислана нам нашей Московской организацией. Ею сильно тогда интересовались.

Еще в 1906 г. вышла совершенно нелегально в Петербурге, хотя и была отпечатана она в легальной типографии, брошюра

[1] Таков был Стокгольмский съезд, так и называющийся „объединительным" съездом.

[2] Лев Борисович Каменев.

под названием: „Деятельность социалдемократической фракции во второй Государственной думе", на последней, сороковой странице которой в конце ее напечатано: „Издание Комитета думской социалдемократической фракции". Объявленная цена этой книжечки была 6 коп.

Это брошюра-отчет о деятельности соц.-дем. фракции второй Государственной думы. Вот ее содержание: I. Открытие думы и первое выступление правительства. II. Вопрос о голодающих. III. Безработица. IV. Военно-полевые суды. V. Аграрные вопросы. VI. Бюджет. VII. Как приходится думе работать. Приложение: 1) Список членов с.-д. фракции. 2) Декларация. 3) Проект резолюции по поводу декларации прав. 4) Проект резолюции о безработных. 5) Аграрный проект.

Этот первый отчет с.-д. фракции второй Государственной думы, той фракции, которая вскоре была арестована и сослана в Сибирь, имел огромный успех и вызвал к себе значительный интерес. Он читался везде и всюду и широко распространялся среди рабочих масс. Через наш склад он прошел в огромном количестве. Само собой понятно, что на ней нет никаких указаний ни на типографию, где она печаталась, ни на склад, где она главнейшим образом хранилась и откуда распространялась. Соц.-дем. депутаты, пользуясь своей неприкосновенностью, хранили ее у себя на квартирах.

Брошюра эта была конфискована, и она значится в списке конфискованных книг на стр. 44.

Еще ранее этого отчета в таком же порядке вышла в свет брошюра ценой в одну копейку, также без обозначения типографии и склада, отпечатанная тайно в одной из дружественных нам типографий и носившая название:

Р. С.-Д. Р. П.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ДЕКЛАРАЦИЯ

Российской социалдемократической рабочей партии.

Внизу пометка: „Москва. 1906 г."
Немного выше: „цена 1 коп."
В брошюре 8 страниц. На 3-й странице, в начале текста декларации, крупно напечатано:

„Декларация (заявление), прочитанная в заседании Государственной думы 16 июня 1906 года от имени думской фракции (группы) Российской социалдемократической рабочей Партии".

На последней — восьмой странице — помещен „Устав организации фракции Р. С.-Д. Р. П. в Государственной думе". Эта копеечная брошюра была распространена нами в весьма большом числе экземпляров.

При главнейшем участии П. П. Румянцева было организовано книгоиздательство „Свет", которое печатало все свои издания

в нашей же типографии „Дело“ и которое имело свой адрес: Петербург, Невский 102, кв. 37. Главное количество книг этого издательства также проходило через наш склад. Книгоиздательство „Свет“ не было партийным и в полном смысле этого слова, но оно нам было близко, весьма содружественно и пользовалось покровительством нашей части Ц. К. партии. В нем вышли следующие брошюры:

1. П. Попов. — Сколько земли в России и кто ею владеет? Цена 5 коп.
2. П. Р-цев [1]. — Сколько земли нужно крестьянину? Цена 5 коп.
3. Б. Веселовский. — Новые законы о земле. Цена 5 коп.
4. А. Дивильковский. — Какие права у крестьян. Цена 5 коп. [2].
5. Б. Авилов. — Чего ждать от новой Государственной думы. Цена 5 к.
6. А. Медведев. — Крестьяне и рабочие. Цена 5 коп. [3]
7. П. Р-цев. — Крестьянские союзы. Цена 5 коп.

Вот почти все те издательства, которые были в то время в распоряжении нашей Партии, по преимуществу в Петербурге, после побед первой революции 1905 г. и во время наступления жестокой столыпинской реакции, подавлявшей все, что дала, что завоевала эта первая боевая схватка революционных партий России с силами царского самодержавия, среди которых пролетариат шел во главе всей этой огромной борьбы.

Мы, конечно, не претендуем здесь на полный исчерпывающий список всех этих легальных, полулегальных и совсем нелегальных изданий того времени. Мы делаем лишь первую попытку такого изучения, требующего своего продолжения, углубленного разыскания и исследования. С своей стороны мы постараемся продолжить это необходимое дело полной регистрации всех социалдемократических изданий того времени и в частности и в особенности изданий нашей большевистской фракции РС-ДРП.

Мы думаем, что скоро придет время, когда все эти брошюры, листки, книжки и издания того времени должны быть собраны в отдельные тома и изданы, как это не раз уже делалось по отношению наших большевистских периодических изданий.

Особо пристального внимания заслуживает одно из Московских издательств, выпускавшее в то время свои книжки под общим названием: „Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики социалдемократии“. Большинство этих изданий было конфисковано, что видно из уже упомянутого „Алфавитного указателя книгам, арест на которые утвержден судебными установлениями“. Мы перечислим здесь все конфискованные „лекции и рефераты“ и в скобках, в самом конце, отметим страницы, на которых они значатся в этом „Алфавитном указателе“.

[1] П. Р-цев — это псевдоним П. П. Румянцева.

[2] Эта брошюра была конфискована. Она внесена в список конфискованных книг, где значится на стр. 43.

[3] Эта брошюра также была конфискована и внесена в алфавитный указатель конфискованных книг, где значится на стр. 92.

Рожков Н. — Капитализм и социализм. Вып. I. Москва, 1906 г. 38 + 2 стр. Ц. 10 коп. (78 стр.)

Голубков А. — Утопический и научный социализм. Вып. II. Москва, 1906 г. 37 + 2 стр. Ц. 10 коп. (78 стр.)

Покровский М. — Экономический материализм. Вып. III. Москва, 1906 г. 38 + 1 стр. Ц. 10 коп. (78 стр.)

Алексинский Петр. — Наша программа. (Программа-максимум и минимум РС-ДРП). Вып. IV. Москва, 1906 г. 10 стр. Цена 10 коп. (78 стр.)

Рожков Н. — Аграрный вопрос в России и его решение в программах различных партий. Вып. V. Москва, 1906 г. 41 стр. Цена 12 коп. (78 стр.).

Батурин Н. — Очерк истории социалдемократии в России. Вып. VII. Москва, 1906 г. Цена 15 коп. (79 стр.)

Хераскоv И. — Крестьянство в буржуазных революциях. Вып. VIII. Москва, 1906 г. Цена 15 коп. (79 стр.)

Станислав (А. Вольский). Теория и практика анархизма. Вып. IX. Москва, 1906. Цена 15 коп. (79 стр.)

Левин К. — Политические партии в России. С предисловием М. Покровского. Вып. X. Москва, 1907 г. VII + 89 стр. Ц. 20 коп.

Юшкевич П. — Теория и практика синдикализма. Вып. XII, Москва, 1906 г. Ц. 20 коп. (79 стр.)

Эти „лекции и рефераты“ в свое время имели огромное пропагандистско-просветительное значение и сыграли роль своеобразного „марксистского университета на дому“. Совершенно понятно, почему царское правительство так возненавидело их, почти все конфисковав и изъяв из продажи. Это была „тяжелая артиллерия“ в наших пропагандистских рабочих кружках. Прекрасно и легко написанные эти книжечки имели широчайшее распространение среди передового пролетариата и учащейся молодежи, и их очень полюбили. В настоящее время, когда мы стараемся переиздавать все документы, касающиеся истории развития и просвещения нашей Партии и широких пролетарских масс, мы полагаем, что все эти двенадцать выпусков „лекций и рефератов“, из которых девять было конфисковано, следовало бы переиздать отдельной книжкой, снабдив ее предисловием, примечаниями и всеми другими нужными дополнительными сведениями.

Не конфискованными остались выпуск 7-й М. М. — Буржуазия и пролетариат в революциях 1830 — 1848 гг. во Франции. Ц. 20 к. Автор этой брошюры мне неизвестен, и кто кроется под буквами „М. М.“ я не знаю. Также в „Алфавитном указателе“ конфискованных книг не значится одиннадцатый выпуск „Лекций и рефератов“, но, к сожалению, и я не имею его под руками и не помню, что именно в нем было помещено. Во главе издательства этих очень хороших марксистских книжек стоял наш товарищ Ангарский, прекрасно сумевший поставить их широкое распространение.

XVII

Во время „весны" различных свобод — и свободы печати в частности и в особенности, — которая ощутительно чувствовалась в первое время после революции 1905 г., возникло множество издательств печатавших революционную и в том числе социал-демократическую литературу как из идейных, так нередко и из коммерческих побуждений. Общереволюционная и наша социал-демократическая литература расходилась прекрасно. Она приманивала к себе многих дельцов издательского мира. В это „дело" охотно вкладывали капиталы, устраивали книжные магазины, склады, киоски, экспедиции и пр. и пр. Среди идейных попутчиков господствовало желание помочь нашему социалдемократическому широкому просвещению, и они делали весьма полезное большое и нужное дело. Но среди издателей-попутчиков с коммерческим душком было много отвратительных рвачей, которые одушевлялись лишь единым устремлением: ковать деньгу из революционной и социалдемократической литературы. Эти господа не стеснялись ни в чем. Они жестоко эксплоатировали авторов, давали отвратительные переводы-дешевку, старались обойтись без редакции, все ставили на нагло рваческий лад, пользуясь подходящим временем, старались ничего не упустить, руководствуясь лишь одной заповедью: „Лови момент!" К таким особо ловким дельцам принадлежал и некто С. А. Балиев, собственник так много когда-то шумевшего издательства „Молот". Это был тип пенкоснимательского издательства того времени. Этому дельцу и всем, кто его окружал в его аппарате, было совершенно все равно как и что издавать, лишь бы все это „шло" и приносило барыши. Он мог взять к изданию любую макулатуру, если по внешности она так „сделана", что должна „пойти", а рядом с любой халтурой и серьезное произведение ответственного автора, даже рискнуть перед цензурой, быстро разбазарить вышедшее в свет издание и все это единственно с точки зрения цены, рынка, спроса, предложения, процентов, коммерции, прибылей и убытков. Поэтому издательство „Молот" наиздало столько дряни, как ни одно какое-либо иное издательство того времени. Своего апогея в делячестве и в погоне за прибылями „Молот" достиг в издании коммунистического „Манифеста" Карла Маркса, когда он решил выпустить его сокращенным лишь только потому, что он „не входил" в 32 стр., а приклейка дорого стоила, а потому, почему не выкинуть то

из „Коммунистического манифеста", что оказалось лишним по формату бумаги?! Эти его и его подручных проделки были настолько отталкивающи, и вся система организации его издательства настолько нам была чужда, что мы старались не поддерживать с ним близких отношений и брали у него книжки с большим разбором, пропуская их сначала через особую комиссию, которая весьма строго относилась ко всему им изданному и нередко браковала его книги. На ряду с этим он иногда издавал хорошие и весьма нужные вещи, как например „К деревенской бедноте" Ленина. Этой книжкой он после всегда козырял при всех разговорах. Издал он ее, конечно, не потому, что он хоть на иоту был большевиком, а потому, что Ленина было издать выгодно и через это издание можно было проникнуть в рабочую массу и с другими своими изданиями. Эта книжка Ленина вышла в „Молоте" под измененным заглавием. Она в этом издательстве называлась „Нужды деревни" (К деревенской бедноте) и стоила 15 к. Она была также конфискована и значится в „Алфавите" запрещенных книг на странице 80. Вот именно такими немногими хорошими и нужными изданиями молодцы из „Молота" везде старались козырять, закрывая ими всю на изданную остальную дрянь. Издания „Молота" были сурово встречены критикой. Под конец своей деятельности и сам Балиев, кажется, стал понимать недопустимую рыночность и в своих приемах торговли и в своих изданиях. Для выправления дела он пригласил в редакцию В. Базарова (В. А. Руднева) и еще кого-то. Несмотря на то, что под новой редакцией вышли вполне приличные книги, было уже поздно: репутация „Молота" была подмочена, и ей трудно было перемениться. К 1908 году дела „Молота" совершенно пошатнулись. Многие его издания были арестованы, книги не шли, возвраты были огромны. Балиев не мог оплатить векселя. Ему предстояли и политические и коммерческие судебные процессы и всевозможные неприятности, и он предпочел скрыться. Под флагом политического эмигранта — (а больше всего от кредиторов) — он уехал из России, и слышно было, что он стал промышлять и жить где-то в Южной Америке, раз и навсегда отряхнув прах старого неблагодарного отечества от ног своих. Но все-таки надо отметить, что таких конквистадоров на книжном рынке, каким был Балиев, революция 1905 г. породила сравнительно немного. Многие издательства, не забывая своего кошелька, все-таки преследовали те или иные идейные цели, были воодушевляемы или отдельными лицами или группами лиц, толкавшими их на правильный путь.

Мы упомянем здесь лишь несколькими словами попутнические издательства того времени, которые, по разным соображениям, издавали социалдемократическую литературу. К ним надо отнести, помимо ранее перечисленных, издательство Марии Малых, печатавшей по преимуществу работы Г. В. Плеханова и представителей европейской социалдемократии. Сюда также входят: небольшое издательство Кожевникова; издательство О. Н. Поповой, которая орга-

низовала у себя особый отдел под названием „На разные темы„ и которым по преимуществу руководил социалдемократ-меньшевик В. Веселовский; издательство журнала „Образование", во главе которого стоял А. Я. Острогорский; издательство „Труд", руководимое Скирмундтом; „Зерно" в Москве, во главе которого стоял Крумбюгель; книгоиздательство „Освобождение труда" в Одессе; „Общественная польза" в Петербурге, издавшая довольно много социалдемократических книг и многие другие издательства, которым, хоть и не исчерпывающе, постараемся здесь составить примерный список. Вот эти издательства:

1) Е. М. Алексеевой (Одесса); 2) Амиранд (СПБ.); 3) Ал. Арабидзе (СПБ.); 4) „Бакинское издательское Т-во" (Баку); 5) „Библиотека для всех" (СПБ.); 6) „Библиотека марксизма" (СПБ.); 7) „Боротьба" (СПБ.); 8) „Возрождение" (Одесса); 9) В. Врублевский (СПБ.); 10) Е. П. Горский (Киев); 11) Бр. А. и И. Гранат и К° (Москва); 12) „Гудок" (Москва); 13) „Дело" (СПБ.); 14) „Демос" (Одесса); 15) „Донская речь" (Ростов-на-Дону); 16) „Жизнь" (СПБ.); 17) „Зарницы" (Нижний-Новгород); 18) „Заря" (СПБ.); 19) „Заря будущего" (Москва); 20) Г. К. Кипера (Одесса); 21) М. С. Козмана (Одесса); 22) В. Д. Корчагина „Освободительная библиотека" (Москва); 23) „Красное знамя" (СПБ.); 24) „Летописец" (СПБ.); 25) „Луч" (СПБ.); 26) „Мир" (СПБ.); 27) „Молодая Россия" (Москва); 28) „Мысль" (СПБ.); 29) „Новая Жизнь" (Одесса); 30) „Новое книгоиздательство" (СПБ.) 31) „Новое московское книгоиздательство" (Москва); 32) „Новь" (СПБ.); 33) „Новый голос" (СПБ.); 34) „Организационная комиссия по созыву союза профессиональных союзов" (СПБ.); 35) „Организация" (Москва); 36) „Перевал" (СПБ.); 37) М. В. Пирожкова (СПБ.); 38) „Правда" (Киев); 39) „Практик"; 40) „Проблемы культуры"; 41) „Пролетариат" (СПБ.); 42) „Прометей" (СПБ.); 43) „Пульс жизни" (Москва); 44) „Рабочий (Москва); 45) „Рабочий депутат" (СПБ.); 46) „Рабочий народ" (СПБ.); 47) „Рассвет" (Одесса); 48) „Свобода и право" (СПБ.); 49) „Свободная пресса" (СПБ.); 50) „Свободная речь" (Москва); 51) „Свободный труд" (СПБ.); 52) М. И. Семенов (СПБ.); 53) „Социалдемократ" (Москва); 54) „Творчество" (СПБ.); 55) „Трибуна" (СПБ.); 56) „Труд и воля" (Москва); 57) „Шиповник" (СПБ.); 58) Н. С. Щетинина (СПБ.); 59) „Эпоха" (СПБ.)

Во всех этих издательствах мы обязательно найдем те или иные социалдемократические книжки как русских, так и иностранных авторов. Из них огромное число было конфисковано, как только наступила столыпинская реакция. В настоящее время большинство из этих, особенно конфискованных, изданий составляют библиографическую редкость и их, конечно, необходимо, пока не поздно, собрать в наших книгохранилищах в особых отделах и особых шкафах, чтобы всякий наглядно мог видеть все то, что создано в области нашей марксистской литературы революцией 1905 года и на что особенно сильно напала царская столыпинская реакция. Наш список издательств, издававших с.-д. литературу, добавленный всеми теми издательствами, которые мы перечисляем на протяжении всего этого исследования, все-таки далеко не полон. Особенно важно обратить внимание на провинциальные издательства и подвергнуть их тщательному обследованию и изучению. И эту работу надо делать и делать, и чем скорей, тем лучше. Она очень нужна для изучения нашей с.-д. неповременной печати.

XVIII

Помимо обсуждения издания брошюр, которые по большей части одобрялись к печати Владимиром Ильичем, мне пришлось в это время серьезно беседовать с ним об издании его полного собрания сочинений. Этот разговор я считаю второй попыткой к такому изданию, так как первая, как это ни странно сказать, была еще в Женеве, когда, после выхода книжки Владимира Ильича „Шаг вперед, два шага назад", мне пришлось много говорить с ним — не пора ли его книги, его статьи и работы издать целиком и полностью, хотя бы за границей. Он тогда был очень изумлен этим моим предложением, которое я настойчиво делал и доказывал ему, что все это осуществить было бы вполне возможно, так как за границей имеется значительное число читателей на русском языке и что солидная книга, в количестве двух—трех тысяч экземпляров могла бы вполне разойтись, а стало быть, и не обременить нашу кассу. Владимир Ильич одно время задумался над этим моим предложением и даже стал подсчитывать, в скольких томах можно было бы перепечатать его статьи из „Искры", „Зари", некоторые легальные издания и все те, которые были конфискованы в России в различных сборниках как под фамилией Ильина, так и под фамилией Тулина, а также и то, что выходило у него отдельными брошюрами за границей.

События 1905 года, отвлекшие нас всех на острую политическую борьбу, заставили отойти от этой, очень важной и необходимой для того времени мысли. И вот теперь, когда у нас было организовано свое центральное издательство при большевистской части ЦК партии, я вновь возобновил серьезный разговор с Владимиром Ильичем о необходимости печатать его полное собрание сочинений.

— Зачем же полное? — говорил он, возражая против моего максимализма, — можно напечатать хотя бы избранное, только то, что сейчас имело бы значение для теоретического освещения целого ряда наших партийных вопросов, а вот со многими газетными статьями можно было бы и повременить...

Я не стал с ним спорить и просил его составить список того, что он хотел бы переиздать в самое ближайшее время. Такой список он составил, который и является не чем иным, как оглавлением потом вышедшей книги его сочинений „За 12 лет".

Эту книгу мы должны были издавать в нашем книгоиздательстве „Вперед". Только тогда предполагали ее издавать не в одном томе, а в нескольких томах, при чем к тому, что вошло в книгу „За 12 лет", должен был прибавиться еще целый ряд его статей. Мы полагали, что в шести томах нам удастся напечатать все самое важное, что пожелал бы видеть в этом собрании сам Владимир Ильич. В это собрание входил также его труд „Развитие капитализма в России", который потом был издан в издательстве „Паллада", во главе которого стоял тов. Енько, весьма друживший в то время с нами.

Владимир Ильич, как всегда, самым подробным образом расспрашивал меня о возможности осуществления этого издания его сочинений, подытоживал,—не будет ли оно нам в убыток, выдержит ли наше издательство такой расход и т. д. и т. д. Когда я убедил его, что об этом не стоит говорить и двух минут, так как наверное можно сказать, что его книги разойдутся великолепно, он перешел к обсуждению программы издания и принес мне список всего того, что он хотел бы в ней поместить.

Вскоре после закрытия „Вперед" в Петербурге организовалась издательство и книжный магазин „Зерно", принадлежавшее т. М. И. Кедрову.

Одним из главных деятелей этого издательства был тов. Н. С. Ангарский (Клестов), сначала нелегально живший по паспорту Арк. Ник. Шевтунова, а потом по паспорту А. В. Масленникова. Он обратился к Владимиру Ильичу с предложением издать его книгу статей за „Двадцать лет", по примеру вышедшей тогда такой же книги статей Г. В. Плеханова в издательстве „Общественная польза" при главном участии социал-дем. меньшевика Салтыкова. Владимир Ильич не пожелал издавать том за „Двадцать лет", а дал список статей, ранее им составленный для издательства „Вперед", где предполагался сборник „За 12 лет".

Корректуру этого сборника читал сам Владимир Ильич (в конце 1907 г.), при чем, по свидетельству т. Ангарского, сильно ее правил, „целыми страницами" добавлял и проч. Следовало бы попытаться отыскать эти корректуры, для чего прежде всего распытать в Ленинградском полиграфическом тресте, куда поступил архив типографии В. Безобразова и К°, когда-то помещавшейся на Васильевском острове в Большом переулке, д. № 61. Эти корректуры были бы ценным приобретением для института Маркса-Энгельса-Ленина. Книга „За 12 лет" вскоре была конфискована. Вероятней всего о ней донес еще во время производства наборщик Шнеерсон, работавший в это время в типографии Безобразова, который когда-то работал еще в Женеве в нашей партийной типографии, а потом оказался агентом-провокатором. Он также работал в типографии „Дело" и вообще был вхож в наши соц.-дем. большевистские издательства и очень много напортил, освещая нашу деятельность в охранном отделении. К счастью, когда работала организация „Вперед", он ни разу к нам не являлся: его не было в Петербурге,

где он появился несколько поздней после закрытия „Вперед“. Он хитро повел свое проклятое провокаторское дело, погубив весьма многое, пока не был окончательно разоблачен.

В издательстве „Звено“, но без его марки, как известно, появился первый [1] том сочинений Владимира Ильича, соединенных в сборник „За 12 лет“ под фамилией Вл. Ильина. О втором томе было объявлено, что он печатается. Это мы видим из объявления на 4-й странице обложки I тома „За 12 лет“. В него должны были войти статьи по аграрному вопросу, а именно:

Часть I. К характеристике экон. романтизма.
Часть II. Введение. О судьбах нашей аграрной программы.
1) Капитализм в сельском хозяйстве.
2) „Критики“ Маркса в аграрном вопросе (четыре статьи).
3) Аграрная программа РС-ДРП.
4) Послесловие к проекту аграрной программы Икса.
5) К пересмотру аграрной программы (ст. из „Пролетария“).
6) Пересмотр аграрной программы.
7) „Муниципализация“ и „национализация“ на Стокгольмском съезде.
8) Газетные статьи и полемика.

Так как первый том сборника „За 12 лет“ был очень вскоре конфискован [2], то второй, уже набиравшийся, так и не вышел в свет.

Было совершенно очевидно, что второй том будет задушен столыпинской цензурой немедленно. Реакция так сгустилась к началу 1908 года, что издательство „Звено“ не могло уже итти на риск, тем более, что вокруг него уже вились агенты охранного отделения. Как известно, издательство „Звено“ вскоре было прикрыто распоряжением градоначальника, и Н. И. Подвойский, который должен был отвечать за него по суду, перешел на нелегальное положение и жил в ближайшей Финляндии, откуда частенько ездил под чужим паспортом в Петербург. Клетов-Ангарский-Масленников переселился в Москву. М. И. Кедров вскоре был арестован.

---

[1] В него вошли: Предисловие. — 1. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — 2. Задачи русских социалдемократов. — 3. Гонители земства и Аннибалы либерализма. — 4. Что делать? — 5. Шаг вперед — два назад. — 6. Земская кампания и план „Искры“. — 7. О тактике социалдемократии.

[2] В „Алфавитном указателе книгам и брошюрам“, арест на которые утвержден судебными установлениями, эта книга Владимира Ильича значится как конфискованная на стр. 52.

XIX

Владимир Ильич нередко заходил к нам во „Вперед“ под вечер, когда уже смеркалось. Прежде всего проходил он по двору, мимо окон, не обращая никакого внимания на парадный вход в наш магазин, как бы идя в тот огромный второй каменный дом, который стоял перпендикулярно к нашему — в конце двора. — И, если он видел, что все окна были освещены и что мы спокойно там двигаемся и занимаемся, он как бы возвращался назад, заходил через парадное крыльцо к нам. Если же около парадного крыльца он замечал какое-нибудь подозрительное лицо, то, пройдя наш фасад, он входил в тот огромный флигель, стоявший в конце двора, который так был устроен, что с парадного его крыльца первого этажа был наш второй черный выход. Владимир Ильич приходил туда, звонил и заходил в дальнюю комнату. Если в складе не было никого постороннего, то он через склад нередко проходил ко мне в кабинет, и здесь мы подолгу беседовали с ним об изданиях, при чем я показывал ему корректуры, рукописи, планы. Он тут же их просматривал и правил чужие брошюры, также просматривал рукописи и сейчас же вносил в них свои замечания и исправления. Подробным образом расспрашивал он о том, как мы распространяем нашу литературу, о том, как идут дела, какие у нас связи с провинцией и пр. Он также неоднократно бывал у нас на явке, когда собирались товарищи из Петербургского комитета для обсуждения тех или других вопросов. Он почти никогда не выходил из склада через парадное крыльцо, а, проходя по комнатам, как бы незаметно подходил к черному ходу выбирал такое время, когда никого вокруг не было, кроме меня или других, совсем близких ему товарищей, произносил тихо „до свиданья!“ и мгновенно исчезал, выходя из нашего другого крыльца, так называемого нашего черного хода, при чем и здесь, выйдя на подъезд, он старался выждать, посмотрев во двор, каково там положение, и делал вид, что он выходит из этого дома, как бы спускаясь с верхнего этажа. Конспиративные привычки Владимира Ильича никогда его не покидали. И здесь он проявлял себя все тем же осторожным, спокойным, выдержанным конспиратором-революционером. Не даром он всегда советовал молодежи, приезжавшей в Женеву, изучать принципы конспирации старой „Народной воли“ и в особенности деятельность и приемы конспиративной работы известного члена исполнительного комитета „Народной воли“ революционера - боевика - конспиратора А. Д. Михайлова.

XX

Мы совершенно ясно чувствовали, что, конечно, так долго продолжаться не может и что охранное отделение должно будет нас „съесть". Готовясь к этому, мы старались не держать у себя никаких лишних адресов, уничтожали всю конспиративную переписку и никогда не позволяли себе оставить на ночь невывезенную, уже запакованную литературу, а всегда отправляли ее с верным артельщиком или на вокзал, где сдавали эти ящики большой, малой и пассажирской скоростью, или иногда отвозили в транспортные конторы, которым поручали мы весь этот груз отправлять в разные города, нами указанные. Отправка через конторы была значительно хуже и затруднительней, так как там всегда спрашивали адрес отправителя и с течением времени стали косо посматривать, когда отправителем являлось какое-нибудь отдельное лицо, а не учреждение. Мы чувствовали, что все более и более приближается время к той или другой, но во всяком случае роковой развязке с нашим книжным складом. Но так как в Петербурге в то время реакция, перешедшая в явную контрреволюцию, бушевала во-всю, то совершенно естественно, что к нам со всех сторон тянулись товарищи за всевозможными справками, советами или желанием повидать других членов нашей партии и обменяться мнением. Так случилось и в тот день, когда на нас нагрянула жандармская, охранная и наружная полиция. В это время меня не было в складе — я уехал куда-то по делам. Возвращаясь приблизительно около половины второго часа дня, я сразу заметил, что что-то на Караванной неблагополучно, так как от самого Невского до наших ворот, по обеим сторонам и далее на Невском, стояли в нескольких шагах друг от друга шпионы в различной штатской одежде, внимательно осматривавшие каждого, кто идет в направлении к нашему дому. Я решил итти в склад, так как совершенно был убежден в том, что, может быть, в это же время, или несколько позднее, ко мне на квартиру также нагрянет полиция и что переходить на нелегальное положение мне еще не стоит.

Я вошел во двор, который имел совершенно особый вид. Здесь толпились группами городовые, дворники соседних домов, ночные сторожа и целый ряд штатских лиц, несомненно шпионов. Двое из них двинулись ко мне, словно желая схватить меня, но так как

я шел совершенно спокойно, смерив взглядом обоих этих господ с ног до головы, они остановились и застыли на месте. Я вошел в крыльцо. У дверей магазина стоял городовой, который ни в коем случае не хотел меня впустить. Я ему говорил, что — я заведующий этим книжным складом, и если туда пришла полиция, то я должен быть там, а он все твердил свое:

— Не могу знать. Никого не велено пущать, — и вежливо останавливал меня рукой.

Сзади меня в крыльце столпилось несколько шпионов, молчаливо наблюдавших эту сцену.

— Ведь вот удивительное дело: сам иду на обыск, а меня не пускают, — сказал я, невольно усмехнувшись.

Какой-то из штатских вмешался и стал говорить городовому, что он должен пустить меня, но тот, не признавая никакого начальства, кроме собственного пристава, резко огрызнулся на этого штатского, сказав ему в то время столь популярную фразу, которую знала вся наружная полиция:

— Вмешиваться в распоряжение полиции, — гордо заявил он, — вы не имеете права!.. — Крутнул свой ус на багрово-красном лице и гордо посматривал то на двор, то на меня, то на всех тех, кто столпился здесь за моей спиной.

Я решил позвонить и дернул звонок. Городовой сделал торопливое движение ко мне, но, видя, что уже поздно, с упреком сказал мне:

— Как же вы это так без спросу звонитесь?

На звонок вышел помощник пристава, — тот, тонкий с черной бородой, — и, увидев меня, учтиво сказал:

— Честь имею кланяться. Вы прибыли на обыск? Пожалуйте!

И он радушно, словно хозяин, отворил мне дверь. Городовой вытянулся, сделал под козырек и пропустил меня внутрь.

Когда я вошел, то мне представилась замечательная картина. полиции было огромное число, тут же несколько жандармских офицеров, а среди них всюду летал господин лет за пятьдесят с небритым полуседеющим подбородком, в форменной шапке министерства внутренних дел с кокардой и в такой же форменной тужурке. Очевидно, он-то и был душой обыска и всюду и всем распоряжался.

Я вошел к себе в кабинет. За моим столом, а также за другими столами, сидели жандармские офицеры. Тут же на диване, развалившись, сидел пристав, все также разглаживавший закругленные, подстриженные бакенбарды, а какой-то штатский приносил книги и брошюры, выкрикивая их названия. Эти жандармские офицеры записывали их, проставляя против каждого названия то число экземпляров, которые им сообщали примерно, „наглазок".

Как раз в это время вошел руководитель обыска, именно тот небритый чиновник министерства внутренних дел, и, посмотрев на меня пронзительными, рысьими глазами, ядовито улыбаясь, сказал мне:

— Старому резолюционеру-большевику поклон и привет! — И он театрально снял фуражку и расшаркнулся.

Меня изумила эта фамильярность чиновника охранного отделения. Я ничего не ответил, посмотрел на него в упор и через мгновение сказал ему:

— Кто вы такой?

— Я — Статковский [1].

— Представитель охранного отделения? — спросил я у него.

— Да, я один из его руководителей.

Во мне закипела злоба против всем нам ненавистного чиновника охранного отделения, позволявшего себе в охранке не только издеваться над рабочими, но собственноручно бить их, и хотелось хоть чем-нибудь уязвить его. И я совершенно спокойно, снимая пальто и вешая его на гвоздь, бросил в его сторону:

— Ну, не можете вы похвастаться порядком в вашем учреждении. Ваши служащие какие-то разгильдяи...

Статковский, как ужаленный, подскочил ко мне и изменившимся голосом, фальцетом закричал:

— А вы откуда их знаете?

— Ваши шпионы, — спокойно ответил я ему, — неделями обивали пороги нашего склада, шатаясь здесь, и все какая-то дребедень: один глупее другого, один другого хуже, а в последнее время просто идиотов каких-то вы все время к нам присылали...

— Этого не может быть! — запальчиво ответил он, несколько опешив.—Мы никого к вам никогда не присылали.

Я расхохотался ему в лицо и сказал:

— Ну, полноте, вы лучше знаете, кого вы к нам присылали, а я их знаю всех наперечет и заявляю вам: дурак на дураке. Как вы только можете держать такую калечь у себя? — употребил я это военное полуругательное слово.

Статковский понял, что я над ним издеваюсь.

— А все-таки мы все знаем! — хриплым, шипящим злобным голосом прокричал он.

— Ну, вот и прекрасно, — ответил я ему, — знаете, так знаете.. А мне вот интересно, что же именно вы знаете?

— А вот видите-с, сколько мы нашли у вас литературы?

— Так что-ж из этого? — ответил я ему. — Вся эта литература поступила к нам на комиссию и находится у нас на сохранении до сдачи инспектору по делам печати, когда он ее затребует. Мы ею не торговали и не торгуем. А чем же мы, книгопродавцы, виноваты, что у вас так поставлено дело, что каждая типография и каждый издатель печатает, а потом месяца через два-три вы спохватитесь, что вот эту книгу издавать было бы не нужно или нельзя, и конфискуете, а она уже находится во всех магазинах и складах. Вся эта литература имеется в любом магазине.

---

[1] Титулярный советник Павел Семенович Статковский — старший чиновник для поручений отделения Петербургского градоначальства по охранению общественной безопасности и порядка в столице.

— Так вы так-с объясняете, — спросил он меня, — присутствие у вас на складе такого огромного количества конфискованной литературы?

— А как же иначе? Вы можете посмотреть наши бухгалтерские книги, чем мы торгуем. На каждую отправку у нас имеется точная копия счета...

— Посмотрим-с, посмотрим-с!

— А я бы советовал вам именно с этого и начать, тогда вы не стали бы тратить так много времени...

— А ведь это верно. Где ваша контора? — сказал Статковский, немного задумываясь.

— Наша контора на четвертом этаже в другом доме.

— Как? А не здесь?

— Как же это вы так, самого главного-то и не знаете, — насмешливо сказал я ему, — когда только что изволили хвалиться, что вы решительно все знаете?

Статковский метал искры глазами, посматривая то на пристава, то на его помощника, то на жандармского ротмистра, и вдруг прокричал:

— Сейчас же, немедленно послать туда людей. Всех арестовать, задержать!

Он, очевидно, понял, что главнейшие документы, которые ему так нужны, все время находились за пределами его обыска.

— Пристав вскочил и что-то хотел делать, предпринимать.

— Зачем вы так торопитесь? Там никого нет, — сказал я спокойно. — Наш старший бухгалтер, Павел Павлович Ногин, вот он здесь, все служащие, я вижу по присутствующим, сошли оттуда, несомненно как только вы явились сюда. Из нас никто не собирается никуда бежать. А если вы хотите посмотреть книги, то вот, наш старший бухгалтер отправится с тем лицом, которое вы командируете, они сядут там за стол и все просмотрят.

Мой спокойный тон, очевидно, страшно возмущал Статковского и вместе с тем он не мог никак найти своего собственного начальнического устрашающего тона и тут вдруг скис и сказал:

— Это правда. Я попрошу вас подняться наверх, — тихо обратился он к Павлу Павловичу Ногину. — А вот господин ротмистр пойдет вместе с вами.

И они двинулись наверх.

Я прекрасно знал, что у Павла Павловича Ногина все в великолепном порядке: при всех отправках вписывались в счета исключительно только легальные книги, а если где и встречаются книги, теперь конфискованные, то эти записи были сделаны им еще до момента наложения ареста на книги, а стало быть, в то время они были легальны, и мы за их отправку не отвечали.

Я сказал, что пусть с ними идет еще один счетовод, который будет помогать быстрее доставать все документы, которые господин ротмистр пожелает осмотреть.

Статковский вдруг рассмеялся.

— Вот это порядочек! Вот они, старые революционеры, настоящие старые воробьи. Готов биться о заклад, что здесь мы ничего не найдем, что могло бы компрометировать вот его,—показал он на меня.— Это не то, что эс-эры. У них мы пачками забираем и письма, и прокламации, и все, что угодно. Здесь большевики, социалдемократы, у них все в порядке, все деловито, у них все организовано.

И он замолчал.

Меня очень удивила эта реплика старого охранника, который, конечно, здесь мог выкидывать разные трюки, чтобы расположить к себе или, наоборот, запугать, возмутить, лишь бы провести свою собственную линию, и я невольно вдруг вспомнил, что я где-то видел его, и, когда я стал напрягать память, передо мной ясно вырисовались изумительные обстоятельства.

Я жил на Песках, на 4-й Рождественской, д. № 36 и, когда ходил домой из города, то всегда пересекал площадь у Николаевского вокзала. За месяц, за полтора до обыска у нас я был удивлен, идя домой, что площадь вся была оцеплена и никого по ней не пропускали. Требовали, чтобы все шли в обход. Я заявил полицейскому приставу, что живу на Песках, что мне обязательно надо пересечь эту площадь и что я спешу домой. Тот спросил, где я живу. Я тотчас ему сказал свой адрес.

— Ну, вот идите, только не подходите к вокзалу, а вот так с правой стороны памятника по панели, — сказал он мне, — и он обратился к городовому, крикнув, чтобы тот провел меня и еще несколько человек, которые добивались пройти через площадь, на угол старого Невского, и мы пошли. Когда я вступил с площади на тротуар около памятника Александра III, то почти-что столкнулся лицом к лицу с чиновником министерства внутренних дел, в форменной фуражке, с кокардой, в осеннем пальто, который что-то бережно нес в пригоршнях, передвигаясь самым медленным шагом и пристально смотря устремленным взглядом в ладоши. В пригоршне лежала бомба. Это был четырехгранный снаряд, довольно плоский и возвышавшийся к одному краю. Встреча эта так была для меня неожиданна — так же, как, вероятно, и для всех других пешеходов, которые шли вместе со мной,—что мы невольно остановились, и я взором вонзился в глаза и в лицо этого чиновника. Его напряженный и устремленные в одну точку взгляд горел злобным огнем, он медленно дышал и очень медленно двигался. В это время нам стал кричать пристав, шедший сзади шагах в десяти от этого чиновника министерства внутренних дел:

— Остановитесь, остановитесь! Не смейте ходить...

Мы остановились. Чиновник, несший бомбу, мгновенно взглянул на нашу группу и, очевидно, поняв, что это просто прохожие, все так же тихонько, с бомбой на вытянутых руках, в ладошках, словно неся драгоценный сосуд, который нельзя расплескать, медленно, прошел мимо нас, направляясь к аптеке, которая выходила на пло-

щадь, со стороны старого Невского проспекта. Чем ближе он подходил к аптеке, тем быстрее охраняющие его и аптеку шпионы, полиция и жандармы отходили подальше, трусовато оглядываясь и пятясь. Очевидно, эти блюстители и стражи петербургского порядка и охраны не очень-то хотели стоять близко около несомненно смелого, почти отчаянного начальника, так как в руках у него был снаряд такой мощности, который, если бы взорвался, конечно, растерзал бы в куски не только самого этого чиновника, но и многих окружающих. Совершенно понятен мелкий, животный страх этих заячьих душ, которые, исполняя свои обязанности, конечно, тряслись больше всего за свое собственное житьишко. Они не знали содержимого этого снаряда, но прекрасно понимали, что, может быть, если снаряд будет положен не на тот, а на другой бок, или случайно обронен; то все они могут быть взорваны, и они трусливо жались друг к другу, отходя, на всякий случай, подальше от этого эсэровского гостинца.

Оказалось, что на Николаевском вокзале были арестованы чемоданы, сдаваемые на хранение. Несколько приезжих, как говорили в толпе, были также арестованы и только-что увезены в особой карете. Чемоданы были вскрыты, и содержимое их вот тот, отчаянный охранник, переносил в аптеку, где, надо думать, они разряжались специалистами.

Я до сих пор помню этот потусторонний, провалившийся взгляд стоявшего на самый тоненький волосок от смерти этого старого, исполнительного и по-своему самоотверженного слугу самодержавного правительства. Когда я на обыске посмотрел пристально на этого чиновника, суетливо бегавшего в засаленной форменной тужурке в нашем книжном складе, то сейчас же по глазам узнал его, а от него самого узнал его фамилию. Тот отчаянный охранник, чиновник министерства внутренних дел, несомненно был этот самый Статковский.

* * *

После пикировки, которая произошла у меня с ним в моем кабинете, он все так же энергично продолжал обыскивать склад и сделал распоряжение, еще более крикливое, чем было раньше, по которому нужно было все книги снять со всех полок и осмотреть, что находится там за книгами.

— Там стена и больше ничего другого нет...—бросил я ему.

— Ну, это мы посмотрим! — злобно сказал он, а понятые, дворники и городовые, и особенно шпионы, сейчас же стали сбрасывать книги с полок, ссыпая их в одну кучу, в дальнюю комнату.

— Смотрите, какое безобразие делают ваши служащие! — сказал я вслух. — Ведь это же чорт знает что такое! Разве можно так обращаться с алфавитом? Ведь все книги стоят разобранные в алфавитном порядке. Ведь их здесь несколько тысяч названий, они все их перепутают, каково это будет после убирать?

— Слушаю-с! — ответил мне Статковский, вытягиваясь по-военному и, отвратительно засмеявшись, пронзительно, зло закричал:

— Скидывай всю эту дрянь туда! Да живей!..

Услышав этот ободряющий голос своего начальника, шпики и все другие, кто были с ними, еще более ретиво стали сбрасывать в одну кучу все книги, развертывая, разрезая и разламывая целые пачки их.

Я подумал, что даже это и хорошо, потому что при таком ералаше, да еще при такой поспешной своеобразной работе, они не заметят те нелегальные и конфискованные книги, которые могли остаться в алфавите и которые мне не хотелось, чтобы попались на глаза Статковского. Так это действительно и случилось.

Когда левая огромная стена большой комнаты была вся обнажена от книг, то совершенно ясно стало, что, кроме стены, там ничего нет. Статковский подбоченясь стоял в комнате, заломив форменную фуражку на затылок, пристально взглядываясь в стену.

— Чорт побери! — И здесь ничего нет! — досадливо пробурчал он.

— Так будет и везде, — вставил я непреклонную реплику.

В это время к нему подошел один из чиновников охранного отделения и что-то стал шептать на ухо. Статковский кивал головой.

— Конечно, конечно! — ответил он ему.

— Осмотрите печку! Да хорошенько... — начальнически приказал он маленькому юркому сыщику.

Сыщик со всех ног бросился к печке, отворил ее, полез в жерло, потом, пятясь и дрыгая ногами, вылез из печки, полез — где труба, заглянул в отдушник и, наконец, опять вернулся к жерлу.

— Что же это он так плохо старается? — говорил я вслух. — Ему надо влезть в печку совсем, вот там-то он все и найдет. Это уже наверно...

Мне хотелось загнать этого шпика туда внутрь для того, чтобы он оттуда не мог долгое время вылезть, потому что его юркому тонкому телу вряд ли удалось бы вновь так изогнуться в этом весьма тесном пространстве, чтобы вылезть обратно. Но тот подумал, поразмышлял и не полез в печку, подбежал к Статковскому, весь вымазанный, как чорт, в саже и отрапортовал:

— Никакой дыры нет!

Тут я понял, что они искали ход подкопа, как об этом приходилось и раньше слышать в разговорах про наш склад и что подтвердилось после. Охранное отделение было настолько тупо, думая, что мы отсюда, из книжного склада „Вперед", вывозя огромное количество ящиков, вывозим землю, ведя подкоп под Аничков дворец. Они до сих пор, до 1907 года, не могли очухаться от того, что на этой же улице, рядом с нашим домом была известная сырная лавка Кобозева, откуда Ю. Н. Богдановичи его товарищи вели подкоп под соседнюю улицу. Этот факт борьбы старых народовольцев до такой степени запал им в память, что и теперь они думали,

что мы, социалдемократы-большевики, будем заниматься таким же делом, которое в нашу эпоху массовой борьбы не имело никакой цены. Я невольно стал хохотать, что очень сильно озлило Статковского.

— Чего вы хохочете? — вдруг спросил он меня.

— Да так, уж очень смешно смотреть на вашего этого господина, который в печку зал з. Смотрите, каким он отт да вылез!

— Он чиновник государственной службы, — резко ответил мне Статковский, — и выполняет свой долг и свои обязанности честно.

— Ну, вот и великолепно. Зато он уже и получил награду от своего начальника. Смотрите, как вы его похвалили при всех, — сказал я Статковскому, — для него это наверное очень лестно.

Шпион, оглядываясь и озираясь, все время продолжал отряхивать и сажу, и золу, и глину, виновато забился в угол и так и сидел там, не выходя до конца обыска.

XXI

Разгром все продолжался. Во всех комнатах также снимали книги, перенося их в одну и ту же заднюю комнату, где из них образовалась большая-большая гора. Улучив минутку и подойдя к нашей Архангельской, я спросил:

— Ну, что? Как это дело началось?

— Чуть не влетели, — ответила она мне. — Ведь у нас была Надежда Константиновна, Менжинские, многие товарищи из Петербургского комитета и из районов. Когда все они ввалились, то, к нашему счастью, еще не было вот этого распорядителя. Они прежде всего потребовали, чтобы все посторонние, т. е. покупатели ушли, и это распоряжение сделал наш пристав. Надежда Константиновна в это время была в самой дальней комнате, где совещались наши товарищи, а с ней человек 15. Мы успели дать им знать, когда полиция только-что входила. Они все вышли из этой комнаты и стали, как покупатели, к прилавкам. Когда пристав объявил, что все посторонние должны уйти, они сейчас же заторопились и ушли и таким образом выскочили из этой засады.

Я был весьма счастлив знать, что никто из товарищей не попался. Мне еще более стало весело, и я с большой насмешкой смотрел на всезнающего и всеведущего Статковского.

— Я хотел бы подняться в коридору и посмотреть, что делается там, — обратился я к нему, не желая итти самостоятельно, так как знал, что меня не выпустят.

— Да, да это интересно, — сказал он, точно вспомнив о том, что послал туда своих людей. — Пойдемте, я тоже пойду.

И мы, имея впереди Статковского, пошли наверх.

— А ловко вы тогда, Владимир Дмитриевич, „Папашу"-то вывезли. Наклеили вы нам нос, — обратился вдруг ко мне Статковский, неожиданно поворачиваясь и смотря пристально, в упор в глаза. — Да-с, это для наших был большой афронт.

Я молчал, делая вид, что ничего не понимаю.

— Знаете, здесь пахнет старой „Народной волей", — вкрадчиво сказал он, словно стараясь меня соблазнить этой горделивой похвалой.

Я прекрасно сознавал, что он ловко расставляет мне ловушку и обдумывал, как лучше отпарировать этот его новый удар.

— Да-с, — продолжал он деланно возбуждаясь, — это не то, что современная молодежь: затеет что-либо и сейчас, как куропатки, в первый силок попадется, нет-с, здесь не то... — протянул он... Здесь другой коленкор... Да-с! — Вот с такими старыми революционерами приятно иметь дело... По крайней мере видишь и план, и выдержку, и уменье осуществлять задуманное, — говорил он скороговоркой, все более и более увлекаясь...

— Ну что вы нам на это скажете, а?!

— Ровно ничего... — ответил я совершенно равнодушно.

— То есть как это ничего? Такую штуку выкинуть... и теперь хоть бы что, хоть бы слово...

— Ваша жизнь, очевидно, так полна приключений, — ответил спокойно я ему, чувствуя, что мое упорное молчание может служить уликой против меня, — и вам, вероятно, кроме того, приходится выслушивать так много докладов от ваших подчиненных, что вы просто что-то спутали. Все, что вы здесь рассказываете, не имеет решительно никакого отношения к нашему торговому предприятию.. Это что-то совсем из другой оперы...

— Так-с, так-с! — злобно метнув глазами, протянул Статковский. — „Из другой оперы", — ловко сказано... Тут не договоришься!.. Нет! Сама невинность перед нами... Он ничего не знает, ничего не слышал, занят торговыми делами и хоть бы что... Ничего у него нет... И я — не я, и лошадь не моя... Великолепно! Чудесно!..— сыпал, как горох, этот нервозный, но всегда „себе на уме" ловкий, и по-своему умный охранник и несомненно опытный сыщик.

Наступило неловкое молчание...

— Ну что же-с! Пойдемте... пойдемте на верх в вашу контору, — подчеркивающе сказал он, — господин книгопродавец, ха, ха, ха!...— И он захохотал деланно, отвратительно, тяжко.

Мы пошли.

— А рысачок-то хорош! Хоть куда!...— вдруг оглянувшись на меня, полушопотом сказал Статковский, фамильярно наклоняясь к моему уху.

Я угрюмо отстранился, взглянул на него и промолчал.

И мы, выйдя черным ходом, стали быстро подниматься по лестнице.

„Однако это серьезно, — подумал я. — Откуда он может знать такие подробности? Это не из докладов его агентов... Это только мог кто-то осветить изнутри... У нас есть предатель, это несомненно... Мы должны его открыть во что бы то ни стало. Но кто?.." мучительно подумал я, и сердце мое защемило".

„Это Володька! Не кто другой, как он", — утвердился я в мысли, вспоминая все его подлое, фальшивое вертлявое поведение в тот день, когда, спасаясь, отсиживался у нас „Папаша".

И один за другим чередовались у меня отдельные эпизоды из жизни этого испорченного, продувного мальчишки, и его виновность в предательстве все более и более выявлялась в моем сознании. Этот неожиданный разговор еще более подтвердил мне правильность наших наблюдений. Кара, постигшая Володьку,

была не напрасна... Мы, поднявшись на четвертый этаж, позвонили в нашу квартиру. Когда мы вошли в нее, то увидели как деловито Павел Павлович Ногин показывал жандармскому ротмистру коммерческие книги: копировальные, бухгалтерские, открывая счета по его требованию, делал распоряжение своему помощнику, и тот мгновенно находил все, что ротмистр хотел. Когда мы вошли, ротмистр поднял на нас глаза и сказал:

— Все в порядке. Ничего найти не могу. Вот есть в счетах несколько книг, действительно конфискованных, но они были отправлены отсюда значительно раньше, чем арест был наложен, что вот господин бухгалтер доказывает мне официальными списками конфискованной литературы, полученными им для руководства под расписку от инспектора по делам печати.

— Чисто работают, чисто работают! — не сдавался Статковский.

Было совершенно ясно, что на него эти результаты производили удручающее впечатление.

Рядом с конторой у нас была большая комната, в которой сделаны были легкие стеллажи по стене, на которых разложены в тщательном порядке картины нашего издания, издательства „Утро", открытые письма и пр. и т. п. художественные произведения. Мы увидели здесь, как какой-то деятель охранного отделения бегал по этой комнате, отбирая картины и открытки и подносил их к электрической лампе, которая находилась на столике в дальнем углу комнаты, плохо освещая всю остальную, так как вечерами мы здесь никогда не работали, а Михаил Степанович Ольминский так же скоро, нервно ходил за ним, не отставая ни на шаг, и резко говорил ему:

— Ну, что вы здесь ищете? Неужели вы не видите, что это самые обыкновенные картины? Зачем вы так плохо обращаетесь, с ними, ведь это же ценное имущество! Вы не имеете права бросать их на пол! Это чорт знает, что такое!..

— Такие прекрасные издания, а он бросает их на пол! — укоризненно и раздраженно сказал мне Михаил Степанович, когда мы вошли в эту комнату.

Статковский прошелся по комнате, посмотрел картины: они все были разрешены к печати, среди них не было ни одной конфискованной открытки или изображения, так как такие мы здесь не держали и сохраняли их совершенно в другом месте — очевидно, всеведущему Статковскому неизвестном, — и он, посмотрев, что картины действительно в небрежении валяются на полу, сказал этому деятелю охранного отделения:

— Надо поосторожней, ведь вы можете нанести большой убыток учреждению, а потом на нас же будут возводить претензии. Вы что-нибудь нашли?

— Ничего с нет, — вытянувшись громко сказал сыщик.

— Так какого же вы чорта здесь роетесь, если ничего нет? — злобно окрысился, сейчас же раздражаясь, Статковский. — Если рассмотрели, составьте акт и идите вниз.

Ретивый слуга охранного отделения, не ожидая окрика своего начальства, сразу сдался, сел за стол и быстро стал писать акт.

Мы опять вернулись в контору.

— Если в торговых книгах ничего нет, все оставьте здесь, а помещение опечатайте. Не забудьте потушить огонь, — начальнически распорядился Статковский, обращаясь к жандармскому ротмистру.

Меня заинтересовала эта хозяйственная предусмотрительность. Ротмистр, которому, очевидно, надоело рыться в бесконечных счетных записях, словно обрадовался этому предложению, стал торопиться и вскоре дал Павлу Павловичу Ногину подписать протокол.

Павел Павлович деловым образом сел за стол и прочитывал от слова до слов все написанное в протоколе, что-то поправлял, четко вписывая большой пухлой рукой, время от времени кидая на меня прямые, упрямые взоры. Он подписал протокол, встал и громко отрывисто сказал:

— Я не в состоянии буду отвечать за бухгалтерию, если здесь будет наложена только их печать. Сюда могут войти и книги, могут испортить...

— Что же, вы хотите приложить еще и свою печать? — очень вежливо сказал Статковский.

— Это было бы не плохо, — пробасил Павел Павлович. — Или контора должна быть заперта и ключ должен находиться в ответственных руках.

— Мы об этом позаботимся, — сказал Статковский, зло улыбаясь.

Я понял, что Павел Павлович все это говорит исключительно для делового тона и для ущемления представителей охранного и жандармского управлений.

Ротмистр быстро все закончил, собрал бумаги, уложив их в портфель. Мы пошли вниз, а Павел Павлович с ротмистром стали запирать и запечатывать помещение конторы.

Внизу в это время я заметил вновь прибывшего штатского человека в форменной фуражке, который, как гончая собака, все время бегал по той комнате, где ранее занимался тов. Чумак[1], особенно тщательно осматривая это помещение, стол и все остальное, что было здесь.

— Где тот, который занимался за этим столом? — спросил он меня, когда я вошел в эту комнату.

— Он должен быть здесь, это наш корректор, — ответил я ему. Но его однако не оказалось, потому что он не вышел на работу в этот день.

— Как его фамилия?

Мы назвали фамилию.

— Известен ли его адрес?

---

[1] Николай Федорович Насимович.

— Конечно, — ответил я. — Наши служащие все зарегистрированы в нашей конторе на карточках, где имеются их адреса.

— Но тот, который раньше здесь был? — не мог утихомириться чиновник, продолжая меня допрашивать.

Я сделал совершенно изумленное лицо и заявил, что кого он подразумевает, мне неизвестно.

— У нас более здесь никого не было, — твердо ответил я ему.

Так как эта комната не имела никакого особого назначения, то здесь иногда занимались чтением корректуры наших изданий, заходили иногда авторы, которые просматривали свои брошюры, здесь же заседала редакция. Только в самое последнее время мы отвели ее специально под корректорскую, так как эта комната была наиболее спокойная. Все это я рассказал ему просто без всякой аффектации. Мне стало совершенно ясно, что охранное отделение ищет следов журнала „Казарма", который действительно именно в этой комнате обрабатывался, редактировался, и именно сюда-то приходили многие товарищи из военной организации к тов. Чужаку на явку, который действительно обыкновенно сидел за этим столом. Он всего какие-нибудь две-три недели, перейдя на нелегальное положение, перестал к нам совершенно заходить. Здесь также постоянно собирались члены военной организации. Некоторые работали у нас же в складе и в издательстве. Помимо тов. Чужака, у нас работала как служащая Мария Ивановна Григорова из г. Сызрани, которую мы звали Ниной. Это была в высшей степени энергичная девушка, несколько склонная к авантюризму, прекрасная певунья, с двумя толстыми косами по пояс. Она весело делала свое дело, не зная или не представляя себе, что такое опасность. Арестованная по делу военной организации по процессу Чужака и других, она была выпущена под залог. Дальнейшая судьба ее мне неизвестна.

Тут же постоянно у нас бывал Анатолий Владимирович Казаков-Свиягин-Бриттман-Попов, работавший в рядах большевиков с первых дней раскола партии, когда он был еще студентом Бернского университета, где он входил в нашу большевистскую группу. В 1906 г. он быстро перешел на нелегальное положение, работал по военной организации, успешно распространяя среди солдат и матросов нашу литературу и очень часто посещая наш склад.

Его случайно арестовали и заключили в дом предварительного заключения. Списавшись из тюрьмы со мной, он сообщил мне, что совершенно обдумал план побега, что он все сам сделает и лишь просит доставить в тюрьму ему пилки, что мы сделали, искусно спрятав их в окорочек ветчины, вынув из него кость и вставив пилки с внутренней стороны кости. Также он просил на воле дать ему возможность быстро уехать. И это было нами сделано. Мы около суда поставили великолепного нашего рысака, на котором к суду подъехал важный, всем хорошо известный адвокат. Этот рысак проезжался, под видом горячности лошади,

и в нужное время въехал на Шпалерную улицу и подхватил Казакова, который, спустившись с верхнего этажа по связанным простыням во время смены караула, выбежал в боковые ворота, и именно в те часы, когда туда регулярно каждый день въезжал обоз с углем и дровами, загораживая весь двор, открытые ворота и даже частью стоя на улице. Все это быстро подметил и быстро изучил Казаков-Свиягин и совершил свой совершенно безумный, более чем рискованный побег из того дома, откуда, кажется, никогда никто не убегал. Увидев уезжавшего Свиягина, который внешне совершенно не волновался, я тотчас же ушел от тюрьмы, сел на трамвай и поехал на Финляндский вокзал, чтобы добраться до Удельной, откуда я хотел сообщить Никитичу, что все выполнено.

Я пришел к моим знакомым Тимофеевым настолько взволнованным, что мое необычное состояние не скрылось от зоркого взгляда прекрасного и наблюдательного доктора-психиатра.

— Что это с вами, мой дорогой друг? — участливо спросил меня Александр Викторович, — вы чем-то очень взволнованы?

Я пробовал отнекиваться, но ничего не выходило.

— Не нужна ли моя помощь? — спросил Александр Викторович.

— Нет, помощи не нужно. Знаете, я сейчас был невольным свидетелем побега из дома предварительного заключения. Я видел, как из ворот выбежал кто-то, а за ним солдаты, ломовые извозчики, дворники. Тот вскочил в первую попавшуюся пролетку, раздались выстрелы...

— Чем кончилось? — спросил он меня, впиваясь зорким взором.

— Не знаю. Трамвай уехал... Но по той суете, которая началась, можно предположить, что тот удрал.

И я умолк, боясь говорить больше.

— Вот это отлично!.. — воскликнула его жена Мария Сергеевна. — Это прекрасно!

Отсюда мне удалось позвонить Никитичу и условным языком сообщить ему, что „все в порядке". Я лишь порекомендовал дать хороший отдых лошади, участвовавшей на рысистых состязаниях. Действительно, наш лихач так долго маячил возле суда, что его могли приметить и городовой, здесь стоявший на посту, и прохожие, и дворники.

Как мне стало после известно, Никитич предложил отстояться лошади где-то за городом, в укромной конюшне хорошо ему знакомого богатого помещика.

Этот смелый побег Свиягина, совершенный почти без малейшей помощи с воли, но при содействии заключенных, ясно свидетельствует нам, что в 1906 г. тюремная дисциплина была сильно расшатана революционным движением и что строгие тюремные порядки сменились явной расхлябанностью, благодаря которой Свиягину удалось прошмыгнуть за ворота. После его побега поднялась огромная кутерьма в тюрьме. Были сменены помощники тюремного начальника, и меры строгости усилились.

Через несколько дней Свиягин неожиданно появился во „Впереде". Я был совершенно изумлен этой глупейшей его бравадой и высказал ему это прямо и откровенно в глаза. Он был очень удивлен моей отповедью. Я предложил ему сейчас же уехать из Петербурга, переменить наружность — отпустить бороду, волосы, переменить костюм и не появляться там, где он обыкновенно ранее появлялся.

— Куда же я поеду? У меня здесь все друзья и товарищи... — говорил он, краснея и беспрерывно улыбаясь.

Я возмутился этой его обывательщиной, которая уживалась у него вместе с беспредельной преданностью делу революции и отчаянной смелостью в выполнении различных партийных предприятий, и твердо предложил ему выехать в Москву, а еще лучше — в Одессу или в Тифлис.

Он очень опечалился. Обещал, но весьма нерешительно. Во „Вперед" он перестал приходить, так как за нами усиленно следили, и появляться ему здесь было верхом безумия, но, как оказалось после, он из Петербурга не уехал и вскоре был арестован по делу военной организации, где была перманентная провокация, крепко засел в тюрьму и после длительного одиночного заключения был военным судом приговорен к каторжным работам, которые отбывал в Акатуе вместе с социалистом-революционером Егором Сазоновым. С каторги он благополучно бежал, потом опять попался под чужим именем. Его арестовали, приговорили, не узнав, что он каторжанин, к административной высылке, заменив ее в то время все более и более практиковавшейся высылкой за границу, где он сейчас же вошел в группу большевиков, и именно в группу Владимира Ильича. Его несколько авантюристическую натуру сбила окончательно с толку империалистическая война. Он томился бездеятельностью, поддался возбужденному состоянию умов в Париже во время наступления немцев и записался добровольцем во французскую действующую армию. В одном из сражений он был убит. Французы торжественно похоронили „самоотверженного русского". Вместе с ним записались добровольцами многие другие из политической русской колонии, и в том числе несколько товарищей из большевиков. Это увлечение войной было тогда довольно распространено среди русских эмигрантов, живших во Франции.

Товарищи, жившие в то время там, рассказывают, что немцы как-то вдруг подкатились к Парижу. Когда вокруг этого нервного трепещущего города стали всюду рыть окопы, ожидая жестоких битв, здесь, совсем близко, в окрестностях Парижа, особая горячка охватила множество людей и, как бушующая зараза, разлилось это воинственно-патриотическое настроение всюду и везде. В множестве пунктов записывались волонтеры, добровольцы, вливаясь во французскую армию. Поднятию милитаристических чувств в Париже среди русской колонии очень много способствовал Г. В. Плеханов своей безудержной патриотической пропагандой, когда он страстно выступал на многих собраниях, зовя всех

активно участвовать против „немецкого нашествия". Очевидцы и непосредственные слушатели Г. В. Плеханова до сих пор не могут объяснить себе, что сделалось с ним, с этим былым трибуном революции, когда он договаривался до того, что утверждал, что „русский царь несет освобождение Европы и спасение цивилизации от немецкого нашествия". Измена французских социалистов и превращение их в самых квасных патриотов, действительно живая опасность от немецких полчищ, которые, как смерч, неслись все дальше и дальше, несомненная угроза Парижу, традиционная ненависть и вражда в буржуазных и мелкобуржуазных слоях французов к немцам, так отчетливо еще помнивших Франко-прусскую войну и все унижения, которые тогда переживали официальные слои и господствовавшие классы Франции, — все это вместе взятое сильно подогревало патриотические чувства. Само собой понятно, что многих на военные работы гнала эмигрантская голодуха. Мы знаем, что вокруг Парижа во время начала империалистической войны рыли окопы и траншеи многие политические эмигранты, и в том числе и наши товарищи. Более сангвинистические натуры, менее уравновешенные и несомненно менее выдержанные поддались общему шовинистическому возбуждению и туману, взялись за винтовки и пошли добровольцами во французскую армию. Среди них был, как мы уже упоминали, наш старый товарищ Анатолий Казаков, он же Свиягин, Попов, Бриттман, или просто Анатолий, как часто мы его звали между собой. Настоящая его фамилия была Казаков. Именно таковой она была и во времена его студенчества, когда он вместе с Г. Е. Зиновьевым учился в Берне, входя в первую группу студентов социалдемократов-большевиков этого города и когда они твердо присоединились ко взглядам Владимира Ильича, работая под непосредственным руководством женевского центра.

— К нам пришла жена Свиягина — Фани Шендерович, — рассказывал мне Г. Е. Зиновьев, — сообщила печальную весть о гибели на фронте нашего старого товарища Анатолия Казакова (Свиягина), которого политическая колония наша в то время знала как Бриттмана-Попова. Она принесла маленькие разрозненные листочки, на которых были написаны некоторые сведения из его биографии, далеко не отражавшие вполне его бурную, насыщенную революционным действием жизнь. Мы все очень хорошо знали т. Свиягина и всегда неизменно хорошо относились к нему. Владимиру Ильичу нравились его оптимизм, пылкость, преданность революционному делу, решимость в борьбе и самозабвение в рискованных предприятиях. Он всегда неизменно защищал это при всех эмигрантских дрязгах. Мы знали, что на каторге, где он был вместе с эсэром Е. Сазоновым, он вел себя прекрасно, был авторитетен, и наши товарищи выдвинули его на ответственный пост большевистского социалдемократического старосты каторжан. Со стороны эсэров таким же старостой был Е. Сазонов. Эти два революционера политической столыпинской каторги с честью и до-

стоинством несли всю многосложную работу и ответственность за всех товарищей каторжан, заселивших тогда знаменитый Акатуй.

— Я сейчас же написал небольшую заметку, — говорил мне Г. Е. Зиновьев, — о нашем покойном товарище, предназначая ее для ближайшего номера „Социалдемократа“ и, конечно, показал ее Владимиру Ильичу, который только-что узнал о гибели Свиягина на фронте. Прочтя заметку, Владимир Ильич тут же написал дополнение к ней, в котором повторил некоторые сведения, приведенные мной (о клевете, о каторге), отметил его ошибку, которую „он сделал... поддавшись увлечению и пойдя волонтером во французскую армию“ и еще и еще раз подчеркнул, что „память товарища безупречна“. Кроме того, Владимир Ильич приписал к концу заметки сообщение о том, что наша редакция в эти дни получила много заметок и сведений о тов. Бриттмане, которые мы, к сожалению, не могли напечатать в газете за неимением места и которые очень хотели издать отдельной брошюрой. [1]

Заметка без подписи о Бриттмане-Попове, которую мы здесь перепечатываем, появилась в ЦО РС-ДРП в № 37 „Социалдемократа“, стр. 2, Женева, 1 февраля 1915 г. С самого начала кончая словами „преследующих его за будто бы недостаточную стойкость на суде, не минует его“, — все написано, по его личному свидетельству, Г. Е. Зиновьевым. С абзаца: „В лице Бриттмана-Попова РС-ДРП потеряла выдающегося по своей преданности революционера...“ и до слов „Память товарища безупречна“ — все написано Владимиром Ильичем. Далее слова: „Товарищ Бриттман работал также в с.-д. печати...“ до конца этого абзаца принадлежат Г. Е. Зиновьеву. Весь последний абзац, ниже трех звездочек, до конца написан, по свидетельству Г. Е. Зиновьева, Владимиром Ильичем.

Вот текст этой заметки.

БРИТТМАН-ПОПОВ.

Около 15 лет погибший товарищ работал в рядах нашей партии. Сначала „искровец,“ потом большевик — он в течение всех этих лет остается верным знамени революционного марксизма.

В 1905 году он энергично участвует в петербургской с.-д. работе, беря на себя самые опасные функции, выступая агитатором и организатором среди солдат, участвуя в боевых с.-д. организациях и в то же время ведя большую агитационную работу среди рабочих, ни на минуту не отрывается от идейной жизни партии.

На долю почившего товарища выпало не мало гонений со стороны царского правительства. Несколько раз его арестовывают в СПБ., и несколько раз удается ему бежать — один раз из Пересыльной тюрьмы. В 1906-7 гг. он по поручению Петербургского комитета

---

[1] Пользуясь случаем, просим товарищей и особенно Фани Шендерович откликнуться и прислать мне все имеющиеся материалы, портреты и проч. о покойном товарище, о котором я предполагаю написать более подробный очерк. Все высылать прошу по адресу: Москва, Большой Кисловский переулок, д. 5, кв. 2. тел. 2 — 90 — 32, Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу.

нашей партии участвует в организации с.-д. работы в Кронштадте. Здесь его арестовывают и вместе с ним целую группу товарищей, действовавших в Кронштадтской военной и пролетарской организации. По суду товарища Бриттмана (под чужим именем) присуждают к 8 годам каторги. Он ссылается в Акатуй, где принадлежит к видным членам акатуйской с.-д. каторги.

Через некоторое время специальная комиссия выпускает на поселение Бриттмана вместе с рядом других революционеров по болезни. Тов. Бриттман немедленно бежит в Россию на поле битвы. Он попадает в СПБ. В самое глухое время контрреволюции. Но он тотчас же берет на себя вновь очень ответственные поручения по организации партийного транспорта и т. п. Вскоре его опять арестовывают. Неузнанный царскими ищейками, он через несколько месяцев получает простую административную ссылку с заменой высылкой за границу. Здесь товарищу приходится испить всю чашу эмигрантской нужды, и даже клевета мнимых „революционеров", преследующих его за будто бы недостаточную стойкость на суде, не минует его.

В лице Бриттмана-Попова РС-ДРП потеряла выдающегося по своей преданности делу революционера. Он сделал ошибку, поддавшись увлечению и пойдя волонтером во французскую армию. Но он работал много, более десяти лет, в рядах революционной социал-демократии, перенося с удивительной бодростью тяжести эмигрантской жизни и мучения каторги, помогая всем товарищам своим оптимизмом и верой в революционное дело. Последние годы жизни отравила ему клевета, его обвиняли в неправильном поведении на суде. Бесчестье падет на клеветников, дело было разобрано и каторжанами и ЦК РС-ДРП в 1908 г., при чем единодушно выражено полное доверие и уважение товарищу. Память товарища безупречна.

Товарищ Бриттман работал также в с.-д. печати: в старой „Искре", во „Вперед", в петербургской „Правде" и т. д. В последние годы он состоял членом комитета нашей заграничной организации.

* * *

Редакцией получено много ценных биографических материалов о жизни и работе почившего товарища. Несколько очерков, написанных товарищами различных фракций, рисуют в чрезвычайно симпатичном свете поведение Бриттмана среди французских солдат — его мужество, его беспредельную преданность социализму. К нашему глубокому сожалению, условия нашего издательства не дают нам возможности напечатать все эти материалы. Близкие товарищу Бриттману люди надеются вскоре издать подробную его биографию. Редакция „С-Д." сочтет своим долгом помочь этому изданию чем только сможет.

*

Мы видим из этого маленького некролога, как трудно и нудно и тяжко жилось нашим боевым товарищам во вторую эмиграцию, когда в России бушевала столыпинская, дворянско-помещичья, конституционно-самодержавная реакция. Как разлагавшиеся эпигоны первой революции, порвавшие всякую связь с живой действительностью, готовы были всех и вся залепить грязью и как трудно было Владимиру Ильичу вести наш большевистский корабль среди этих бурных и нередко грязных волн, отстаивая честь и достоинство и нашей партии, и отдельных преданных ее членов, к которым

несомненно принадлежал тов. Анатолий-Казаков-Свиягин-Бриттман-Попов. [1]

Так погиб этот болезненный физически — он был туберкулезный, отчаянно-смелый, преданный партии большевиков наш товарищ, когда-то принимавший деятельное участие в работе нашей партийной центральной экспедиции и в издательствах нашей партии, а также в нашем центральном книжном складе и магазине „Вперед".

---

[1] В журнале „Каторга и ссылка," издающемся Всесоюзным обществом политкаторжан, помещена в № 6 (1923 г.) статья Г. Крамарова под заглавием „Памяти А. В. Попова", т. е. памяти того Анатолия-Казакова-Свиягина-Бриттмана-Попова.

XIII

— Брать ли рукописи? — обратился к Статковскому жандармский ротмистр, производивший обыск.

— Конечно, рукописи — самое главное. А их нашли много?

— Нет, в столе заведующего магазином как-раз найдены вот эти рукописи.

Я посмотрел на них.

— Да, это рукописи, представленные нам на просмотр для печати.

Это была как-раз большая тетрадь, написанная на писчих листах бумаги и принадлежавшая умершему Н. Е. Федосееву, нашему старому товарищу, которого, кажется, когда-то знавал и очень уважал Владимир Ильич и который был в ссылке, где подвергся страшной травле эсэров, настолько замучивших его, что именно это обстоятельство и было главнейшей причиной его смерти. Владимир Ильич всегда очень тепло и хорошо вспоминал о нем и желал, чтобы его рукописи были изданы.

Я знал, что никаких иных рукописей у меня не было, да и эти остались у меня случайно, так как они всего несколько дней как были мне присланы. Я хотел их показать Владимиру Ильичу, который очень сильно интересовался работами Федосеева и говорил, что их все надо обязательно издать.

Рукописи эти были отложены жандармами на отдельный стол, куда складывались вещественные доказательства.

Я сразу заметил ошибку охранников, и у меня уже зрел план защиты от этого нашествия. Те шпионы, которые приносили конфискованные книги, выкрикивая их содержание и количество экземпляров, не оставляли здесь на столе по экземпляру этих книг, а убегали с ними обратно, бросая их в общую кучу. Таким образом был составлен длинный список книг, который я твердо решил не подписывать, но не говорить почему, а он без приложения вещественных доказательств не имел, конечно, никакого судебного значения, и в будущем всегда легко было доказать, что он не соответствовал действительному положению вещей.

Обыск затягивался. Все устали. Полицейские и жандармские офицеры послали городового за колбасой, ветчиной, просили разрешения поставить самовар, что было сделано одним из городовых.

Накрыли бумагой стол в моем кабинете, а другой в складе и часов в 10 вечера сделали перерыв.

Статковский не захотел оставаться долее. Мельком раскланялся со своими подчиненными, с которыми он держался довольно заносчиво и нередко даже грубо, захватил с собой другого чиновника, который старался раздобыть сведения о той комнате, где была редакция „Казармы", и они исчезли.

Оставшиеся со вкусом стали ужинать, все время приглашая и меня и служащих также подкрепиться. Мы, конечно, совершенно категорически от этого отказались. Один из наших артельщиков в это время поставил другой самовар в дальней комнате, и мы все собрались там и немного подкрепились. Наше настроение было бодрое, свежее, отнюдь не унывающее. Мы все были убеждены, что нас арестуют всех, но случилось несколько иначе. Жандармы и полиция разомлели за самоваром и совершенно по-иному стали себя вести в отсутствие Статковского. Было ясно, что им не хотелось дальше продолжать такую же энергичную работу, а помощник пристава с черной бородой, обращаясь ко мне и к некоторым служащим нашего магазина, сказал:

— Чорт его знает, что он хочет! Ведь вот какую штуку натворил. Давным-давно можно было бы отсюда уйти, а мы вот сидим почти до полночи.

XXIII

В это время раздался звонок и на обыск приехал Д. А. Бутовский, старший инспектор надзора за типографскими и т. п. заведениями и книжной торговли. Он состоял при градоначальнике. Высокого роста, худощавый, с большими толстыми усами, с подстриженной круглой бородой, с быстрыми, упрямыми глазами на выкат. Он был в чине штатского генерала. Держал себя независимо и гордо и вместе с тем был взяточник и картежник самой большой марки. Для нас, революционеров, это был не человек, а клад. Благодаря его неудержимой слабости к деньгам наши типографии, наши склады и наши газеты существовали значительно более долгое время, чем это было бы, если бы не было такого покладистого чиновника у петербургского градоначальника, тем более занимавшего роль его правой руки.

Знакомство с ним свел прежде всех социалист-революционер В. В. Зеест, который заведывал огромным складом и книжным магазином эсэров. У нас в Петербурге установился в то время обычай, что мы все, представители разных социалистических партий, занимавшиеся распространением легальной и нелегальной литературы, всегда, чем только возможно, помогали друг другу. Когда как-то наше издательство попало в большую беду, так как с поличным у нас арестовали три книги в полном тираже, которые мы не успели вывезти из типографии, то Зеест сказал мне, что ничего другого делать нельзя, как надо сейчас же ехать к Бутовскому и дать ему хорошую взятку. Посоветовавшись с Никитичем, мы ясно поняли, что, если нам не удастся выцарапать эти книги в течение двух — трех дней из типографии, то, конечно, наше дело провалится целиком и полностью. Это было месяцев за пять до обыска.

Зеест предложил вполне определенный и весьма практический план: поставить в условие Бутовскому, что он задержит протокол обыска в типографии у себя, а мы в это время вывезем всю литературу из типографии. А когда инспектор по делам печати этого участка хватится и приедет к нему с докладом, то он, Бутовский, потребует у него протокол, сделав вид, что он протокола не видал, и сам уж как-нибудь сладится с этим инспектором, при чем Зеест говорил, что за это он потребует не менее 300 рублей. Пришлось отвалить эту крупную по тому времени сумму денег, тем более,

что мы рассчитывали, что литература, которую мы таким образом спасем, будет стоить значительно дороже, чем эти 300 рублей, да и от крупного политического скандала мы избавимся.

Мне пришлось поехать к этому Бутовскому вместе с Зеестом, и, когда он нас принял и стал угощать коньячком, выпивая его рюмку за рюмкой и удивляясь, что мы не пьем, я изумился, увидев у власти такого действительно совершенно опустившегося человека. Поговорив о том, о сем, Зеест простым и деловым образом прямо сказал Бутовскому, что мы приехали „по одному маленькому делу", как он выразился, и спокойно и ясно изложил ему, в чем оно заключается.

Бутовский смотрел на него громадными глазами на выкате, спокойно слушал и сидел совершенно неподвижно, как буддийское изваяние, лишь только изредка покручивая длинные, толстые, прокуренные, желтовато-коричневые усы.

— А так как, конечно, все это дело требует расходов, то, — сказал ему Зеест и в это время толкнул меня локтем, — вот вам привезли то, что нужно.

Я, будучи очень малоопытен в подобных делах, глубоко смущаясь, вытащил деньги, просто положил на стол и думал, что тот сейчас же заорет на меня благим матом: „Как вы смеете!.. Оскорбление... Это ужасно!.."

Но не тут-то было! Бутовский равнодушно взял сначала одну пачку; деловито, спокойно, немного примусливая два пальца, пересчитал ее, потом принялся за другую, сморщился, но также пересчитал и бросил в мою сторону:

— Есть засаленные, не люблю засаленных денег... Липнут как-то...

— Ничего, — ответил Зеест, — можно обменять.

Бутовский лукаво улыбнулся и стал считать третью пачку и, когда подсчитал, как-будто немножко обиделся и забрюзжал:

— И больше нет?

— А разве мало? — спросил Зеест.

— Я думал пятьсот, — спокойно и твердо ответил он.

— Ну, вот что, — сказал ему Зеест, — считайте двести за нами. Через некоторое время вам все равно потребуются деньги, вы мне позвоните, а сейчас просто нет.

— Ну, на нет и суда нет. Я сам прекрасно понимаю, что значит быть без денег...

— Это, кажется, ваше постоянное состояние? — уже несколько нахально сказал Зеест.

— Да, чорт побери! Эти карты все время меня разоряют, — сказал Бутовский и махнул рукой.

— Так, значит, завтра утром можно вывозить книги?

— А почему же завтра? — сказал Бутовский. — А если я ночью умру, вот ваши деньги и пропадут. Что это вы, батенька? Сегодня вывозите... Сейчас же... Зачем терять дорогое время?..

— Но они запечатаны? — сказал Зеест.

— А вам какое дело? Раз я говорю, взрежьте печати, порвите их к чорту и везите, — конечно, без печатей... — деловито добавил он.

И Бутовский, совершенно спокойно посмеиваясь, перевел разговор на другой предмет и, вдруг обращаясь к Зеесту, воскликнул:

— А вы знаете, я влюблен, влюблен, как мальчишка. Играл в карты, против меня сидела партнерша, посмотрел: батюшки мои! — Глаз не могу оторвать... Поймите мое положение! И вот теперь я должен и на карты тратиться — без карт жить не могу — и, конечно, на нее...

— Стало быть нужно еще! — догадался Зеест.

— Вот вы прямо в цель бьете, — одобрительно и как-то любовно сказал Бутовский. — Вы там посмотрите у ваших друзей, нет ли каких-нибудь заковыристых обстоятельств? Знаете, я с удовольствием помогу им... Всем помогу... Анархистам, социалистам-революционерам, социалдемократам... Кому хотите... Для меня все одинаковы... Ведь я и сам сочувствую, ужасно сочувствую, — сказал он, точно почувствовав весь ужас, всю грубость и гнусность своего положения правой руки градоначальника при этой откровенной беседе.

— Таких дел сколько хотите, — сказал Зеест, — вам вашу даму прокормят и оденут, и вы ей и перчатки и чулочки еще купите. Завтра же к вам придут...

— Вот и отлично, — гоготал Бутовский, потирая руки.

Я понял, что нам больше делать нечего и что Бутовский совершенно прав, что действительно надо вывозить книги сейчас же.

— Надо ехать, как бы у нас там не разошлись, — сказал я Зеесту.

— Да зачем же ехать? — сказал Бутовский. — Позвоните! Вот телефон... Позвоните по телефону, — настойчиво повторил он, видя мою нерешительность, — и сделайте нужное распоряжение...

Я этого никак не ожидал, что мне придется говорить по телефону старшего инспектора по делам печати, правой руки градоначальника, и делать при нем же распоряжение вывозить конфискованную и опечатанную литературу из той типографии, где только-что был обыск.

Я с сомнением и недоверием взялся за телефонную трубку, вызвал наш номер, позвал Мирона и сделал ему категорическое распоряжение, что нужно делать.

— Вывозить? Но они же опечатаны? — воскликнул он.

— Режьте печати, — говорил я ему, — все до экземпляра вывозите, — повторил я ему еще раз. — Если типограф будет смущаться, скажите, что это не его дело.

— Он будет рад! — кричал мне Мирон, — он страшно боится!..

— Тем лучше, — ответил я Мирону.

— Что, не решается? — ухмыляясь сказал Бутовский. — Да, батенька, бывают же в жизни обстоятельства! Ей-богу, интересно! А? Сидим мы, пьем коньячок и какие дела делаем! И вы, революционеры, даете распоряжение из кабинета такой важной

петербургской шишки, — говорил Бутовский, как-будто бы начиная хмелеть, так как большой, изящный графин баккара почти-что совершенно сделался пустым, а весь коньяк перешел в веселую и циничную душу одного из старших чиновников петербургского градоначальника.

Когда я сделал все распоряжения, мы поднялись. Бутовский тоже встал и обратился к Зеесту:

— Так пожалуйста не забудьте то, что вы обещали. Мне очень нужны деньги. А она! Ну, какая она прелесть! Все можно за нее отдать...

— И он, переминаясь с ноги на ногу и немного пошатываясь, проводил нас до передней, где мы быстро оделись и ушли.

Только на улице я дал себе отчет во всем том, что происходило.

— Ловко! — сказал Зеест. — Знаете, я не ожидал этого. Он сегодня в большом ударе, очевидно, эта дама на него действует благотворно. Надо этим воспользоваться и хорошенечко освободить Петербург от конфискованной литературы.

И вот этот самый Бутовский, который получал и от нас, и от эсэров, и с типографии „Дело", и из других наших и иных революционных предприятий, в общей сложности, довольно значительное количество денег, влетел сюда к нам на обыск во „Вперед", разъяренный и рассвирепевший. Мне почувствовалось, что он лично задет этим обыском, что у него вырывают кусок из горла и что он готов всемерно защищать то место, откуда он получает, если не регулярно, то время от времени приличное вознаграждение.

Когда он вошел, все встали.

— Инспектор Любимов, почему производится здесь обыск? — громко сказал он, никому не подавая руки. — И, как я слышу, так давно, и я об этом не имею никаких сведений?

— Господин Статковский не приказали об этом вам сообщать.

— Какое мне дело до Статковского? Вы должны знать свое начальство и за неисполнение того, что на вас возложено, вы должны будете отвечать... — резко оборвал он своего подчиненного.

Наступила тишина, и Бутовский прошел дальше в склад.

— Вы являетесь высшим представителем градоначальства в Петербурге в надсмотре над издательствами, — сказал я подходя к нему, — ваша инспекция нередко нас посещает и, несмотря на это, посмотрите, какому разгрому мы подвергались?

— А где же книги? — спросил Бутовский, видя оголенные стены, которые зияли пастями пустых полок.

— Все сошвырнули и вон сбросили туда...

Я остановился. Перед нами, в отдалении большого зала, оканчивавшегося аркой, виднелась громадная гора книг, которая восходила своим задним очертанием почти до потолка.

— Это что такое? — сказал Бутовский.

— Это результат обыска, — ответил я ему.

— Да ведь это же чорт знает что такое! Кто же производит так обыск? Господин Любимов, вы здесь присутствовали?

Тот покраснел и не знал, что говорить.

— Это Статковский распорядился именно так делать...

— Статковский? — Хорошо! — сказал Бутовский. — Какое безобразие! — процедил он сквозь зубы и, грозно поговорив еще, намереваясь уйти, незаметно шепнул мне:

— Пойдемте со мной!

— Сейчас мне здесь делать нечего. Я отзову Любимова. Пускай охранное отделение пока кончает свое дело, — сказал он, на секунду задержавшись в полутемном коридоре.

— Господин инспектор, вы поедете со мной! — крикнул он, сделав шаг назад к кабинету.

— Но как же протокол? — спросил жандармский ротмистр.

— Статковский здесь произвел обыск, пускай его служащие и подпишут. Нам здесь делать нечего, — резко ответил Бутовский. — Инспекция по делам печати не была уведомлена об этом обыске, и я об этом немедленно доложу градоначальнику.

Он круто повернулся. Любимов петушком-петушком бросился за ним, надевая на ходу пальто, и они уехали.

— Ну и молодчага! — сказал наш пристав, прекрасно, очевидно, понимая Бутовского, такого же взяточника, как и он сам.

— Как себя держит! Орел! Не даром так его ценит его высокопревосходительство! — громко сказал он.

Это был уже намек на самого градоначальника.

XXIV

Появление Бутовского произвело окончательный перелом в обыске. Охранники и жандармы перестали больше рыскать по помещению, оставив целый ряд углов, окон и даже шкапов неосмотренными, а помощник пристава засел писать длиннейший протокол.

Был уже двенадцатый час ночи.

— Служащие очень устали и, может быть, можно им уйти, — спросил я, не обращаясь ни к кому определенно.

— Отчего же? Они нам больше не нужны. Вот вы и Павел Павлович Ногин, как ответственные лица, останьтесь. Надо подписать протокол, — сказал жандармский ротмистр, переглянувшись с другим своим товарищем по службе.

Я понял, что они, вероятно, хотят нас арестовать.

— Могу ли я позвонить домой? — спросил я их.

— Конечно, можете, — ответил помощник пристава, — ведь ваша жена здесь была, и она знает, что здесь производится обыск.

Этого обстоятельства я не знал, что Вера Михайловна тоже заходила на обыск. Я тотчас же позвонил домой, сказал, что обыск заканчивается, что служащих уже отпустили, составляется протокол и что, может быть, я тоже скоро буду дома, при чем слова — „может быть" подчеркнул с такой интонацией, что Вера Михайловна мне ответила:

— Ты, вероятно, будешь арестован?

— Да, — сказал я ей в ответ.

— У нас еще обыска не было, — говорила она мне в телефон, — но я готовлюсь...

— Поцелуй Леленьку! — сказал я ей на прощанье и повесил трубку.

Часть служащих ушла. Некоторые не хотели уходить, желая дождаться конца обыска. И вот, когда все было готово и мы стали читать протокол, чтобы его подписать и, наконец, подписали, я спросил у ротмистра:

— Можно теперь уходить?

— Сейчас узнаю, — сказал он и позвонил куда-то по телефону.

— Нет ли у вас каких-нибудь крупных знакомых в Петербурге, вам бы позвонить, чтобы взяли вас на поруки? — сказал мне полушопотом наш пристав.

Но я решил этого не делать, чтобы никого не замешивать.

Через несколько минут толстенький, приземистого роста ротмистр подходил к нам, идя от телефона. И пристав, и помощник пристава, и другие жандармские ротмистры, и все сыщики пристально смотрели ему в глаза. Я видел, как он дважды опустил веки, как бы дважды моргнув, и я понял, что это условный знак, что двое арестованы. Конечно, это должны были быть я и Павел Павлович Ногин.

Ротмистр подошел к столу, сначала облокотился, потом вытянулся по-военному и, обращаясь ко мне сказал:

— Господин Бонч-Бруевич, по распоряжению начальника охранного отделения вы арестованы. С вами арестовывается Павел Павлович Ногин.

Наступила тишина. Ротмистр стал писать ордера об аресте.

— Доставьте их в Выборгскую тюрьму [1], — обратился к приставу жандармский офицер, быстро закончив всю процедуру.

Мы крепко пожали руки всем служащим, я расцеловался с Михаилом Степановичем Ольминским, пожал руку Павлу Павловичу Ногину, все спешно оделись и вышли из помещения нашего книгоиздательства и склада, где так много и так хорошо поработали мы во благо нашей Партии.

Я просил служащих остаться и посмотреть, как запечатают книжный склад.

— Двух извозчиков! — кричал в воротах околоточный надзиратель.

Извозчики въехали во двор. Нас усадили порознь, и с каждым из нас сел околоточный надзиратель, и мы тронулись.

Я еще раз оглянулся на товарищей, на наш „Вперед", и лошади выехали со двора.

Минут через двадцать мы подъехали к тюрьме. Часовой позвонил. Ворота открылись. Мы вошли под высокую арку ворот, и они снова крепко-накрепко закрылись. Тяжело и визгливо лязгнул замок. Несколько десятков шагов прошли мы по мощеному двору, и мы в конторе. Околоточные передали бумаги нас сопровождающие. Мы заполнили маленькую анкету.

— Идите спать, теперь уже два часа ночи, — сказал нам дежурный офицер. — Завтра все оформим.

И тут же передал нас от околотков к старшему вахмистру, который вывел нас из конторы в коридор, крикнул номера наших камер и мы — я налево, Павел Павлович направо — стали подниматься по ажурным легким внутренним железным лестницам тюрьмы.

Тюрьма спала. Кое-где светился огонек электрических лампочек, и иногда слышались шаги внутренней стражи, вскрикивания в камерах и особый тихий, жуткий, неведомый ночной шорох. Вот опять зазвенели ключи, звякнул замок, открылся шурша тяжелый засов, скрипнули двери, и я — в одиночной камере. Скрипуче закрылась

---

[1] Так официально называлась тюрьма на Выборгской стороне в Петербурге, обыкновенно носившая наименование „Кресты".

дверь, резко лязгнул засов, звякнул замок, зазвенели певуче ключи, и я понял, что я заперт.

Я бросился не раздеваясь на узкую койку, приделанную здесь же к стене, задумался, мгновенно вспомнил прошедший день, сделал напряжение воли и сказал: „Нужно заснуть!“ И вскоре заснул крепким-крепким сном...

Пронзительный звонок утром разбудил меня, и я вскочил, как ужаленный. На дворе было серо. Предутренние сумерки проникали в маленькое, тусклое, решетчатое окошко. Тюрьма оживала. Уголовные выносили „параши“. Взошли и ко мне, взяли что нужно и ушли. Вскоре раздалось пение утренней молитвы и еще через минуту хлопнула крышка особого отверстия в дверях камеры — мне сунули кусок черного хлеба и кружку кипятку.

— Кипяток! Кипяток! — слышались повсюду возгласы.

Так наступил первый мой тюремный день в „свободной, конституционной, думской России“.

XXV

Недели две сидел я в тюрьме, не получая никаких сведений с воли, не имея свиданий и даже не зная, за кем я числюсь. Я запросил тюремное начальство, в чьем ведении я нахожусь. Мне ответили, что в ведении охранного отделения. Я прекрасно понимал, что это — самая худшая из комбинаций, которая могла быть в отношении моего ареста, ибо охранники будут рассматривать наше дело не с точки зрения статей закона, тех или иных материалов, которые они захватили на обыске, а по своему собственному административному охранному усмотрению и совершенно очевидно, что нас они вышлют и угонят туда, куда „Макар телят не гонял". Но я знал, что на воле осталась моя жена Вера Михайловна Величкина, очень деятельный, умный и тонко-сообразительный человек, не новичок в делах конспирации. Я знал, что она несомненно примет все меры, чтобы вырвать меня из цепких лап охранного отделения. В скором времени мне передали ее письмо, в котором она писала о семейных делах и вместе с тем давала понять, что приняла многие меры по нашему делу. Она в письме упоминала Академию наук, тем самым как бы давая мне намек, что мне следует снестись с этим учреждением, в котором я постоянно работал по моим этнографическим исследованиям. Я написал письмо Алексею Александровичу Шахматову, директору рукописного отделения Академии наук, сообщая ему, что мои работы прерваны столь неожиданным арестом.

Сидеть было не плохо. Дня через два-три я получил первую вещевую и продуктовую передачу и мог устроиться довольно хозяйственно в своей камере, которую чисто-начисто вымыл, вытер, подмел и навел самый тщательный санитарный порядок. Выписав довольно много книг по каталогу из обширной библиотеки, я получил некоторые из тех, которые хотелось прочесть, засел за чтение и изучение тех из них, до которых на воле мне не удавалось дотронуться, ибо партийно-политические дела так закручивали мою жизнь, что положительно не хватало времени не только читать литературу, которую хотелось читать, но даже просматривать как следует всю ту периодическую злободневную печать и наши партийные издания, которые знать было абсолютно необходимо.

С удовольствием читал я здесь Лескова. Его огромнейший талант, образность, художественность, народность языка, всегда интересная фабула, несмотря на некоторый пересол в характеристиках отдельных лиц и неправильные политические оценки событий своего времени, когда он впадал в явную реакционность, захватывал меня. Чтение его книг сильно сокращало время, и я уходил в изучение быта и нравов тех уже далеких от нас времен и наслаждался великолепным русским языком и множеством художественных образов, разбросанных в „Соборянах", в „Мелочах архиерейской жизни", в „Запечатленном ангеле" и в других его произведениях, и мне легче было сидеть в тюрьме. Я сейчас же, как только мне передали с воли толстую чистую тетрадь, принялся за литературную работу. Писал, вырабатывал планы статей, рассказов, и мысль моя витала повсюду, прорывая тюремные своды, легко и просто взламывая тюремные решетки.

Однажды и меня вызвали на свидание. Спустившись вниз из камеры, я нашел там Веру Михайловну и жандармского капитана, который сидел при свидании, то ли делая вид, что он устал, то ли дремал или хотел, прикинувшись, посмотреть, проследить, не передадут ли что мне, или хотел он подслушать наши разговоры, которые невольно делались смелей. Во всяком случае мы довольно спокойно и свободно разговаривали. Вера Михайловна между разговором кинула мне многозначительные слова: „Я думаю, ваше дело будет разбираться судебными властями". Этого было мне достаточно, чтобы понять, куда направлено острие всех хлопот.

Меня еще не вызывали в охранное отделение, и я ждал, что вот-вот будет допрос, а допроса все не было и не было.

Однажды отворилась дверка в мою камеру, и дежурный солдат выкрикнул: „Одеваться к следователю!" Я быстро оделся. В это время звякнули двери. Из нескольких камер вышли арестованные, и нас повели вниз, в контору. В конторе нас сдали старшему унтерофицеру. Здесь был я, Павел Павлович Ногин и несколько уголовных. В ех нас посадили в карету и отвезли в дом предварительного заключения, который находился на Шпалерной улице. Здесь нас ввели в большую комнату, где сидели несколько подследственных уголовных, и мы все дожидались отправки в Окружной суд или в охранку — больше было некуда.

„Но зачем с нами уголовные", — беспокойно думал я. — „В охранку их не берут... Неужели к судебному следователю? — вспыхивала догадка. — Нет, не может быть... Вероятно, разделят"...

И это недоумение и терзало, и мучило, и давало надежду...

Худой и юркий уголовный, сидевший рядом со мной, часто вскакивавший и подергивавшийся, вдруг впился в меня глазами и сказал:

— Все напраслина! Сижу и сам не знаю, за что. Господин хороший, посочувствуйте! Что же это в самом деле делается? У меня жена. Я уехал по делу, приезжаю, а жены нет дома. Говорят, уехала... Ну, куда ей уехать? Посудите сами... Я, конечно, сейчас же догадался: это она с Петькой гуляет и сейчас же за ними в трактир.

Там никого нет. Туды-сюды — нигде нет. Приезжаю домой, а она дома. Встречает ласково. Я на нее кричать: „Ты где, гадюка, была?“ Она говорит: „У соседки“. „Знаю я, какие у тебя соседки!“ — и прямо трах ее в нос. У нее кровь пошла. Завопила, к соседям бросилась. Я за ней, а потом от нее, сразу вдруг испугался, и жутко сделалось мне. Вышел на улицу. Только в переулок завернул, а тут Петька и ждет. Не стерпел я... Не говоря худого слова, прямо ножом его под бок в печенку „раз“ и подколол. Зашатался он, на меня хотел броситься. Я посторонился, он так и хряснулся. Я бежать от него, потом уж услышал, подобрали его, увезли в больницу, он там поболел-поболел, да и помер. А я притаился, сижу дома. Смиренный такой стал... Жена не смотрит на меня... Словно чужие люди. Только вот приходит ко мне полиция и спрашивает: „Ты, — говорят, — убил Петра Васильевича Емельянова“. А я божиться, клясться: „Никого я не убивал!“ А она, гадюка, вскочила и кричит: „Все скажу, все скажу! Врешь, ты убил его и меня бил, изверг треклятый! И его зарезал!“ Меня схватили, арестовали и вот теперь таскают по судам, все допрашивают: я ли убил? „Конечно, говорю, я не убивал, а сердце у меня разгорелось, вот и ударил, а он сам помер“. Непонятливый народ, не понимают, что я его не убивал...

И долго, долго говорил он мне о том, что он его не убивал и что его противник сам умер.

Он замолчал, сел, задумался, а потом вскочил, подошел ко мне вплотную и почти закричал:

— А я ее, сукину дочь... и — он отвратительно выругался — как только буду на воле, где ни найду, все равно... Вот если по мосту будет итти, сейчас же под бок и через перила в воду, а сам остановлюсь, обопрусь о перила и буду смотреть, как она там кувыркается и захлебывается, и кричит, и просит, и молит спасти ее, а я ей закричу: „Нет, гадюка, и на тебя пришла управа! Тони, тони, проклятая... Вот так, хлебнула воды... Что? Кричишь? Руками болтаешь, хватаешься! Ха-ха-ха!.. Еще хлебнула... Что зенки-то выпучила?.. Окунулась... Рука торчит... Сжимается... Пузыри, пузыри пошли!.. Отлично... Еще нырнула... Ах, кабы ее в морду долбонуть... Вот так, с наскоку... Под подбородок... Что? Больно... Тонешь... Не кричишь?.. Отлично... Очень хорошо... Нету? Упокой, господи, рабу твою“. — И он набожно перекрестился, обводя всех сумасшедшими глазами.

И он долго, долго трясся, топтался на одном месте, и точно смотрел туда в воду, где она — его жена — тонет, и любовался и наслаждался ее мучениями. Глаза его блестели, как серные спички, и сам он был желтовато-бледный, худой и страшный.

— Стройся! — закричал старший.

Мы все встали и вытянулись один за другим. Между нами воткнулись конвойные, отделяя одного от другого арестованного, и обнажили шашки.

— Так что итти не разговаривать! За ними смотри лучше,— обратился старший унтер-офицер к конвойному, показывая толстым пальцем на нас, политических, и протянул:

— М-а-арш!

И мы все пошли. Долго шли коридорами, подземельем, заходили в закоулки, почти совершенно темные туннели. Так шли мы из дома предварительного заключения прямым, сокращенным подземным ходом в здание Окружного суда и, наконец, вышли на площадку. И было радостно видеть свет в этих длинных коридорах, где творилось „правосудие" самодержавной царской думской России.

Нас повели дальше по коридорам и стали разводить по камерам следователей, а солдаты с обнаженными шашками оставались на часах у дверей камер. Мы, политические, шли в конце. Вот мы повернули в какой-то коридор, и я здесь на скамеечке увидел сидящую Веру Михайловну, нашу няню—Ульяну Александровну Воробьеву, державшую на руках мою маленькую дочку Лелю, которой было около двух лет.

— Смотри,—прошептала няня,—папу ведут!

Леленька вонзились в меня маленькими острыми, недоумевающими глазками, и я видел, что на нее производят большое впечатление солдаты с шашками наголо. Няня побледнела, встала, вытянула шею и изумленно смотрела на меня, и я думал, что она вот-вот заплачет.

— Чего ты?—обратилась к ней Вера Михайловна,—ведь это здесь порядок такой.

— А зачем они его под шашками ведут, нешто он разбойник какой или убийца? „Не своротят!"—проговорила она свое для нас непонятное слово северян Вологодской губернии, которое всегда употребляла, когда хотела кого-нибудь унизить, выругать или высказать ему негодование. Что значит это слово, я и до сих пор не знаю, но знаю, что тотемские северяне часто его употребляют.

Мы остановились у тех дверей камеры, на которой было написано: „Следователь по особо важным делам, Павел Александрович Александров". Старший унтер-офицер огляделся, подтянулся и вошел в камеру, затворив за собой дверь. Мы услышали какой-то разговор, камера отворилась, и старший отрывисто сказал:

— Марш!

Конвойный ввел меня к следователю.

Александров — среднего роста, черненький, с маленькими усиками в чуть загнутую кверху стрелку, бритый, с большим лбом, обрамленным зачесанными волосами,—встал, пристально взглянул на меня черными, упругими, упорно всматривающимися глазами, улыбнулся и сказал:

— Пожалуйста, присядьте вон там на скамейке, я сейчас освобожусь.—А вы можете итти,—обратился он к конвойному,—подследственный останется со мною.

Старший сунул ему тетрадку, где он, очевидно, расписался в принятии меня на свое попечение.

Я сидел около окна на скамейке и думал, что вот начинается новая страница в нашем деле. В это время приотворилась дверь, и в нее глянула головка моей дочки, потом дверь скрипнула, и Леленька маленькими бегущими шашками быстро-быстро затопотала по камере следователя, направляясь со всех ног ко мне. Александров засуетился, приподнялся, хотел что-то сказать. Я чувствовал, что по обряду следствия это нельзя. Но что можно было взять с двухлетнего ребенка? Она в это время была уже у меня на коленях, обнимала и говорила мне всякие детские ласковые слова. Я стал ее расспрашивать о том, как она живет, стал делать „козу" пальцами, которая хочет забодать ее, так как видел, что она очень взволнована и, несмотря на свою радость, того и гляди, заплачет. Я забыл о том, что мы в камере следователя, и очень хорошо и увлекательно играл с ней в разные штуки.

Леленька стала смеяться. Звонкий ее смех так не гармонировал со следственной камерой, что Александров каждый раз приподнимался и сам стал улыбаться.

— Ну и веселая же у вас дочурка!—сказал он мне, насколько возможно нежным голосом.

— Вы извините.—ответил я ему,—что мы нарушили ваш покой и ваши правила, но что же мне с ней делать?

— Ничего, ничего,—заторопился ответом Александров,—она нам не помешает ..

Через некоторое время, окончив допрашивать уголовного и отправив его с конвойным, сказал он мне:—Я должен приступить к следствию!

Я еще и еще раз поцеловал Леленьку и ее маленькие лапки, тихонько подвел ее к двери, и она спокойно вышла.

Я сел перед Александровым.

— Ваше дело передано мне,—сказал следователь по особо важным делам.—Оно было в руках охранного отделения. Прокурор судебной палаты Камышанский приказал мне затребовать это дело, взять его в свои руки и в самом экстренном порядке произвести следствие, что я исполняю и приступаю к делу.

Александров стал задавать мне вопросы, на которые я ему отвечал, и тут же я заметил, что он не вникает в суть дела, и на многие вопросы, которые мне ставит, сам же начинает на них отвечать весьма благоприятно для меня.

— Скажите, пожалуйста, что это они тут нагородили, что у вас весь склад, который, как я понимаю, занимался полезной, культурно-просветительной работой, будто бы заполнен конфискованной литературой?

— Да, это изумительно!—ответил я ему.—Я там же на обыске говорил Статковскому, жандармским ротмистрам и всем другим, что ведь это же все сочинено! Ведь те книги, которые они считают конфискованными, или вовсе не конфискованы, а им просто не нра-

вятся их заглавия, или потому, что они не любят тех или других авторов, или остались у нас в нескольких экземплярах на сохранении, так как они конфискованы только недавно и совершенно свободно раньше продавались во всех магазинах.

— Так, так,—протянул Александров,—а вы конфискованной литературой не торговали?

— Никогда. Это видно из протокола жандармского ротмистра, который в течение почти пяти часов просматривал конторские и копировальные книги у нас в конторе, вместе со старшим бухгалтером—Павлом Павловичем Ногиным—и лично при мне заявил Статковскому, что не нашел ни одной продажи конфискованных книг. А вы понимаете, господин следователь, что в коммерческом деле, совершенно правильно и точно поставленном, каждая продажа отливается в соответствующем счете, на основании которого мы и получаем деньги с покупателей.

Я прекрасно знал, что в нашем складе много было конфискованных книг, и сам еще не предполагал, как мне удастся в будущем от них избавиться, но все-таки счел нужным здесь не признаваться ни в чем. Это наша старая тактика большевиков на допросах: или не давать никаких показаний, или отрицать все, в чем обвиняют, как бы это отрицание на первый взгляд ни казалось нелепым; и я наверное знал, что эта тактика приведет к добру.

Окончив мой допрос через два с половиной часа, П. А. Александров сказал мне:

— Изумительное дело! Как любит раздувать наше охранное отделение подобные дела, придавая им какую-то революционную окраску. Мне трудно сказать, чем оно кончится, но во всяком случае я сейчас не могу предъявить вам никакой статьи обвинения, ибо не вижу его, о чем и буду докладывать непосредственно прокурору судебной палаты, и о результате вы, конечно, узнаете вскоре.

Я сказал Александрову, что мне самому очень удивительно, за что я сижу уже три недели в тюрьме и что мне хотелось бы, чтобы меня выпустили на поруки или под залог и что я убежден, что целый ряд лиц, вполне известных администрации в Петербурге, как, например, директор рукописного отделения Академии наук—академик Алексей Александрович Шахматов или другие, ему подобные лица, охотно возьмут меня на поруки.

— Ничего-с сейчас сказать не могу,—ответил мне Александров,—во всяком случае, ваше заявление приму к сведению и не вижу в нем ничего преждевременного или противоестественного. Сидеть вам в тюрьме, человеку, занимающемуся наукой, за такую неизвестную провинность, конечно, очень досадно, и трудно и больно. Честь имею кланяться!

Он позвонил, вошел конвойный и меня тем же порядком отправили в тюрьму. Тут, в коридоре, я опять увидел Веру Михайловну, няню и Лелю, которая все время прикладывала свои ручки к плечу, подражая солдатам, держащим сабли наголо.

XXVI

В тюрьме я ясно понял, что мое дело на мази, что, очевидно, Вера Михайловна нашла возможность вырвать дело из рук охранного отделения, а это—самое важное.

Ночью ко мне постучали и в то же время сразу осветили камеру. Я нервно вскочил от неожиданности и сильно ударился лбом о железный крюк, на который запиралась у уголовных на день кровать. Дежурный надзиратель передал мне записку. Она была от Ногина. Он изумлялся, что нас допрашивает следователь, что это какое-то чудо, что он ничего не признал и заявил, что не знает за собой никаких преступлений и что протестует, зачем его арестовали. Я понял из этой записки, что у нас разногласий с Павлом Павловичем в показаниях нет и очень обрадовался этому, так как раньше не мог с ним сговориться, ибо его, как оказалось, на другой день после ареста перевели в соседний корпус тюрьмы, и вот только теперь, в первый раз, нам удалось снестись. Я написал ему краткую записку, из которой он мог бы понять, как я держусь на допросе, и просил его продолжать свои показания в том же духе.

Тюремщик принял от меня записку, резко, быстро повернулся и четкими, быстрыми шагами ушел.

В эту ночь я долго не мог заснуть. Мне вспомнились воля, мои товарищи, моя семья. Промелькнули злобный и отвратительный Статковский, обыск, жандармы.

Через некоторое время меня вновь вызвали на допрос, и Александров заявил мне:

— У меня только-что был лейб-медик Александр Викторович Тимофеев, известный психиатр. Пришел и, знаете ли, почти-что накричал на меня: „Что это вы делаете,—сказал он мне,—держите Владимира Дмитриевича Бонч-Бруевича в тюрьме за то, что он распространял хорошие книги и делал такое прекрасное, культурное и полезное дело, отнимал у себя последнее время, которое ему так нужно для его научно-исследовательской работы?“ Я объяснил, конечно, ему (ведь знаете, он — его „высокопревосходительство“—многозначительно сказал Александров полушопотом), что вы были за охранным отделением, что я вас уже допросил и что дело

зависит не так от меня, как от прокурора судебной палаты Камышанского.

— От Камышанского?—переспросил меня Тимофеев.—Да, я сейчас к нему пойду. А что мне нужно делать? Взять на поруки? Так возьму... Сейчас возьму... И отлично... — И так решительно, и так скоро... Удивительный человек,—несколько укоризненно закончил Александров.

И действительно, А. В. Тимофеев пошел к Камышанскому, которого он прекрасно знал и у которого он, как оказалось после, лечил жену от неврастении и тем, очевидно, спасал этого вылощенного судебного деятеля и любимца великосветских дам от домашних неприятностей, и тот, повидавшись с ним,—как рассказывал мне сам Тимофеев,—сказал ему, что это все штуки охранного отделения, с которым он пытается бороться, и что он сделает распоряжение выпустить меня на его поруки. Очевидно, Александров это знал и допросил меня в этот раз очень поверхностно.

— Я полагаю, вы совсем через несколько дней будете свободны,— сказал он мне.

Я опять ушел к себе в тюрьму, не очень придавая значение словам следователя. Эти дни тянулись долго, нудно, скверно. Лучше бы не говорил мне Александров, что скоро я буду на свободе! Когда сидишь и не знаешь, что с тобой будет, как-то легче, а вот тут: повеяло свободой, а ее все нет и нет, щемит сердце, и волнуешься, и вскакиваешь ночью и переживаешь тяжелые, неприятные сны. И вот однажды, когда прошла вечерняя поверка и молитва, когда я довольно много начитался и уже хотел лечь спать, как вдруг ко мне постучали и заявили:

— Собирайтесь, вы освобождены!

„Одиннадцатый час,—подумал я,—поздно, куда поедешь?"

— Может быть, до завтрашнего утра можно остаться?—спросил я старшего.

— Что вы?—ответил он мне.—Раз освобождены, так сейчас же надо уходить.

— Да куда же я пойду? Как мне быть с вещами?—Здесь и извозчика не найдешь.

— Ничего-с, вот он вам вынесет,—показал он на младшего дежурного.—Он и извозчика найдет.

Я понял, что надзирателю надо будет дать на чай, и дело будет сделано. Я быстро стал сдавать казенные книги из библиотеки. Вещи завязал в свой чемоданчик, который мне прислали с воли, завернул подушку в одеяло, а затем и все остальное. Всю провизию, которая осталась у меня от передачи, отдал надзирателям, за что они были очень благодарны, распрощался с ними и пошел в контору. Там мне объявили, что я освобождаюсь. Дали подписать бумаги, спросили, не имею ли я каких претензий, и, наконец, я двинулся во двор.

Тюрьма еще светилась огнями. Там многие-многие оставались сидеть за решетками. Среди них были и те, которые были особо

близки моему сердцу и которых я иногда только видел, гуляя по кругу, слышал по перестукиванию или чувствовал, как они проходили вот здесь за дверью, мимо моего „глазка“ [1] по коридору.

Все ближе и ближе подходили мы к воротам. Дежурный солдат спросил пропуск. Шедший со мной тюремный надзиратель передал ему пропуск на меня и на вещи. Тяжело повернулся ключ от огромного тюремного замка, тяжело отворилась железная, скрипучая калитка, и я перешагнул порог и очутился за стенами тюрьмы, на воле. Было темно и жутко, пустынно и тихо, только где-то в отдалении мелькали фонари да синеющее небо искрилось зимними яркими звездами. Вокруг все белело от плотного зимнего снега, слегка скованного морозом. Было тихо. Ни прохожего, ни проезжего. Я посмотрел еще раз на тюрьму, на окрестности, и меня потянуло вдаль, и мне припомнилось:

Спит природа сном прекрасным
Даль струится в лунной мгле,
Бриллианты в небе ясном,
Бриллианты на земле...

Давно я слышал этот экспромт поэта А. М. Федорова, теперь, в наши дни, исчезнувшего с горизонта русской литературы. И эти стихи, вот сейчас, в этой тишине глубокой окраины города, мне, только-что вышедшему на волю, вдруг ярко припомнились, когда я впервые взглянул в глубину небес и окинул взором эти бесконечные пелены ярко блестевшего похрустывавшего снега.

И мне отрадно было вдыхать полной грудью свежий ночной воздух прекрасной мягкой, но ветреной петербургской зимы и так хотелось скорее-скорее уйти от этих угрюмых стен тюремного мешка.

Я стоял с вещами и дожидался извозчика. Минуты тянулись непривычно долго. Ветер пронзительно выл, распахивал пальто и зябко залезал всюду, холодя мне и руки, и ноги, и грудь.

Вот подъехал неказистый пригородный извозчик. С него соскочил мой тюремный страж, которому я дал на чай. Уложив вещи на санки извозчика и отдав чемодан ему на облучок, сел я и сам.

— Счастливо оставаться!—громко сказал тюремщик. За ним заскрипела калитка, и он скрылся в тюремном дворе. Я поехал домой на Пески. В двенадцатом часу позвонил я к себе в квартиру. Меня не ждали и были очень изумлены, увидев одного с вещами. Мы долго сидели в эту ночь и тихонько разговаривали, а наша няня, облокотившись на правую руку, испуганно посматривала на меня, из всех сил вслушиваясь в нашу беседу, время от времени отряхивая набегавшую слезу... Ей было больно и неприятно все это слушать. Но она чувствовала своим простым сердцем вечно унижаемой крестьянки-беднячки, что то, что сделали со мной жан-

[1] В дверях камер везде сделан „глазок“, отверстие, в которое дежурные надзиратели подглядывали за арестованными.

дармы,— это подло, и здесь, может быть, впервые за все свое существование она была затронута прикосновением политической жизни.

Тут я узнал от Веры Михайловны, что она, посоветовавшись с присяжным поверенным, нашим товарищем Г. С. Турутиным, который всегда в то время наблюдал за нашими социалдемократическими делами, решила прямо пойти к Камышанскому, была им принята и заявила ему, что охранное отделение сочинило все это дело совершенно неправильно и неверно. Она сообщила ему, что когда она сказала в охранном отделении, что пойдет жаловаться на неправосудие ему, Камышанскому, как прокурору судебной палаты, который надзирает за всеми политическими делами, то чиновник охранного отделения дерзко сказал ей: „Плевать мне на вашего Камышанского! Что мы хотим, то и делаем!"

— Как? Вам так и сказали? — вспылил, вскочив с кресла этот гордый, честолюбивый петербургский чиновник.

— Да, так и сказал, при чем, не думайте пожалуйста, — прибавила Вера Михайловна, — что я что-нибудь сочиняю, это — истинная правда. Вот до какого издевательства над судебными учреждениями и властями дошли эти охранники, не признающие никакого закона...

— Камышанский то багровел, то бледнел, как смерть. Он, как тигр в клетке, заходил по своему кабинету, — рассказывала мне Вера Михайловна, — очевидно, обдумывая все эти обстоятельства.

— Нет, этого допустить нельзя, с ними надо бороться, — как бы сам про себя сказал Камышанский, очевидно, взвешивая все про и контра и еще не зная, как ему быть и как поступить.

— Как с ними вам бороться, когда они вас ни во что не считают? — ответила спокойно и просто Вера Михайловна. — Ведь это же ужасно, что эти люди могут так себя вести по отношению к судебным властям.

— Это ужасно, — повторил Камышанский, точно подхватывая последние слова Веры Михайловны. — Так что же вы хотите? — спросил он вдруг у Веры Михайловны, подходя к ней вплотную.

— Да я и сама не знаю... Мне кажется, — ответила она, — самое было бы лучшее, если бы дело Владимира Дмитриевича было передано судебным властям, которым и он и я совершенно доверяем, и мы знаем наверное, что судебные органы разберут это дело так, как оно есть; не будут его ни преувеличивать, ни преуменьшать.

Камышанский был чрезвычайно польщен этим контрастным отношением к вверенным им учреждениям, которое дипломатично высказала ему Вера Михайловна. Она была прекрасным психологом и очень хорошо знала, как можно будет взять в руки этого честолюбивого петербургского судебного деятеля.

— Так что же? — Это можно, и это правильно, — как бы оправдываясь сам перед собой, сказал Камышинский. — Конечно, это не политическое дело, которое требует особенного вмешательства охранного отделения, это самое обыкновенное дело, и оно должно

находиться в руках судебной власти, — сказал он, словно уговаривая самого себя. И он позвонил.

К нему вошел старший секретарь в форменном сюртуке, застегнутом на все пуговицы, вытянулся в струнку, весь обратившись в слух.

— Вот это дело, дело книжного магазина „Вперед", — бросил Камышанский, — которое числится за охранным отделением и по которому обвиняется Бонч-Бруевич Владимир и Ногин Павел, — должно быть сейчас же немедленно перечислено за судебными властями и передано следователю по особо важным делам, Павлу Александровичу Александрову, да скажите ему, что я хочу результаты следствия знать как можно скорей. Следствие вести самым ускоренным темпом.

Старший секретарь, очевидно, знал своего надменного начальника, чувствовал, что он сейчас в гневе, не сказал ему ни одного слова, лишь только немножко наклонился и тем как бы подчеркнул, что он все понимает, что нужно сделать и что все то, что он говорит — это самое лучшее, что можно сказать, что это и есть сама истина. Он быстро повернулся и мягкими, бесшумными шагами вышел из кабинета. А Камышанский продолжал очень мило и любезно разговаривать с Верой Михайловной.

— Через несколько минут, — как рассказывала Вера Михайловна, — тот же секретарь вошел в кабинет и на большом бювэре, наполненном толстыми листами промокательной бумаги, переплетенной в книгу, преподнес с благоговением Камышанскому на подпись готовое отношение. Тот быстро просмотрел его, поставил две запятые и одним взмахом подписал его.

— Немедленно отправьте к следователю по особо важным делам. Да не забудьте устно передать ему мое распоряжение...

— Будьте уверены, — обратился он к Вере Михайловне, — следствие пойдет самым скорым образом. — А вас прошу за ним смотреть и мне докладывать, — более мягко бросил он в сторону безмолвного старшего секретаря, который так же спокойно, чуть-чуть наклонился, так же быстро повернулся и такими же бесшумными, все ускоряющимися шагами, вышел из кабинета.

— Если что вам будет нужно, прошу пожалуйста приходите ко мне на прием, — сказал он Вере Михайловне и очень учтиво проводил ее до двери.

Вера Михайловна говорила мне, что она не чуяла ног, когда вышла из кабинета. Она никак не ожидала, что ей удастся так быстро поймать этого честолюбивого петербургского чиновника на том прекрасном противоречии, которое ей удалось создать между представителями судебной власти и охранным отделением, так дерзко позволившим себе, в присутствии ее, отозваться о прокуроре судебной палаты столицы России.

И с этого момента наше дело пошло по тому пути, на котором мы могли искусно продолжать борьбу, все время затягивая и затягивая его и освобождая себя от целого ряда неприятных моментов, грозивших нам большими бедствиями и карами.

XXVII

Вместе со мной, почему-то позже на несколько часов, как я узнал после, был освобожден также и Павел Павлович Ногин. Мы, конечно, сейчас же повидались и стали разрабатывать план дальнейших действий. Нам прежде всего необходимо было придумать такое обстоятельство, которое дало бы возможность открыть нашу контору, чтобы совершенно немедленно тщательно проверить все документы, которые там остались, и уничтожить все то, что могло повредить нам, если разыграется судебный процесс и они будут изъяты у нас как вещественные доказательства. Само собой понятно, нам в высшей степени было важно открыть также и нижнее помещение для того, чтобы привести его в порядок, и, главное, вынести оттуда всю конфискованную литературу и тщательно осмотреть все наши комнаты, так как мы всегда могли ожидать повторного обыска, а я прекрасно знал, что товарищи, работавшие в редакции газеты „Казарма", могли оставить там письма и записочки, как это бывало с ними не однажды и раньше.

На наше счастье стояли очень сильные морозы, и мы решили этим воспользоваться. Мы предложили старшему дворнику подать нам заявление, что он боится,—так как наше помещение не отапливается, а там отопление было печное и в каждой комнате стояли унтермарковские печи, что могут замерзнуть водопроводные и канализационные трубы, а потом лопнуть и затопить все помещение и подвал. Такое заявление он подал мне как ответственному лицу за арендованную в этом доме квартиру. Я тотчас же обратился к следователю по особо важным делам П. А. Александрову, указывая, что совершенно необходимо открыть помещение склада и протопить его. П. А. Александров сначала не очень то был склонен пойти навстречу этой нашей инициативе, но после настоятельных требований по этому поводу и подачи письменного заявления, в котором мы слагали с себя всякую ответственность за огромные убытки, которые могут быть нанесены всему дому, перекладывая их на судебное ведомство, он согласился, чтобы помещение открыть на три дня и чтобы в присутствии полиции там топили печи. Мы, конечно, рады были и этой возможности. Помещение было открыто приставом. Он оставил нам одного околоточного, который не выражал охоты сидеть в холодной нетопленой

квартире, в которую проник большой мороз, и он все ворчал на нас и торопил топить. Ему предложили выпить и закусить. Он очень этому обрадовался и спокойно дремал в дальней комнате, время от времени греясь чайком то с коньяком, то с красным вином.

Мы тотчас же принялись в эти три дня делать все, что только было возможно, прекрасно понимая, что мы не в состоянии вывезти со склада всю литературу. Я сейчас же произвел самый тщательный осмотр комнаты, где была редакция „Казармы" и обнаружил в столе за ящиками и, больше всего в окне под ватой, которая лежала между рамами, очень много всевозможных документов, рукописей и записочек, принадлежавших этой нелегальной редакции, которые сами говорили за себя. Если бы они попали в руки охранного отделения, то, конечно, все мы, самое меньшее, просидев долгое время в предварительном заключении, были бы сосланы на поселение, а может быть, пошли бы в каторжные работы. Меня крайне возмущала эта неаккуратность наших товарищей, которые этим примитивным способом хранения документов нарушали всякое понятие о конспирации, так необходимой при подобного рода партийных делах. Я выгреб все эти документы, набил ими карманы и тут же в затопленной печке, постепенно сжег, не решаясь выйти с ними ни во двор, ни на улицу, так как знал, что за мной сильно следят шпионы охранного отделения, и каждую минуту я мог ожидать нового ареста или внезапного обыска даже на улице.

Я был очень доволен этим результатом осмотра нашего склада, почувствовав, что мы уже сделали очень важное дело. Но мне хотелось обязательно избавиться от того громадного количества конфискованной литературы, которое находилось у нас всюду. Эта нелегальщина была расставлена столбами на прилавках, как ее оставили охранники, когда находили в том или другом углу склада и выволакивали ее на свет. Наиболее опасную литературу, всецело нелегальную, мы все-таки в эти три дня вынесли в карманах, но это было ничто в сравнении с тем, что оставалось из конфискованных изданий.

Надо заметить, что в это же время мы усиленно хлопотали перед следователем Александровым, чтобы он разрешил нам открыть контору, мотивируя тем, что к нам постоянно приходят наши клиенты за расчетом, что мы не можем делать выписки из коммерческих книг, что мы должны получать деньги с наших кредиторов, иначе мы не в состоянии будем оплачивать наше дело, во-время вносить за квартиру, выдавать жалованье служащим, платить по векселям и вообще покрывать все текущие расходы. Мы заявили ему, что там у нас никаких книг нет, а сами конторские материалы были подробно рассмотрены жандармским ротмистром и, как он может убедиться из протокола осмотра, ничего предосудительного там не было найдено. Он, поколебавшись, разрешил нам открыть контору, которая не имела ни малейшей связи с нижним помещением

склада, так как находилась в другом корпусе в четвертом этаже. Он дал предписание в полицейский участок снять с помещения конторы печати и разрешить нам там заниматься. Это для нас было огромной победой.

У нас в это время служил маленький конторщик, полулатыш, Смирнов, очень преданный нам человек, приехавший из-за границы, из Женевы, где он был эмигрантом, где я его хорошо знал в качестве переписчика моих литературных работ. Мы пригласили его помочь нам, и он верой и правдой служил нам во всех делах, успев в эти три дня на себе вынести много книг наверх, в уже распечатанную контору, и там частью сжечь в печке то, что мы ему указали, а частью мы, жалея литературу, снесли на одну из квартир наших товарищей, где ее разобрали для распространения в районах и даже отправили по почте посылками в другие места нашего возлюбленного отечества.

Так как три дня, конечно, быстро протекли, и мы отлично знали, что склад запечатают и опять распечатать его нам будет очень трудно, то мы решились на героическое средство, выработав довольно отчаянный план в самую последнюю минуту, когда нам нужно было уходить вечером со склада. Когда околоточный надзиратель, дежуривший здесь, сказал нам, что он обязан будет сейчас вновь опечатать склад и больше завтра его не вскрывать, мы увлекли его в другие комнаты, и в это время взрезали в целом ряде мест водопроводные трубы, кое-как зажав их бумагой и под предлогом, что надо кому-нибудь еще раз осмотреть, нет ли огня в печках и потушено ли везде электричество, уйдя с околоточным вперед, к выходу, поручили одному из служащих сорвать эти маленькие пластыри с прорезанных труб. Вода хлынула, а мы вышли из склада в темноте и опечатали его. Мы понимали, что за ночь склад будет значительно подтоплен, а также хорошо знали, что на другой день, конечно, домоуправление поднимет грандиозный скандал.

И вот, когда утром Павел Павлович Ногин пришел к себе в контору, чтобы заниматься, а также пришла его жена, которая служила у нас счетоводом, и появился тов. Смирнов, то к нам вдруг, как бомба, влетел управляющий домом с криком:

— Что вы наделали? Дом наш погиб! Вода прошла в подвал, и я боюсь, что вода подмоет фундамент!

— Какая вода? — спокойно спросил у него Павел Павлович. — Ничего не понимаю!...

— Да в вашем складе! Разве вы не знаете? Там огромный потоп. Вода стоит на четверть во всех комнатах, а сколько ее утекло под пол и в подвал!...

— Не может быть! — взволнованно закричал Ногин, сорвавшись с места.

— Да, да, это верно, — вопил управляющий. — Ночью был мороз в двадцать градусов, трубы не выдержали и лопнули, так как вода в коленах, очевидно, замерзла.

— Так что же нам теперь делать?— недоумевающе, разводя руками, взволнованно спросил потрясенный Павел Павлович.

— Я и сам не знаю!.. Ведь везде лежат эти чортовы печати, — ругался, отплевываясь, поляк-управляющий.

Во время этого разговора как-раз пришел и я, и они оба, в два голоса, волнуясь и крича, рассказывали мне об этом ужасном событии. Я принял самое горячее участие в обсуждении этого дела, возмущался, негодовал и тут же быстро написал заявление старшему следователю по особо важным делам и сообщил, что то, чего мы боялись больше всего, то и случилось. Морозы проникли в недостаточно протопленное, охолодевшее помещение. Вода замерзла в трубах, водопровод лопнул и затопил все нижнее помещение.

Я сказал Павлу Павловичу Ногину, чтобы он быстро ехал в суд и немедленно добился свидания с Александровым.

— Я влетел, — рассказывал нам П. П. Ногин, — взволнованный и возбужденный, — в коридор судебных следователей, но меня не пускали к Александрову: он вел какое-то дознание. Я сказал, что я должен сделать важнейшее заявление и что не могу ждать ни одной минуты. Когда ему доложили, Александров вышел в коридор, увел меня в камеру и удивленно спросил: „В чем дело?“ Но, очевидно, я так был возбужден, что он сразу понял, что случилось что-то неожиданное. „Говорите скорей, что случилось?“ — спросил он волнуясь. — „Ужасная вещь!“ закричал я не своим голосом. — Потоп! Весь дом переполнен водой. Весь склад затоплен. Вода проникла в подвал, и управляющий домом заявил, что фундамент может быть подмыт и будет громадная катастрофа, все рухнет!“—„Но когда же это случилось?“ — недоумевающе спросил Александров. — „Сегодня ночью мороз водоканал наши трубы“.—„Что же делать?“—„Я прошу вас сейчас же немедленно ехать на место, самому лично убедиться во всем этом и приказать отворить наше помещение и дать нам возможность ежедневно, под надзором полиции, отапливать его, а я сейчас же поеду искать водопроводчиков, чтобы вместе с нашими домашними рабочими скорей заделывать трубы и менять лопнувшие“.

Александров всполошился не на шутку, тотчас же позвонил в участок, вызвал в наш дом пристава с его помощником, и немедленно приехал сам на извозчике к нам в склад на Каравайную, № 9, где он ни разу еще не был.

Павел Павлович прискакал раньше его и предупредил всех нас, что следователь сейчас будет. Старший дворник призвал водопроводчиков, выбрав именно тех ребят, на которых он мог надеяться.

XXVIII

Когда приехал Александров, он самостоятельно тщательно осмотрел печати, которые оказались целыми и неприкосновенными, и приказал их взрезать. Печати были взрезаны нашим околоточным надзирателем. Двери отворили. На нас пахнуло холодом и сыростью. Мы вошли и остановились. Во всех углах первой комнаты заиндевевшие трубы водопровода и канализации белели, как сталактитовые колонны, оканчивавшиеся купами седых морозных шапок густого мшистого инея, громоздившегося по паутине и ниспадавшего гирляндами с карнизов, потолка и стен. У наружной стены, у окон и на подоконниках образовалась ледяная кора, обрамленная причудливыми ледяными сосульками, набегавшими в хаотическом беспорядке друг на друга. Мы пошли дальше по коридору. Вода широким ручьем текла через мой кабинет по коридору, вытекая в прихожую. Кое-как пробравшись в кабинет, мы увидели, что все остальные комнаты были залиты водой, которая покрывала полы по крайней мере на четверть. Множество книг было подмочено. Все комнаты заиндевели. Было жутко, сыро и мрачно. Александров остолбенел. Все остановились и молчали, как в могильном склепе.

— Что наделали! — сказал я надорванным, упавшим голосом. — Сколько убытков! — Полное разорение!..

— Так нельзя-с! Я предупреждал! Для чего это было делать? Все переписано, наложили печати, мы могли бы все это сохранить... И вот, смотрите, какой вопиющий скандал!.. — шептал достаточно громко на ухо Александрова пристав, поглаживая подстриженные бакенбарды и нет-нет посматривая на меня.

Александров задумался.

— Все это надо исправлять немедленно, сейчас же, — сказал он отрывисто.

— Разрешите затопить печи? — сказал я. — Ведь здесь быть нельзя: сырость, холод... Воображаю, каково жить во втором этаже над нашим складом...

Жильцы других квартир, услышав о новом нашем переполохе, толпились во дворе, заглядывали в замороженные окна и сильно роптали на то, что у них нет воды, напор ослаб, что у них страшно холодно, сыро и что им действительно ужасно все это переживать.

Александров составил протокол. Его подписали пристав, помощник пристава, два понятых, старший дворник, и следователь по особо важным делам распорядился сдать эту квартиру под охрану наружной полиции с тем, чтобы каждый день помещение запечатывалось в присутствии околоточного надзирателя или того лица, которое будет командировываться сюда участковым приставом.

Нам это только и надо было.

— Позвольте нам, — сказал я Павлу Александровичу Александрову, — быть здесь и пригласить несколько лиц, чтобы разобрать весь этот ужас, просушить те книги, которые возможно просушить, чтобы их или продать на макулатуру, когда склад будет открыт, или хотя бы вернуть тем, от кого они взяты на комиссию, иначе мы должны будем платить полным рублем громадные деньги за всю литературу, нами не проданную, а уничтоженную этим стихийным бедствием.

— Конечно, конечно! Я вполне разрешаю все это сделать. Само собою понятно, под полным наблюдением контролем тех, кто будет сюда командирован господином участковым приставом, — добавил он.

— Я должен буду сделать опись всего того, что здесь находится, — ответил я Александрову, — и эту опись разрешите представить вам. Мы отметим, какие книги испорчены, какие удалось спасти, чтобы все эти документы фигурировали у вас в качестве следственного материала, а нас оправдывали бы при взыскании претензий собственников этого теперь подмоченного товара.

— Само собой разумеется, вы можете представить все эти описи, и они будут полезны и нам для дела, — согласился со мной Александров, — и для Коммерческого суда.

— Думаю, что это лучше всего определит характер нашего склада, — сказал я ему, — ведь здесь тысячи названий книг, а охранное отделение хотело вам представить впечатление о нашем складе по нескольким десяткам. Вы сами видете, какое количество здесь товара.

— Да, да, ваше дело огромное, — участливо сказал Александров и, взяв расписку с пристава, что он передает ему все это помещение, удалился.

В это время к работе приступили слесаря, которые стали закрывать воду, отвинчивать колена труб, менять их и тут же шептались и посмеивались между собой, так как, конечно, на трубах не было зигзагообразных разрывов, как это обыкновенно бывает от мороза, а были пробиты дырки, разрезанные и развороченные долотом и стамеской и если бы только следственные власти захотели или были бы подальновидней, они тотчас обнаружили бы здесь новое „преступление“ по взлому водопровода. Для нас это был один из методов борьбы с царскими чиновниками, примененный при этих сложных обстоятельствах. Старший дворник стоял около этих мастеров неотлучно и тотчас же убирал взрезанные колена труб, стараясь их немедленно вынести из поме-

ления. Он всей душой ненавидел представителей полиции, всех их смешивал с охранным отделением, от агентов которого ему так нередко влетало, до рукоприкладства включительно, так что он все это делал, помогая нам, не за страх, а за совесть.

Александров уехал. Мы переглянулись между собой и были очень рады.

— Необходимо здесь устроить чай, — сейчас же пробасил Павел Павлович Ногин. — Ведь просто невозможно стоять. В горле першит, да и холод ужасный. Мы обязательно все здесь простудимся и заболеем. А каково здесь находиться слесарям, старшему дворнику и тому, кого господин пристав оставит у нас для надзора? Это же просто ужас! Владимир Дмитриевич, так никак нельзя! — обратился он ко мне. — Вон та небольшая комната менее всего пострадала от воды и там как-то теплей, там мы и сделаем нашу временную столовую.

Пристав одобрительно качнул головой, словно обрадовавшись тому, что наш старший бухгалтер проявляет такую заботливость о вверенных ему чинах, и он сделал распоряжение помощнику:

— Назначайте сюда околоточных надзирателей по очереди, а в их распоряжение двух городовых!

Тут же поодаль стоял старший околоточный, высокого роста, спокойный, флегматичный, рябой. Бесчисленные рябинки, изрывшие его лицо, придавали ему добродушно-несчастный вид.

— Дозвольте сказать, — обратился он немного фамильярно к приставу, — городовых тут не для чего. Я почти год здесь всегда бываю: люди спокойные, порядок у них всегда, исполняют все предписания самым лучшим образом. Наши околоточные надзиратели вполне справятся с этим делом, а городовых у нас по участку очень мало, а работы — прямо беда!..

В тоне и в разговоре этого старшего околоточного надзирателя сразу чувствовалось, что он старый служака и что он может себе позволить говорить с приставом более чем кто-либо другой и вполне откровенно.

— Ну, делай, как хочешь, — кинул в его сторону пристав, — на твою полную ответственность, чтобы все было в порядке. А я буду проверять... — и он вдруг зорко посмотрел на меня.

Я понял, что надо готовить двадцать пять рублей.

Денег у меня не было ни копейки. Я отозвал в сторону латыша и сказал, чтобы он спросил у Павла Павловича, нет ли у него денег, а если у него нет, то занял бы у старшего дворника. У Павла Павловича оказалось семь рублей, которые он отдал латышу, и тот, побегавши кругом, набрал всего-на-всего 23 рубля. Нечего было делать, пришлось, прощаясь, сунуть в руку эту некруглую сумму приставу. Он, видимо, заметил нашу суету, не протестовал против мелочи, а, энергично разглаживая бакенбарды, крупным шагом, отдавая честь, вышел из склада.

Павел Павлович добродушно рассмеялся, снаряжая латыша за колбасой, ветчиной и полубутылкой коньяку.

— А я пятерку утаил, — тихонько сказал он мне, подмигивая, — не все ему отдал, нужно и этих ребят погреть.

Латыш быстро смахал в ближайший магазин, притащил все, что было нужно. Миша Юров, опять появившийся в складе, наладил самовар. Мы затворили склад, заперли его изнутри и ушли в дальнюю комнату: старший околоточный, его помощник, старший дворник, трое водопроводчиков и все мы.

XXIX

— Да, доложу я вам, — говорил рябой старший надзиратель, в калошах грузно ступая по воде и книгам, держа сложенный портфель под мышкой. — Вот теперь такое нападение. К книге все придираются и судят. А что было у нас совсем недавно в девятьсот пятом году? Пришел я домой поздно-поздно, устал лег спать. Не спится... Как-никак задремал и вижу сон, как будто от Аничкова дворца до самого Зимнего протянулось огромадное зеленое чудовище, не то свинья, не то крокодил, а морда — верьте мне — государя! и на этой морде корона! — сказал он, нагибаясь ко мне, понижая голос и делая испуганные глаза.—Даже в пот меня ударило. Думаю, как же это так: само его императорское величество, а такая страсть! Можно даже сказать неприличие. Ведь вот тоже приснится... А зеленое чудовище это на толстых, длинных ногах грузно ползло по Невскому, шевелилось, точно желая всех задавить и проглотить, все пасть растворяет и челюстями громадными водит. А я лежу в постели и кричу: „Нет, нет, не задавишь не съешь меня, я старший околоточный, я служил царю верой и правдой... Не хочу я, не съешь меня, бунтовать буду, кричать буду, а не отдамся!" И в это самое время меня жена еле-еле растрясла за плечи, и я проснулся, обливаясь холодным потом. И не успел я еще очухаться, как ко мне изо всех сил постучали: „Скорей, скорей! — кричит городовой, — бунт в нашем участке, стачка, требует начальство!"

— Да чего ты кричишь! — говорю я ему, — чего разрываешься. Теперь этих бунтов и не оберешься!—а сам все о сне думаю, о чудовище зеленом, и на сердце так мутно, тоскливо, хоть плачь.

— Страшно больно, ваше благородие, — народа аж — черно...

— А ты что же народа не видал? — говорю и бодрюсь, а сам, куды там... трясусь...

— Так-то оно так, а страшно, как мы есть полиция, — не любят нас... Взлупят...

— Ну, кто посмеет... — говорю ему, а сам думаю: „Взлупят, беспременно взлупят..."

Кое-как оделся. Забыл прицепить шашку. Потом вернулся, думаю, без шашки нельзя... Все-таки парад народный... Демонстрация... И только вернулся, а тут опять расстройство: „Нехорошо,

что вернулся" — подумалось мне, — примета такая бабья есть. А как без шашки пойдешь, нельзя, служба...

Взял шашку... Верите ли, совсем сбился, шапку, вот эту самую, барашковую, круглейку нашу, гляжу кокардой на затылок надел, — вот как расстроился, а отчего и сам не знаю. Бегу и все думаю про то зеленое страшилище, которое от Зимнего дворца до Аничкова тянулось, всех заглотнуть хочет и царская личность здесь... то есть на самой морде... Очень мне было ужасно видеть тогда царское лицо в этом страшном свином виде чудовища, а теперь, знаете, ничего... — шепнул он мне, — привык... Сколько раз стоял на часах я против Аничкова дворца и лицо его императорского величества очень хорошо знаю. Приятное — полковник хоть куды — сидит в коляске прямо, как аршин проглотил. А тут — его лицо, да не то. И сделалось мне противно и ужасно злобно. Прибежал я в участок. А там пристав кричит, шумит: „Я вас, говорит, сукины дети, это что такое? Я вам дам, подлецы, столько времени не приходить!" А какое „столько времени?" — еле прибежал, запыхался весь, каких-нибудь пятнадцать минут прошло с тех пор, как городовой ко мне постучал. Смотрю, снаряжают нас. Боевые патроны выдали втройне. „Дозвольте сказать ваше ско-родие, ежели бунт, то что же нам там делать? Войска надо вызывать, нам не справиться", — обратился я к приставу. — А у самого в глазах чудовище зеленое все время стоит, и чувствую я, что сам я совсем другой и пристав мне не мил и даже ненависть какая-то в сердце есть... Так вот и подмывает и подмывает. Вот оно, какая штука меня подцепила! — опять на ухо тихонько сказал он мне и подмигнул. — Ей богу, право, прямо беда... Вот всех бы так наотмашь и треснул бы .. Противны все стали мне. Пристав на мои слова остановился, задумался. „Ведь вам первому итти, ваше ско-родие, а итти теперь опасно"... — с ехидством эдаким и с радостью говорю я ему... И сам даже чему-то рад... Замялся пристав, разглаживает бакенбарды туды-сюды... Мы стоим, притихли все. Околоточные вот так здесь, старшие городовые поодаль — вот как бы там, а дальше и весь участок собрался. Стоят понурые, хмурые, переминаются с ноги на ногу.

— Предписание от градоначальника итти на Невский, — пробурчал нерешительно пристав.

Все молчат как будто бы и не слышали.

Пока мы это говорили да судачили, совсем подошло время... Решили мы тихонько пройти на Невский и ежели там бунт, посмотреть на месте, что делать, а может быть, и вернуться назад. И только мы двинулись, пристав перекрестился. Перекрестились и мы. Иду я и думаю: „Господи помилуй! Мать пресвятая богородица! Что-то будет!" Выходим мы на Невский, и глазам своим поверить не могу: еще с Караванной было видно, как туча народная идет и все поют, и все кричат, и всюду знамена, знамена, знамена! Колышутся они всюду, куда ни посмотришь, пуще, чем хоругвей в крестном ходу. И откуда только они в одну ночь по-

явились?.. Мы подошли ближе. На нас посмотрели и кричат: „Чего вы там идете? Присоединяйтесь к нам! Всеобщая забастовка!“ И опять запели и опять понеслись. И вот меня стало подмывать, не знаю почему, а все хочется итти с ними. И чувствую я, что вот это зеленое чудовище, которое от Аничкова до Зимнего распространялось и которое пожрать всех хотело, уничтожается. Ноги у него были неповоротливые, точно глиняные. И вот то, что тогда было в брюхе чудовища, заглотнуто, вышло наружу, распахнуло эту тьму кромешную, и идет и топчет его самого, и улица от Зимнего до Аничкова наполнена вся ликующим народом. Это им, народом, чудовище это было чревато... И как вдруг подхватили они да ахнули:

Нам не нужно златого кумира,
Ненавистен нам царский чертог!

— Батюшки, светы мои! Все закружилось у меня... Под ногамм, чувствую, земля разверзается. „Как бы не упасть“ подумалось мне. Сразу подтянулся, оправился, шашку одернул, выпрямился, отдал под козырек и сам запел, да не впопад, все на „спаси, господи, люди твоя“ тянет, да знаю неприлично теперь это и даже засовестился я и на соседей посматриваю, как бы не заметили. Первый раз в жизни запел я такую запрещенную песню, — сказал он мне замирающим голосом, делая страшные глаза навыкат. — Ей богу правда, даже мне жутко стало! Смотрю, а мой - то бакенбарды перестал разглаживать. Стоит, весь вытянулся, побледнел и делает честь. А в толпе идет военный генерал, ногу в марш отбивает — и тоже поет и рукой машет словно управляет хором. Идут юнкера прямо за ним и тоже ногу держат, смотрю — и они поют. Идут господа офицеры — тоже поют. Идут и студенты, и рабочие, и интеллигенция и даже священник и тот плетется, подбирая полы... И все поют запрещенную песнь... А! каково?.. „Чего тут стоять, — думаю я — и я пойду!“ И по-военному, повернул я направо, приладился, изловчился, да в ногу с какими-то молодцами и зашагал... Они кричат:„ Иди, товарищ, чего стоять... Молодец! Вот и полиция с нами!“ И все довольны, радостны... А я отбиваю ногой, как на параде, „итти, так итти, — думается мне — как бы не сплошать, не сконфузиться“. А в уме все: „Левой! левой! левой!“... Сам себе командую, иду, боюсь ногу потерять. И что вы думаете, легко мне так сделалось, радостно. Иду залихватски, молодцом, сам держу под козырек — привычны мы к этому, когда „боже царя храни“ поют — пояснил он мне, — грудь на выкат, посматриваю кругом и пою, куды там, не то, чтобы под нос, а во все горло. И так мне приятно, и так мне вольно, и так мне чудесно! И только маячит передо мною эта чудовищная морда и на ней царское лицо. И сделалось оно мне совершенно отвратительно. „Чего, — я думаю, — в нем хорошего находил?“ Ничего ровно и нет... Так офицерик, замухрышка.

И вот с тех пор — поверите или нет, — как идти на обыск, — когда опять все по-старому вернулось, — не могу, не хочу, обыска не делаю, руки опускаются. Другим человеком я стал. Думаю, „службу надо бросить, поеду лучше в деревню. Я ведь вятский, из далеких мест, туда и уеду. Буду на солнышке сидеть, да кур разводить... Любитель я... До страсти хороших кур люблю... А то пчелкой займусь... Разлюбезное это дело...“

И вот этот странный, рябой старший околоточный рассказал нам свой сон наяву, не пригубив ни одной рюмки вина, и лишь только обогревал руки о стакан чаю и косо посматривал на своего хмурого помощника, который молчал, как убитый, и полустаканами хлестал коньяк.

— Ты бы поосторожней! — обратился к нему старший околоточный, — как бы хмель тебя не взял...

— Меня, — сказал тот, — меня хмель не берет, я всегда пьян, но только не от водки, а вот от жизни, от всей этой мерзости, в которой приходится участвовать мне. Ну их к чорту! — и он махнул рукой и вновь опрокинул стаканчик с коньяком и плотно закусил его жирной ветчиной.

В то время, когда чины полиции здесь бражничали, пили чай и рассказывали сны и другие воспоминания о недавно пережитых бурных революционных днях, наши ребята, по моему распоряжению, вместо конфискованной литературы, стоявшей везде на прилавках большими стопками, снимая ее, ставили такого же формата, такого же приблизительно цвета обложек, всевозможную другую, сельскохозяйственную литературу, или беллетристику, или по ремеслам и медицине, или иные тому подобные книги, ничего общего не имевшие с политикой, а конфискованные книги уносили в дальнюю комнату.

Когда мы провели за чаем таким образом часа полтора и когда слесаря пошли доделывать свое дело, старший дворник заторопился по делам, старший же околоточный, раскрасневшись, сказал нам:

— Вы меня не обессудьте за мои простые речи, так к слову пришлось, хотелось вот сказать именно вам, вот от души, как все это было и как теперь все это прошло...—И он повернулся к своему помощнику, расстегнувшему шинель и раскинувшемуся на стуле, и дал ему распоряжение:

— Ты оставайся здесь, но не спи: могут заглянуть из участка. Пускай топят печи, делают свое дело, а ты поглядывай да похаживай.

И, взяв под козырек, повернулся и грузными, мягкими, не слышными от зимних резиновых калош, шагами, придерживая сложенный портфель подмышкой, угрюмо согнувшись, вышел из склада.

— Знаете что, — сказал я оставшемуся околоточному, — вот нам очень неудобно ходить через парадный ход наверх в контору, давайте мы эту дверь закроем, а ту, черную, откроем, нам тогда прямо по лестнице можно будет, не одеваясь, пробежать.

— Что же, это хорошо, как удобней, так и делайте, — сказал он, глядя на нас осоловелыми глазами.

— Да, но ведь там печать? — пробасил Павел Павлович.

— Ну, что-ж такое, что печать? А ну ее к чорту, печать! Возьмите и сорвите!

— Ну, батенька, — ответил Павел Павлович, — этим делом я заниматься не могу, это вам легко, так как вы сами начальство, а нашего брата за это взгреть могут.

— Пойдем! — перешел вдруг на „ты" околоточный, — сейчас отопру. Ты не смотри на меня, что я подчасок, ведь я артиллерийский подпоручик, попал в полицию потому, что некуда деваться. Из полка меня выгнали за некорректное поведение, — сказал он, подчеркивая букву „р". — Меня обобрали за карточным столом, а я сказал, что это подлость так играть с тем, кто первый раз сел за зеленое поле. Но это прошлое. Чорт с ним!

Он встал, выпрямился и глубоко затянулся толстой крепкой папиросой.

— Вот меня и устроили в полицию. Как я их ненавижу, — сказал он как бы про себя, то сжимая кулаки, то ударяя в грудь пальцем. — Придет еще время, я отомщу им! — говорил он полузаплетающимся языком и, пошатываясь, быстро пошел к кухне, где наш милый латыш сейчас же услужливо отпер ключом дверь, снял крюк и сказал:

— Но дальше-то как? Печать там снаружи. Придется опять итти назад. Кругом обойти и там срезать, если вам будет угодно...

— Я? Пойду назад? Нет, шалишь! Я только иду вперед... — сказал он, вдруг вытянувшись и выпятивши грудь, смотря на нас красным, налитым, бычачьим взглядом. Смертельная бледность мгновенно залила его худое лицо, и глаза запылали гневом.

— Мы вот как идем вперед! — гневно пронзительно вскрикнул он и вдруг, отвалясь назад, высоко поднял ногу и изо всех сил пхнул ею в дверь. Дверь сразу распахнулась, разорвав веревочки, которые были накручены с той стороны между кольцами, на которые вешают наружный замок. Печать отлетела в сторону.

— Вот вам и печать, — торжественно сказал он и плюнул в сторону ее. — Плюю я на их печати! Канальи! Ходите здесь сколько хотите и делайте все, что хотите, а я пойду пить чай...

— Еще чайку? — сказал латыш, улыбаясь, обнажая прекрасные белые зубы и немного заигрывая с этим полупьяным околоточным. — Вероятно, архиерейских сливочек вам необходимо еще подать? Ха, ха, ха! — рассмеялся он деланным смехом, отдувая густые усы. — А я припас, у меня еще есть... У нас в Риге, сказывали, архиерей страсть как любил эти сливочки...

— Не нужно, — сказал околоточный, отмахиваясь рукой. Выпью чаю с лимончиком и поем побольше, а то как бы я здесь у вас не заснул, а на службе спать нельзя! Никак нельзя... — говорил он, блаженно улыбаясь. — Вот вчерашнюю ночь все время на обыске был, а я в ватерклозет спустил, что хотели охранники с собой

забрать... На-те вам: выкуси! — сказал он, показывая как бы из кармана фигу. — Они ищут, а я смеюсь... Ненавижу я их!.. Ненавижу!..

Меня крайне удивляла эта ужасная озлобленность чинов полиции против охранного отделения и против всего того, что делалось в первые месяцы новой отвратительной реакции столыпинских дней. И эта озлобленность нередко замечалась нами в 1906 г. на обысках и только потом, когда, очевидно, сменили старый штат, произведя нужную столыпинскому правительству фильтрацию, наружная полиция сделалась еще более свирепой, чем она была до революции.

Околоточный пошел пить чай. Я к нему прикомандировал пришедшего к нам одного из артельщиков. Тот скоро отпустил и артельщика, сказав, что он побудет один, склонил свою буйную голову на распростертые по столу руки, и мы услышали спокойное похрапывание этого стража самодержавно-конституционного правительства, столь рьяно стоявшего на своем посту и выполнявшего свои священные обязанности царской полицейской службы почти у ворот Аничкова дворца.

Мы не трогали его и быстро-быстро выносили наверх литературу сначала пачками, потом ящиками, стараясь как можно больше очистить склад. Но потом сообразили, что и спешить нам так не нужно, так как мы могли встретить на лестнице кого-либо из неблагоприятных людей, да и наш верхний склад будет настолько завален нелегальной литературой, что от нее некуда будет деваться.

Проработавши еще несколько часов в книжном складе и сделав самое главное, что нужно было сделать, мы разбудили нашего полицейского стража, приготовив ему горячего чайку с лимончиком на похмелье.

— Ну, что, домой можно? — сказал он, сладостно потягиваясь и допивая чай крупными глотками.

— Да, устали мы, — сказал я ему, — смотрите, сколько нам пришлось возиться, чтобы убрать эту воду.

А действительно, надо отдать справедливость, нам убрать воду из нижнего этажа было очень трудно. Но изобретательный латыш и здесь ухитрился помочь нам.

— Что будешь делать, дом все равно подмок, — говорил он, смиренно складывая руки на груди, — и он стал старательно проделывать между досками пола дырки, и вода стекала в них под пол и оттуда в подвал.

— Ничего, — смеялся он, видя прекрасные результаты своей работы, — вода там сначала подмерзнет, потом подсохнет, немножко будет сыро, голова болеть будет — и он брался обеими руками за виски — это легче потерпеть, чем таскать всю эту грязь наружу.

И мы волей-неволей должны были согласиться с этой убедительной речью и еще более убедительными результатами дела рук нашего товарища.

Когда мы опечатали склад, при чем околоточный передал нам свою печать и мы сами опечатывали оба его входа, а он даже не пожелал их осматривать, мы просили его на другой день притти к нам часов в десять утра. Нам не хотелось работать вечером, ибо при освещении гораздо заметнее все то, что делается внутри, чем днем, когда у нас в первом этаже зимой всегда бывало сумрачно, а теперь, за заиндевевшими и замерзшими окнами, снаружи совсем почти ничего не было видно.

Мы ушли наверх в контору усталые, но радостные, где рассе-лись, чтобы немного отдохнуть.

XXX

— Ну, и идиоты же! Как ловко мы их обставили!.. — сказал Павел Павлович.

— Нам нужно немедленно заняться вплотную конторскими книгами, так как я ожидало, что вас могут вызвать с ними в суд, — ответил я ему.

Я предложил сейчас же осмотреть все наши книги и, так как никаких коммерческих взысканий по ним нам не приходилось бы делать, ибо большинство нашей клиентуры была нам содружественна, то я решил уничтожить их.

— Надо просто уничтожить каждый счет, который имеет в себе хотя бы одну конфискованную книгу, чтобы не могло быть ни малейшей придирки со стороны следователя, — настойчиво сказал я Павлу Павловичу.

Павел Павлович стал было колебаться. Он, помимо того, что был революционером, нашим товарищем, был также прекрасным бухгалтером, и его профессиональное чувство заставляло несколько задуматься при уничтожении документов конторы.

— Делайте все это по моему распоряжению! — сказал я ему желая вывести его из затруднительного положения.

— Для того чтобы нам составить какие бы то ни было счета, перепишите вновь все книги, напишите вновь счета теми числами, которыми они были отосланы и, если в них нет ни одного экземпляра конфискованной литературы, то так целиком их и оставляйте, а если есть, то выкиньте конфискованную и увеличьте количество других экземпляров, чтобы подогнать сумму счета и вновь конируйте в новой копировальной книге.

Павел Павлович ворчал, качал головой и, наконец, согласился с моими аргументами и деятельно сейчас же принялся за работу, воодушевляя на нее и всех остальных своих помощников.

Так как нам пришлось уничтожить три четверти счетов, а нам необходимо было иметь под руками столько копировальных книг, сколько было в акте жандармского ротмистра при его осмотре, то мы сочинили несколько конторских книг, написавши счета на разные фирмы, многим из которых мы никогда ничего не отсылали. А эти старые копировальные книги я своими руками разорвал на мелкие части и сжег тут же в печке, при чем старался, сжигая

бумагу, уменьшать поддувало, накладывал на бумагу дрова и щепки, чтобы ветром пепел от бумаги сразу не поднялся по дымоходу и не выкинуло бы его шапкой на крышу. Я знал, что дано распоряжение пожарным частям следить за трубами, из которых вылетает жженая бумага и немедленно об этом давать знать полиции. Полиция знала, что там, где жгут усиленно бумагу, должны жить революционеры, очищающие свои квартиры перед ожидаемыми обысками.

Совершить как можно скорей такое ауто-дафе я считал необходимым потому, что знал, что несмотря на то, что жандармский ротмистр составил акт, что ничего предосудительного в книгах он не нашел, на самом деле это не так. Случилось же это только потому, что Павел Павлович Ногин сначала дал ему рассмотреть такие книги, где не было ничего нелегального и конфискованного, а потом уже давал другие книги и именно тогда, когда ротмистру надоело читать под ряд все счета, где были написаны тысячи названий различных книг, при чем целый ряд копировальных книг Павел Павлович совсем ему не показал. Но я знал, что при судебном разбирательстве будет экспертиза этих книг, где прочтут все, строчку за строчкой и конечно, выудят весь тот крамольный материал, который должен будет послужить прокурору для нашего обвинения. Вот почему я, по своей старой революционной конспиративной привычке, решил все уничтожить, что только могло бы нас скомпрометировать, не считаясь ни с какими юридическими, коммерческими, бухгалтерскими и всякими иными соображениями. Я твердо знал, что то, что уничтожено, того нет, и это очень трудно будет воскресить, потому что нельзя же было предположить, что судебная власть начнет перекапывать всю Россию, чтобы найти подлинники этих счетов.

В недельный срок мы переделали всю нашу бухгалтерию дочиста. Мы теперь наверное знали, что ее можно будет смотреть через какие угодно увеличительные стекла и в ней нельзя будет найти ни сучка, ни задоринки, которые нам могли бы быть неприятны на следствии и суде. Я тотчас же сговорился по телефону с моими товарищами: Александрой Николаевной и Евгением Порфирьевичем Первухиными, с Архангельской, с А. П. Пушторским и некоторыми другими сотрудниками нашего книжного склада. На другой день они все явились к нам в контору для того, чтобы принять самое деятельное участие в описи книжного инвентаря. С другой стороны, мы дали знать многим верным и сугубо осторожным товарищам из нашей партийной организации, которые постепенно, в одиночку приходили к нам наверх в контору. Мы нагружали их литературой, и они спокойно уходили оттуда, унося ее в карманах, в портфелях, в связках, завязанных со всех сторон бумагой. Особенно удачно это делали мы рано утром, когда специально оставляемый на ночевку в конторе для этой цели наш товарищ латыш отпускал всем тем, кто приходил за этой литературой по особому паролю. Литературу уносили в то время, когда

шпионы охранного отделения еще не успели продрать глаза и когда они меньше всего бывали заняты своей проклятой работой. Так в течение дней десяти мы совершенно, до книжечки, очистили наш склад от конфискованной литературы, придав ему тот самый, внешний вид, который был при обыске. Это нужно было для того, чтобы, когда приедет следователь Александров для окончательного судебного осмотра склада, — а мы знали, что он должен будет вызвать к этому моменту и представителей охранного отделения, и понятых, и дворников, и полицию, вообще всех тех кто был на обыске и разгроме нашего склада, чтобы внешний вид его напоминал тот, что был в день обыска, кроме конечно, дальней комнаты, которую нам Александров разрешил всю разобрать и разложить на полки. И вот там-то, когда мы, книга за книгой, стали разбирать, мы нашли десятки названий не только конфискованных, но и просто нелегальных книг, которые завалялись у нас в алфавите, а может быть, нарочно были подсунуты Володькой. Усердие не по разуму Статковского очень помогло нам: он, желая принести нам вред и сделать нам сугубую неприятность, громко распорядился тогда на обыске „свалить всю эту дрянь" в одну кучу. Его шпионы, понятые и дворники, рады были стараться и, несмотря на названия книг, они все вывалили туда, в заднюю комнату. Мы, конечно, теперь, разобрали эту огромную кучу и нашли в ней все, что было нам нужно и все, что нас политически сильно компрометировало в глазах охранки, или уничтожили, или распространили через нашу петербургскую нелегальную подпольную организацию на фабриках и заводах. Наконец, у нас была совершенно готова вся перепись, которую мы так дружно провели в присутствии того же подчаска, который приходил к нам почти каждый день, редко бывая сменяем другим, менее покладистым. Все также продолжал он пить чай с лимончиком и коньяк, который он постоянно закусывал или жирной ветчиной или просто сливочным маслом, которое густо намазано на черный хлеб

— Что вы церемонитесь? — говорил он нам. — Уничтожайте все что только вам могут поставить на вид. Хотите, я вам вынесу все это и брошу куда угодно, или бросьте вот в печку, в огонь!

Но мы, конечно, держали ушки на макушке. Мы все время не доверяли ему, не зная, где кончается его запьянцовское озлобленное добродушие и где начинается его служебная деятельность и, конечно, ни разу не воспользовались его предложением, крепко-накрепко протестовали против его желания сжигать тут же книги, говоря, что мы все должны описать и все должны представить следователю по особо важным делам в полной сохранности.

— Ну их ко всем чертям! — нередко орал он в пьяном угаре на весь склад, — всех этих следователей по особо важным делам, всех министров, шпионов и приставов... Не нужны они! Нам нужна свобода, да вот ее опять отобрали у нас! — И он пьяно махал рукой, садился где-либо в углу, вздыхал, бессмысленно смотрел в одну точку и, наконец, задремывал и засыпал.

XXXI

Когда у нас все было готово, мы решили представить следователю Александрову списки начисто, переписанные четким писарским почерком тов. Смирнова. Павел Павлович Ногин отвез их при официальной бумаге следователю по особо важным делам, сказав, что другая копия осталась у него в конторе.

— Может быть, вы приедете к нам, осмотрите весь склад и сделаете нужные для вас выемки, — сказал ему Ногин, — и, в конце концов, разрешите нам открыть торговлю? Ведь, право, же мы в таких долгах, что не знаем как и быть!

Наш книжный склад официально по бумаге принадлежал матери одного нашего товарища, вдове дворянина — Стефаниде Адальбертовне Гербут-Гейбович, пожилой старушке, которая наивно побаиваясь и отчасти сознавая ту помощь, которую она нам оказывает, разрешила воспользоваться ее именем для столь важного и нужного для нас партийного дела. За это ее доверие, мы, конечно, приняли все меры, чтобы не посадить ее на скамью подсудимых и выгородить из возникшего судебного дела. Для этого, еще до обыска и процесса, я попросил ее выдать мне полную доверенность на ведение дела, по которой брал на себя целиком и безраздельно всю ответственность за центральный книжный склад и магазин „Вперед", о чем я заявил на первом же допросе следователя по особо важным делам.

П. А. Александров принял во внимание мое письменное заявление и личное разъяснение Ногина о том, что склад приведен в полный порядок и сказал, что в такой-то день, который он тут же назначил, вызовет официальными повестками всех тех, кто присутствовал на обыске и примет этот склад в свое ведение, предложит изъять то, что нужно изъять для следствия, и разрешит нам продолжать торговлю.

Не без внутреннего удовольствия ожидал я этого дня, так как чувствовал, что должен быть вызван Статковский, и мне ужасно хотелось посмотреть на этого опытного волка охранного отделения, когда он явится к нам в склад, который он так недавно еще хотел растерзать, а нас всех запечь в ссылку и что с ним произойдет, когда ему Александров предложит целый ряд вопросов, очевидно, нужных по следствию.

В назначенный день мы были все на месте, и я помню, как нас всех охватывал смех, лишь только мы посмотрим друг на друга. Мы с нетерпением ждали этой действительной сцены из современного „Ревизора", когда вот-вот сюда должно притти все начальство: и жандармские ротмистры, и пристав, и помощник, и понятые, и старший дворник, и городовые, и Статковский, и его агенты охранного отделения, и инспектора по делам печати с Бутовским во главе и, наконец, сам следователь по особо важным делам Александров, чтобы осмотреть главнейшие вещественные доказательства, благодаря которым мы и должны были сесть на скамью подсудимых в Судебной палате и за что уже сидели в одиночном заключении.

В назначенный день часов с десяти все вызванные стали стекаться к нам в склад. Тот околоточный, который бывал у нас каждый день, стал в дверях, ведущих в склад, как бы охраняя вход в это запретное святая-святых. Пристав уселся на диван и все время разглаживал подстриженные, выхоленные, кругловатые бакенбарды.

Ровно в 11 часов утра прибыл Александров. Он вошел в мой кабинет, остановился не снимая форменной фуражки и ни с кем в отдельности не здороваясь, что означало, что он находится при исполнении служебных обязанностей, развернул портфель и сказал:

— Осмотр вещественных доказательств сейчас начнется! — И остановился, оглядывая всех, как бы проверяя присутствующих.

— А где же господин Статковский? — сухо спросил он.

— Его еще нет!

— Без него нельзя, — промолвил следователь по особо важным делам. — Подождем немного... Запаздывает...

И как-раз в это время быстрыми шагами, поблескивая рысьими, злыми глазами, вошел энергичный Статковский, не успевший побрить полуседеющий подбородок, обрамленный клочками неровной щетины жестких волос.

— Что же это вы опоздали? — сказал Александров, хмурясь и бросая недобрый взгляд на Статковского.

— Извиняюсь, был занят...

— Вы господин Статковский? — обратился к нему Александров.

Тот вдруг выпрямился, отпрянул несколько шагов назад, и, поняв, что его спрашивает следователь и что не ответить нельзя, четко произнес:

— Да, Статковский!

Очевидно, ему неприятно было, что его фамилию, которую он не любил слышать, произносят здесь вслух.

Следователь по особо важным делам поставил галочку в списке, который вынул из портфеля и положил на него, как на бювар.

Александров также сделал перекличку всем остальным, каждого называя по фамилии и все так же аккуратно и четко ставя галочки

в списке. Тут были: два жандармских ротмистра, некоторые чины охранного отделения, шпионы, городовые, полиция, понятые.

На понятых Александров обратил особое внимание.

— Вы были здесь понятыми на обыске?

— Точно так!— ответили дружно, в один голос, дворники соседних домов.

— И вы здесь были?— спросил он старшего дворника.

— Точно так-с!— ответил тот, делая несколько шагов вперед.

— Вот и прекрасно. Обвиняемые здесь?— И он назвал мою фамилию и Павла Павловича.

— Еще кто здесь присутствует?

Наши служащие стали откликаться, называя свои фамилии.

— Кто был здесь,— обратился он к приставу,— со стороны местной полиции, охранявшей склад в это последнее время?

Пристав взглянул в сторону, и из группы полицейских двинулись вперед трое околоточных надзирателей: тот рябой, подпоручик и еще третий, который иногда заходил.

— Вы все время присутствовали здесь?

— Точно так!— ответили они дружно.

— Ничего отсюда из склада не выносилось?

— Никак нет-с!— ответили они так же дружно.

— Никто посторонний не приходил сюда?

— Никто не приходил.

— Закрывался ли на замок ежедневно склад?— опрашивал Александров.

— Точно так!

— Опечатывался ли склад на ночь?

— Всегда опечатывался,— ответил один из них.

— Скажите пожалуйста, вот внешний вид склада, этих прилавков,— тот же самый, который оставили вы на обыске?— обратился он к понятым после этого опроса.

— Совершенно верно-с, вот так, как и было,— сказал наш старший дворник, а за ним повторили и понятые.

— Вы, понятые, вы помните, что именно все так и было?

— Так-с,— сказал один из дворников,— только вон там, в той комнате, лежали книги, а теперь их нет.

— Да, да,— ответил Александров,— это те, которые вы свалили в одну кучу?

— Точно так-с,— поддакнули понятые.

— Это я разрешил разобрать,— продолжал Александров,— и разложить на полки; их сильно подмочило водой, которая прорвалась здесь в трубах.—И после этого он двинулся к книгам.

Статковскому, очевидно, надоела вся эта формальная процедура, он подошел к первой пачке, взял экземпляр и как-раз ему попалась книжка о полеводстве.

— Как „о полеводстве?"— завопил Статковский,— здесь книжки о Кронштадтском восстании стояли, а тут о процессе Совета рабочих депутатов. Где они?— И он полез к себе в записную книжечку

и стал прочитывать названия тех книг, которые стояли на прилавках. И когда он все более и более петушился и я заметил, что он начинает производить впечатление и на понятых и на Александрова, я резко вмешался в его разговор и сказал следователю по особо важным делам:

— Позвольте мне формально отвести разговор господина Статковского. На столь важном осмотре главнейших вещественных доказательств я полагаю частные разговоры неуместны. Я прошу огласить протокол, который указал бы нам, на каком прилавке, какие стояли книги, а все записи, которые господин Статковский вынул из своего кармана я считаю недостоверными, не подлежащими оглашению и не имеющими никакой законной силы доказательства, никем не подписанные и никем не засвидетельствованные.

— Что же, вы думаете, они фальшивые? — обратился ко мне ядовито Статковский.

— Не знаю, — ответил я, — может быть, и фальшивые, а может быть, с другого какого обыска вы принесли, но я хочу видеть официальный судебно-следственный документ, а не то, что вы по своему произволу вынимаете из того или другого вашего кармана.

Александров повернулся к Статковскому, развел руками и сказал:

— Да, батюшка, это правильно, — все ваши бумажки не имеют здесь никакой цены. Ведь это судебное следствие. В протоколе этих записей нет, нет и в приложениях.

— Но там есть перечисление тех книг, которые мы видели здесь, — окрысился старый охранник, привыкший к полному произволу действий.

Александров полез в дело, нашел этот список и стал пристально просматривать.

— Список этот не имеет ни малейшего значения, — отрывисто сказал он. — Он никем не подписан и даже здесь не сказано, когда, где и кем составлен. Это просто лист бумаги, со всех сторон исписанный карандашом...

— Вот так и составляются политические дела, — вмешался я в разговор. — Кто-то, где-то писал те названия книг, которые были кому-то нужны, а на поверку оказывается, что никакого соответствия между тем, что написано в этой Филькиной грамоте, и тем, что есть на самом деле — нет.

— Как Филькина грамота? — злобно зарычал Статковский. — Как вы смеете... — стал было говорить он в мою сторону.

— Господин следователь по особо важным делам! — перебил я Статковского, — прошу оградить меня от этих оскорблений, которые вот этот чиновник пытается здесь произносить. Я на судебном следствии, и мое достоинство не позволяет мне выслушивать подобные речи от неизвестных для меня лиц...

Александров обратился к Статковскому и просил его не горячиться.

— Подследственный Бонч-Бруевич совершенно прав с нашей судебной точки зрения, — сказал Александров. — Так документы не

оформляют. Вы сами это прекрасно знаете, и если все это было так, как вы говорите, то пеняйте на себя. Вы слышали, что местная полиция заявляет, что здесь все осталось на месте? Понятые это подтвердили, и вы не возражали, когда они говорили, так как же я могу итти против очевидности?

Статковский вдруг покраснел, вспыхнул и волчком закрутился, бегая как разъяренный зверь.

— А, ну вас! — закричал он не своим голосом, грубо махнул рукой, повернулся и быстро, почти бегом, вышел. — Пойдемте! — крикнул он, обращаясь к своим людям. — И пять человек штатских повернулись и также быстро ушли за ним.

— Я должен буду, — вдогонку громко сказал явно обидевшийся Александров, — все это отметить в протоколе...

А я был очень рад, что Статковский не выдержал, что он ушел и тем самым жестоко повредил себе и предварительному следствию охранного отделения по нашему делу.

— А вы, господин пристав, подтверждаете вот все то, что говорили ваши подчиненные об этой внешней картине, которую вы видели здесь тогда и видите теперь... — подчеркнуто спокойно обратился к приставу Александров.

— Вполне, вполне подтверждаю, — сказал пристав, разглаживая бакенбарды и зорко посматривая то на Александрова, то на меня.

Я понял, что надо готовить новые пятьдесят рублей.

Александров быстро прошелся по складу, одобрительно сказал, что мы хорошо его убрали, бегло посмотрел в список книг, в котором мы нарочно оставили несколько конфискованных названий, которые, однако, были конфискованы не только далеко после их выхода в свет, но и после закрытия нашего склада и потому нам они не могли быть поставлены в вину. Просмотрел некоторые отдельные стопы книг. Очень одобрительно отнесся к тому, как толково составлен был весь список, по которому легко было находить каждое название и каждую пачку, где бы они ни находились в складе.

— Надо сейчас написать протокол и попросить всех подписать, — вслух подумал Александров и быстро крупным почерком сам написал протокол осмотра, приложив к нему ту ведомость описания склада, которую ему передал несколько дней тому назад Павел Павлович Ногин и в конце этой ведомости стал собирать подписи, прежде всего подписавшись сам. Подписал я, Ногин, подписали все наши служащие, пристав, околоточные надзиратели, понятые, и я почувствовал, что дело наше в шляпе. Уже сейчас, на этом сражении не только со всей администрацией, но и со старыми волками охранного отделения мы безусловно выиграли поле битвы.

После того как был подписан этот протокол, я обратился к Александрову с просьбой открыть склад и начать торговлю.

— Конечно, я считаю это вполне возможным. Как вы думаете, господин пристав? — обратился он к бравому подполковнику.

— Безусловно, — ответил тот, все так же разглаживая бакенбарды и зорко посматривая на меня.

Павел Александрович сейчас же составил здесь распоряжение о возможности открытия книжного склада и объявил его нам под расписку. Тогда я, поблагодарив его за это, обратился к нему с просьбой, чтобы он самолично, или во всяком случае, в его присутствии, снял печать со второго черного хода, без которого нам трудно обойтись. Он согласился, и мы торжественно, всей процессией, пошли по двору к черному ходу. На нас с любопытством смотрели жильцы, а наш милый латыш, засветив свечу, предложил прежде всего Александрову внимательно осмотреть печать. Печать была осмотрена, взглянул на нее и пристав, и после этого, при полной торжественной тишине, она была изъята.

— Вот, наконец-то, — сказал Ногин, облегченно вздохнув, — и этот ход открывается для нас. Как долго мы не могли им пользоваться!..

Околоточный из подпоручиков громко в это время жмыхнул носом и широко улыбнулся себе в воротник. Он, наверно, вспомнил, как еще недавно расправлялся с этой правительственной печатью, пинком ноги вышибая дверь и, таким образом, позорно разрывая государственные узы, наложенные на нас властями царского правительства.

Мы все вошли через черный ход в склад, и я вновь предложил Павлу Александровичу пройтись по всем комнатам. Он и все остальные пошли за нами. Наконец, он откланялся и уехал, и все полицейское начальство удалилось, а выходящему последним приставу мы сунули в руку пятьдесят рублей.

Итак, начальство ушло. Мы ликовали и решили на другой же день открыть торговлю, но прекрасно чувствовали, что за нами будет со стороны мстительного Статковского большой надзор.

На другой день мы принялись выполнять некоторые заказы. К нам опять стала ходить публика. Мы расширяли торговлю, а Д. Л. Бутовский прислал к нам своего инспектора для просмотра всех книг. Среди них почти не оказалось ни одной из конфискованных, кроме тех, которые мы нарочно оставили. И ядовитый С. В. Любимов, инспектор по типографиям и книжной торговле нашего района, очевидно помнивший нахлобучку Бутовского на обыске, неожиданно сказал мне:

— А ловко вы почистили склад! Что было и что стало! — Узнать нельзя...

Мы промолчали. И те, немногие, давно конфискованные книги, которые у нас нашлись, он опечатал и взял к себе на хранение, при чем в протоколе Любимов написал, что эти книги конфискованы недавно, во время закрытия склада, почему и не могут быть нам поставлены в вину.

Так закончился этот период следствия.

Мы, конечно, в то же время обратились в инспекцию по делам печати при петербургском градоначальстве с просьбой подтвердить

разрешение следователя открыть нам наш книжный склад для продолжения продажи книг. Бутовский сделал по этому поводу особое представление градоначальнику, сославшись на то, что судебные власти ничего против этого не имеют, и инспекция при градоначальнике разрешила нам вновь открыть нашу торговлю.

Мы возобновили наше дело, но не могли его так же широко развивать, как это было раньше, так как охранное отделение за нами сильно следило, да и положение легальной печати значительно ухудшилось за это время. Огромное число книг было изъято из обращения, а новых, нужных нам, выходило все меньше и меньше.

XXXII

Не раз вызывал нас на следствие следователь по особо важным делам Александров, желавший получить то те, то другие дополнительные сведения. Очень долго проверял он, через инспектора по делам печати, тот список, который мы ему вручили при окончательном его осмотре нашего склада. Инспекция отметила ему несколько книг, которые действительно были конфискованы, а все остальное нелегальное и изъятое из продажи — как уже читатель знает — безвозвратно для следствия исчезло из нашего центрального партийного магазина.

Когда он задал мне вопросы по поводу этих конфискованных книг, я, пользуясь каждым случаем, чтобы еще и еще затянуть дело, заявил ему, что в течение недельного срока постараюсь представить ему все исчерпывающие сведения по поводу их в письменной форме. Он на это согласился, а я отправился к главному инспектору по делам печати Бутовскому и просил его выдать мне официальную справку из градоначальства, что все эти книги конфискованы значительно поздней выхода их в свет и что в течение довольно долгого времени — приблизительно от двух до шести месяцев — они совершенно свободно продавались во всей России.

— С удовольствием выдам вам такую справку, — сказал мне Бутовский, — так как это сама истина. А чтобы строгое судебное начальство в этом отнюдь не сомневалось, я приложу вам официальный документ, который имеется у нас в нескольких экземплярах, напечатанный на мимеографе и который вскоре будет нами официально издан.

Тут я в первый раз увидел тот список конфискованной литературы, который потом разросся до целой книжечки и которой представляет собою, вместе с дополнениями к нему, в настоящее время библиографическую редкость, в высшей степени важный документ, свидетельствующий о бешеной реакции столыпинских времен, которая направила тогда свое ядовитое жало и против чуть-чуть отвоеванной первой революцией 1905 г. свободы печати. В этой официальной бумаге так было и написано черным по белому, что все те книги, которые у нас записаны в настоящее время как конфискованные, были вполне легальны до момента закрытия нашего склада.

Я еще протянул несколько дней, заявив по телефону Александрову, что бумага составляется в градоначальстве. Когда я явился к нему, представив официальный акт Бутовского с прошнурованным и скрепленным официальной печатью градоначальства списком конфискованных книг, то Александров сказал:

— Да, этот документ составлен совершенно правильно, и он имеет особо важное значение в вашем деле.

Он тотчас же стал сверять названия книг с теми, которые находились в нашем списке и, не найдя никакой разницы, утвердительно сказал:

— Сообщается здесь именно о тех книгах, которые нашлись у вас. Стало быть, — сделал он заключение, — вас обвинять в том, что эти книги находились в вашем магазине, нам не приходится. Когда вы там командовали, они были вполне легальны.

— Да ведь я об этом тысячу раз говорил Статковскому и всем другим жандармским ротмистрам, которые там сидели и делали обыск, а они все свое: „нелегальные и нелегальные, запрещенные и запрещенные!" Вот видите, как они все напутали! — добавил я. — Хорошо, что нам удалось перевести это дело в руки опытных судебных властей, — невольно посмеялся я над судебной инстанцией, — зная прекрасно, как этот ее „опыт" мы сильно ограничили.

Дело не было закончено, оно должно было слушаться в особом распорядительном заседании, где председательствовал Н. С. Крашенинников, безудержный враг всего прогрессивного движения и всех прогрессивных учреждений, метавший громы на каждого, кто только имел причастие не только к революционному, но даже к самому обыкновенному, умеренному либеральному движению, а потому мы знали, что здесь еще много- ного будет для нас всевозможных препон, препятствий и неожиданностей.

Я также знал, что есть одна очень крупная зацепка, за которую Крашенинников безусловно ухватится, это то, что наши собственные издания — издания книгоиздательства „Вперед" — за это время очень многие были конфискованы и, таким образом, за них нас вполне могли притянуть к ответу. Я долго ломал голову, как тут быть и что тут делать и, наконец, меня осенила мысль, что надо будет воспользоваться тем, что книгоиздательство „Вперед" существовало совершенно отдельно в хозяйственном смысле от книжного с к л а д а и магазина „Вперед", официальной владелицей которого являлась вдова дворянина Стефанида Адальбертовна Гербут-Гейбович. Книгоиздательство же „Вперед" не имело своего ответственного редактора, заявленного в градоначальстве, так как в то время это не требовалось еще правилами цензуры и печати. Вот я и решил сейчас же сочинить владельца книгоиздательства „Вперед", который являлся бы ответственным редактором-издателем, а, стало, быть совершенно ответственным за все конфискованные книги. Нужно было сделать так, чтобы он, этот фактический владелец издательства, продал все издания

„Вперед" владелице книжного склада „Вперед", т. е. той же Гербут-Гейбович, при чем в продажной сделке было бы совершенно точно указано, что именно он, этот фиктивный новый владелец, политически, судебно и административно ответствен перед правительством, как единственный редактор и издатель, за все вышедшие книги, со времени возникновения книгоиздательства „Вперед" по день совершения этого запродажного нотариального документа. Таким образом легализовалось бы пребывание книг издательства „Вперед" в помещении книжного склада и магазина „Вперед", где они, якобы ранее разгрома склада, были лишь только на комиссии у нас, т. е. у Гербут-Гейбович, от лица которой я действовал на основании полной ее доверенности. А вот теперь, благодаря разгрому склада и огромным убыткам, которые причинены и книжному складу и тем самым хозяину книгоиздательства „Вперед", книгоиздательство „Вперед" прекращает-де свою деятельность. А так как владелец его имеет долги и не знает куда деваться ему с книгами, то он и продает нам в книжный склад „Вперед" эти свои книги, потому что он нам должен, ибо мы его раньше кредитовали авансовыми суммами, которые он нам еще не покрыл. Этой сделкой, передавая нам товар, он желал покрыть окончательно свой долг нам. Само собой понятно, что Павлу Павловичу Нонину необходимо было сочинить конторскую запись на всю ту сумму, которую мы определим в нотариальной запродажной, чтобы книги вполне подтверждали документ. И это все было сделано немедленно, как только мы утвердились в мысли, что именно этот план нам необходимо во что бы то ни стало осуществить. Нам нужно было лишь найти такое третье лицо, которое взяло бы на себя полную ответственность, не только материальную, но и политическую перед судебными властями, в случае если книжки книгоиздательства „Вперед" будут конфискованы. Но кто должен стать владельцем того издательства, которое обязательно пойдет под суд? Никого подводить не хотелось. И вот, неожиданно ко мне в склад зашел Иосиф Романович Белопольский, наш старый товарищ по изданию марксистских книг в издательстве „Утро", организованном им и после соединившимся с нами. Издательство „Утро" работало для Партии по изданию многих книг, картин, открытых писем и др. т. п. произведений печати. Белопольский в последнее время постоянно бывал у нас, работал вместе с нами, и мы с ним обсуждали всевозможные проекты выпуска различных новинок, так как он очень любил это дело, хорошо понимал его и сам был прекрасным техником полиграфического искусства. Я рассказал ему свой план. Он задумался и на другой день пришел ко мне и заявил, что так как ему все равно придется на некоторое время уехать из Петербурга, ибо за ним послеживают, и часть книг, изданных им под фирмой „Утро", тоже конфискована, то он предлагает мне пойти с ним к нотариусу и совершить с ним сделку по продаже им Гербут-Гейбович, т. е. книжному

складу „Вперед“, всех изданий книгоиздательства „Вперед“ и, в особенности, всех конфискованных, при чем он явится к нотариусу с чужим паспортом, и таким образом мы, собственно говоря, заключим сделку не с ним, с Белопольским, а с „чужим паспортом“. Мне показалось, что эта идея прекрасна и вполне осуществима. Сейчас же я пошел к нашему верному товарищу того времени, присяжному поверенному Г. С. Турутину и конспиративно посоветовался с ним. Я знал, что он очень опытный юрист и обстоятельно обсудит все в целом. Когда я рассказал ему всю суть дела, он блеснул живыми, умными глазами, уставился на меня и захохотал.

— Да ведь это чорт знает что такое! — не мог уняться он, — ведь это блестяще! Вот что значит нелегальная публика. Нашему брату никогда и в голову не пришел бы такой смелый план. Надуть тут, в Петербурге, решительно всех: и охранное отделение, и нотариусов, и судебные власти, и следователя по особо важным делам, и отвести тяжелый удар, занесенный над головой целого ряда партийных товарищей, — и все это одним взмахом и, в конце концов, спасти центральную экспедицию Партии.

— А когда совершим эту сделку, — продолжал я свои пояснения, — то мы нашего дорогого хозяина книгоиздательства „Вперед“ господина Долгина — это имя нелегального паспорта Белопольского, — отметим в Восточную Сибирь, в какой-нибудь маленький городишко. Когда дело дойдет до суда, мне волей-неволей придется огорчить следователя по особо важным делам и доказать ему, что ни я и никто из нас, впередовцев, не ответствен за все книгоиздательство „Вперед“. А вот он — это третье лицо — этот милый Долгин, является действительным ответчиком по всему нашему издательству. И я представлю ему нотариальную копию с нашего подлинного акта и обязательно укажу ему точный адрес нашего друга Долгина, именно тот, где Иосиф Романович пропишется по этому паспорту. Вы понимаете, какая получится прекрасная картина? Долгина в Петербурге не найдут. Он будет там же официально отмечен в Восточную Сибирь и участковые справки, которые всенепременно получит Александров, заставят его переслать повестку о допросе Долгина в этот отдаленный угол нашей необъятной страны. Там, конечно, все местное начальство будет поставлено на ноги, чтобы розыскать, допросить, а может быть, и доставить злополучного Долгина к нам сюда, в столицу.

— Это чудесно! — вопил Турутин, покатываясь от смеха на диване. — Это чорт знает, что такое! Это просто невыносимо! Такого юридического казуса я не знаю во всей литературе. И все так просто, так гладко.

— И вот, представьте себе, что эти розыски на далекой окраине будут совершаться несколько месяцев — это несомненно. Затем результаты их будут пересылаться к нам сюда и, таким образом, мы одним взмахом, помимо юридической обоснованности, задержим дело еще минимум на полгода, а может быть, и на восемь месяцев

А, знаете, выиграть время на поле сражения в наши дни—это почти что выиграть само сражение.

— Замечательно! Это просто прекрасно,—говорил мне Турутин,—не зная, как нахвалиться придуманным нами планом.

— Только вот что,—сказал я Турутину,—итти к нотариусу, который лично меня хорошо знает, я не думаю. Надо итти к такому нотариусу, который лично меня совершенно не знает и также не знает и Белопольского и Долгина. В нотариальной книге нужно будет, чтобы записали, что он свидетельствует подписи лично ему неизвестных: Бонч-Бруевича и Долгина для того, чтобы следователь по особо важным делам не мог наложить лапу на нотариуса, засвидетельствовавшего подпись Долгина, как лично ему известного, но которого нигде никто разыскать не может.

— Это правильно,—насторожился Турутин,—это безусловно верно. Здесь юридически мы должны будем обдумать каждое слово, и я заранее напишу этот договор. И мы все дело устроим так, что я не буду выступать официально, а лишь только помогу вам оформить его. К нотариусу пойдем—к Барабанову. Вы с ним не знакомы? У него никаких дел не делали?

— Нет,—ответил я ему.

— Вот и прекрасно. А копии в каком угодно количестве вы, конечно, будете делать у того же вашего Нагурского.

Сказано—сделано. Я тотчас же составил список всех тех книг, которые у нас за это время были конфискованы, подбавил к ним картины, на которые также была наложена лапа цензурного комитета. А вся суть этого дела заключалась в третьем параграфе нашего договора, со всеми предосторожностями составленного Турутиным. Этот параграф гласил:

„Единственным ответственным редактором и издателем всех выпущенных под фирмой книгоиздательства „Вперед" за время с двадцать шестого апреля тысяча девятьсот шестого года по сей день изданий—являюсь я, А. Е. Долгин".

А этого заявления, по правилам и цензуры и инспекции печати, которые в то время существовали в думской России, было вполне достаточно, чтобы направить судебную или административную власть, для предъявления какого угодно взыскания за все конфискованные брошюры, только к ответственному редактору издательства и ни к кому другому. Даже авторы не были в то время ответственны перед судом за свои произведения. Их очень редко привлекали тогда к ответственности, а вот редакторов и издателей таскали к ответу постоянно. Вот если бы у нас не было ответственного редактора издательства, которого мы только-что сочинили, то тогда могло случиться, что авторы должны были бы сами отвечать за себя, как соиздатели. Другими словами, все те, кто перечислен был в этом длинном списке конфискованных книг, должны были бы сесть на скамью подсудимых и, вероятно, в тюрьму.

XXXIII

Приводим здесь целиком и полностью, без малейших сокращений этот исторический документ, который сохранился у меня в моем архиве.

„Тысяча девятьсот седьмого года февраля двадцать второго дня. Мы, нижеподписавшиеся, мещанин города Слуцка Антон Егорович Долгин, с одной стороны, и потомственный дворянин Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, действующий по доверенности владелицы книжного склада и магазина „Вперед“ вдовы дворянина Стефаниды Адальбертовны Гербут-Гейбович, явленной 3 января 1907 года у С.-Петербургского нотариуса Нагурского за № по реестру 51, — с другой, заключили настоящий договор в нижеследующем: 1) А. Е. Долгин единственный владелец книгоиздательства „Вперед“, продает С. А. Гербут-Гейбович право на все выпущенные им под фирмой „Книгоиздательство Вперед“ издания, а именно: 1) М. Ольминский. После одиночки. — 2) В. Величкина. Вильгельм Вейтлинг. — 3) Пельмелль. Среди военных. — 4) О. Давыдова. Два дня. — 5) М. М. Красная сотня. — 6) Кармен. За что? — 7) Кр-ов Программа занятий в кружке высшего типа. — 8) Паннэкэк. Раздел добычи. — 9) Что читать рабочему и крестьянину? — 10) Станислав (А. Вольский). Социализм и русская община. — 11) Международное социалистическое бюро о продолжительности рабочего дня. — 13) Евг. Яшнов. Голоса молодости. — 14) Богданов. Что такое либералы? — 15) Н. Ленин. Плеханов о тактике социалдемократов. — 16) Евг. Яшнов. В каменном городе. — 17) Краткий народный словарь. (Пособие при чтении газет и популярных политико-экономических брошюр). — 18) Г. Линдов Борьба за избирательное право во Франции. — 19) Викентьев. Как французы добывали себе свободу? — 20) Карл Каутский. Наука, жизнь и этика. — 21) М. Розен Очерки положения торговопромышленного пролетариата в России. — 22) Карл Каутский. Коммунистический манифест—плагиат.—23) М. Ольминский. Памяти погибших.—24) Карл Каутский. — Мангеймский партейтаг. — 25) С. Минин. Письмо к пролетарию (о программе партии социалистов-революционеров). — 26) Н. Ленин. Социал-демократия и избирательные соглашения. — 27) Н. Рожков. К к идет крестьянское движение в России? — Художественный отдел: Картины: Рабочий праздник 1 мая; Г. В. Плеханов. Бор ы за свободу (портреты Бакунина, Герцена, Огарева); Стачка углекопов. Вместе с правом на означенные издания Долгин продает С. А. Гербут-Гейбович и право их выпуска дальнейшими изданиями. 2) С. А. Гербут-Гейбович за приобретенные ею права на издания книгоиздательства „Вперед“ уплачивает А. Е. Долгину до подписания сего договора пятьсот рублей и принимает на себя уплату долгов книгоиздательства на сумму тысяча четыреста тридцать два рубля шестьдесят семь копеек, перечислен-

ных в особо составленном и подписанном нами обоими реестре. 3) Единственным ответственным редактором и издателем всех выпущенных под фирмой „Книгоиздательство Вперед“ за время с двадцать шестого апреля тысяча девятьсот шестого года по сей день изданий — являюсь я, А. Е. Долгин. 4) В случае заявления кем-либо прав на какое-либо из проданных мною, А. Е. Долгиным, С. А. Гербут-Гейбович изданий, я, А. Е. Долгин, обязуюсь возместить г-же Гербут-Гейбович все могущие возникнуть для нее убытки. Зачеркнуто „год“, исправлено: „другой“.

Потомственный дворянин Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич по доверенности вдовы дворянина Стефаниды Адальбертовны Гербут-Гейбович.

Мещанин г. Слуцка Антон Егорович Долгин.

Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что предстоящие подписи сделаны в присутствии моем, М. (не разобрано) Федоровича Барабанова, С.-Петербургского Нотариуса, в Конторе моей, Спасской части, по Михайловской ул. в д. № 2, потомственным дворянином Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем и мещанином города Слуцка Минской губернии, Антоном Егоровичем Долгиным, живущим 1-й — Рождественской части, по 4 улице № 36, а 2-й — Васильевской части по Среднему проспекту № 68, лично мне неизвестными, предъявившими в удостоверение своей самоличности за неимением свидетелей: Бонч-Бруевич — паспортную книжку, выданную Приставом Лесного участка С.-Петербургской Столичной Полиции 30 марта 1906 года за № 40 и Долгин — паспорт, выданный Слуцким Мещанским Старостою 2 мая 1906 года за № 369 1907 года, февраля 22 дня. По реестру № 1309.

М. П. Петербургский Нотариус М. БАРАБАНОВ.

С сего свидетельствована в Конторе С. Петербургского нотариуса М. Ф. Барабанова 22 февраля 1907 года по реестру № 1311 копия и выдана г.г. Бонч-Бруевичу и Долгину.

Нотариус М. Барабанов.

М. П.

С сего документа в конторе С. Петербургского Нотариуса Нагурского засвидетельствована верность 1 копии 1 декабря 1909 года и выдана по реестру за № 8366 г. Бонч-Бруевичу.

С сего документа в конторе С.-Петербургского Нотариуса Нагурского засвидетельствована верность 3 копий 6 сентября 1907 года и выдано по реестру за № 5980, 7982, 5984 г. Бонч-Бруевичу, тоже 11 сентября 1907 года за № 6136“.

22 февраля 1907 г. мы сошлись втроем у нотариуса Барабанова, который жил в Спасской части по Михайловской улице, в д. № 2. С. Г. Турутин заявил помощнику нотариуса, которого он знал, что вот его случайные клиенты пришли совершить запродажную, и он передал на чтение весь тот текст, который нами приведен выше. Сейчас же у нотариуса этот договор был переписан на машинке. Я предъявил свой паспорт и мою доверенность от Гербут-Гейбович, а Иосиф Романович Белопольский — паспорт мещанина города Слуцка, выданный на имя Антона Егоровича Долгина, который проживал в г. Петербурге, на Васильевском острове, по Среднему проспекту, д. № 68, о чем явствовала прописка на этом паспорте, сделанная некоторое время тому назад

в полиции. Сейчас же наша сделка была занесена в нотариальные книги нотариуса, при чем Турутину с трудом удалось настоять, чтобы вписалась в книгу фраза: „лично мне неизвестным", так как Турутина здесь знали все писцы и говорили, что это все равно, но он отшучивался от них и все-таки продиктовал в книге так, как ему было нужно. Само собой разумеется, что писцы нотариуса не могли ослушаться желáния присяжного поверенного, который совершал здесь эту сделку и именно в той форме, в которой находил нужным.

Мы еще раз предъявили наши паспорта при записи сделки в нотариальную книгу, и С.-Петербургский нотариус Барабанов подписал нам этот акт, приложив печать. Этот акт был оформлен в двух экземплярах и выдан на руки как мне, так и Долгину. Мы сейчас же из конторы ушли. Белопольский-Долгин уничтожил свой экземпляр, сжегши его у нас в конторе в печке, а я этот документ хранил у себя, как зеницу ока.

Дальше пошло как по писаному: Долгин уехал из своей квартиры и отметился в какую-то отдаленную, мало населенную местность Восточной Сибири, куда надо было ехать на лошадях от какого-то города тысячи две верст. Мы крепко пожали друг другу руки, и я долгое время звал Иосифа Романовича Белопольского мистером Долгиным. Паспорт Долгина был тут же сожжен в печке.

XXXIV

Долгое время продолжалось следствие по делу нашего центрального книжного склада „Вперед". Александров не спешил: он затребовал от нас копии копировальных книг, мы переписывали их больше месяца. Он еще и еще требовал от нас всяких бумаг, и дело наше пухло, достигая огромных размеров. Мы употребили решительно все меры, чтобы затянуть его, а так как я был обязан подпиской о невыезде, то, когда наступило лето, я предъявил следователю врачебное свидетельство о болезни, где говорилось, что я должен обязательно выехать на отдых на несколько месяцев. Он не протестовал, и я якобы уехал из Петербурга на июнь, июль и август 1907 г. На самом деле я никуда не уезжал, лишь только по праздникам отлучался на дачу к своей семье, в ближайшую Финляндию, в местечко Териоки. В эти месяцы он не вызывал меня, как временно выехавшего из Петербурга. У нас в это время заканчивался срок аренды на помещение книжного склада, и управляющий домом решительно и категорически отказался продолжить наш договор, заявляя, что с нами столько хлопот, что он никогда, отродясь, не знал, что могут быть более беспокойные жильцы, чем мы.

— Какие же это хлопоты? — удивленно спросил я его.

— А, батюшка! — вспылил он, — вы бы только знали, как меня мучают из-за вас. Почти ежедневно приходят ко мне то от охранного отделения, то из местной полиции, то от градоначальника, то от инспектора по делам печати. И все требуют от меня справок и о вас и о том, кто у вас там живет, кто бывает, как будто бы я сам нахожусь в вашем деле. Я пробовал возражать, но на меня кричат, и я так рад, что, наконец, вы избавите меня от себя и от вашего книжного магазина.

Я понял, что с этим человеком мне не о чем больше говорить, и мы условились, что в течение двух месяцев наш книжный склад переедет.

Мы сняли прекрасное помещение под книжный склад на соседней улице, идущей дальше за Караванной. Старший дворник этого дома, черносотенный старик, жадный до денег, не хотел нас пускать к себе в дом, так как он слышал об обыске в нашем магазине, но нам удалось его убедить, положив ему месячное вознагражде-

ние в 15 рублей. Мы переехали. Очень хорошо устроились в новом помещении. Только в сентябре месяце я был вызван Александровым на новый допрос, при чем здесь он впервые специально, наконец, задал мне вопрос, по поводу книгоиздательства „Вперед". Я заявил ему, что ни я, ни моя доверительница Гербут-Гейбович и никто другой из работающих у нас никакого, самого малейшего отношения к этому издательству не имеют и не имели.

— Но, позвольте, — спросил он меня, — ведь эти издания все находятся у вас, они даже представлены вами в вашем списке?

— Совершенно верно, — ответил я ему. — Они так же находились у нас на комиссии, как и весь остальной товар. Мы не имеем средств покупать за наличный расчет и решительно со всеми ведем комиссионные дела.

— Стало-быть, вам известно, от кого вы получили эти книги?

— Конечно, известно,—ответил я.

— Так бы вы и сказали!

— Но вы у меня этого не спрашивали,—ответил я ему.

— Так кому же принадлежат эти книги издательства „Вперед"?

— Они принадлежат Антону Егоровичу Долгину,—без запинки ответил я ему.—Он совершенно разорился благодаря тому, что передал все свои издания к нам на комиссию, а наш склад был, как вы знаете, расшырен, подмочен, закрыт, и он, бедняга, не мог торговать своим товаром и лопнул. Более того, он остался довольно много, около полуторы тысячи рублей должен нам, так как мы авансировали его под его товар, который теперь не идет, да к тому же отчасти и конфискован,—сказал я, опережая следователя, который несомненно имел в виду меня этим огорошить.

— А где находится Долгин?

— Где он находится сейчас, мне неизвестно. Я давно его не видел. Наверное он ездит где-нибудь по провинции по своим делам, так как, слышно, он теперь занят распространением чужих изданий, как агент-комиссионер [1]. Это его, кажется, единственный заработок. Я его еще не видел этой зимой, но ранее он не однажды к нам заходил в книжный склад за учинением расчета.

— Когда вы его видели в последний раз?

Я подумал, что если сказать недавно, то тогда отметка в Сибирь выйдет неправдоподобной, а потому сказал:

— Как-будто в феврале или в марте...

Александров все это подробно записал в протокол.

— А не можете ли вы указать мне его последний адрес?

— Конечно, могу.

---

[1] И. Р. Белопольский вместе с женой в это время жил за пределами досягаемости, именно в Финляндии, куда он уехал через несколько дней после совершения сделки. Поселился он сначала под Выборгом в деревушке Саунлахта, где и прожил безвыездно около полугода. Впоследствии Белопольский переехал ближе к Петербургу, по Финляндской ж. д. на станцию Куокалла, откуда он иногда наезжал в Петербург. К концу 1908 года он рискнул прописаться в Петербурге по своему постоянному паспорту и жил в дальнейшем вполне легально.

— А также мне необходимо знать, чем вы можете доказать, что это однозвучное с названием вашего склада,—книгоиздательство „Вперед"—ведь оно также называется—и ваш книжный склад тоже „Вперед"—не одно и то же? Я вижу, что вот в этом-то вся и путаница: все убеждены, что книгоиздательсто „Вперед" и книжный склад и магазин „Вперед", это одно и то же.

— Что вы, что вы?—удивленно сказал я.—Наш книжный склад и магазин „Вперед" возник значительно ранее книгоиздательства. А это потом, когда Долгин стал издавать книги, он и решил назвать свое книгоиздательство тоже „Вперед", так как мы с ним столковались принять его издания к нам на комиссию. Вот именно в этом-то и дело,—сказал я утвердительно Александрову.—А что касается официальных документов, я, конечно, могу вам их представить, они хранятся у меня в конторе. Разрешите мне у вас через несколько дней быть, я сниму нотариальную копию с документов и все вам их представлю.

— Прекрасно,—ответил Александров.—Это очень хорошо и правильно.

И мы условились через несколько дней встретиться. Я понял, что наступает решительная и, может быть, последняя минута нашего дела, которое после этого должно будет пойти так или иначе.

9 сентября 1907 г. я пошел к моему постоянному нотариусу Нагурскому и попросил его снять мне три копии с того документа, который мы сделали с Долгиным у нотариуса Барабанова. Копии были сделаны и засвидетельствованы у моего постоянного нотариуса, из которых одну я представил следователю по особо важным делам, одну передал владелице книжного склада и магазина „Вперед" Ге бут Гейбович, боясь, что могут и ее вызвать на допрос, а третью П. П. Ногину, которого также могли обвинять по делу книгоиздательства „Вперед", а четвертую, сделанную мною 11 сентября 1907 г., я передал Степану Григорьевичу Турутину, которую он хотел сохранить в своих делах, как „изумительный юридический казус",—так аттестовал он эту нашу сделку. В назначенный день—это было что-то около 15 сентября 1907 г.—я отправился в камеру следователя по особо важным делам П. А. Александрова и представил ему официальную копию запродажной. На всякий случай я захватил с собой и подлинник. Так и случилось — он пожелал посмотреть подлинник, который я ему сейчас же представил, и он самолично подчеркнул мне синим карандашом 3-й пункт, который я привел выше. Кроме того, этот пункт он отметил также на левом поле синей перпендикулярной чертой. Этот нотариальный акт Александров читал с особым вниманием.

— Да, вот именно этот 3-й параграф вас совершенно обеспеляет и вы можете считать ваше дело законченным, как бы долго оно ни ходило еще по судебным местам.— Он тут же увидел карандашную надпись как моего адреса, так и адреса Долгина, сделанную, очевидно, у нотариуса и сейчас же его списал себе. Задав мне еще несколько маленьких вопросов, пожелав узнать от меня

внешний облик Долгина, который я сейчас же с удовольствием рассказал, так как знал, что к этому времени уже давным-давно Белопольский уничтожил паспорт Долгина, с которым мы заключили сделку, и что найти того Долгина, который был у нотариуса Барабанова, вряд ли когда-либо представится возможным. Александров отпустил меня с миром, и с этих пор началась удивительная метаморфоза в этом деле, как я и ожидал, и что после читал сам в деле. Александров через несколько дней направил повестку к Долгину, вызывая его к себе в камеру. На повестке через недельку получилась полицейская надпись „выбыл туда-то". Тогда следующая повестка направилась в это небольшое селение или захудалый городок—местожительство А. Е. Долгина в Восточной Сибири.

— А почему это Долгин так далеко уехал из Петербурга?— как-то спросил следователь Александров, подозрительно посматривая на меня.

— Право, не знаю,—как сказать, может быть, от долгов сбежал, а может быть... Знаете, ведь он — агент, разъезжает повсюду, по всей России, а там в Сибири, как он говорил нам, живут его близкие родственники; ведь он сам сын ссыльного еще по польскому восстанию, там и родился где-то далеко в Сибири.

— Так вот оно что. Это понятно!—полудоверчиво ответил мне Александров, и на этом разговор наш прикончился.

Когда я через два года обозревал наше дело, принявшее совершенно невероятные огромные объемы и размеры, то я видел, как повестка эта блуждала по Сибири, как Долгина в этом отдаленном местечке разыскивали, как его нигде не нашли, как послали оттуда в уездный, а потом в губернский город, искали его там и еще где-то, и эта повестка вернулась обратно к Александрову почти через год, вся увешанная приклеечками, справочками, и пестрела надписями от всевозможных служебных мест и учреждений. В последний раз по делу разыскания Долгина вызвали в охранное отделение хозяина квартиры, где когда-то проживал и откуда отметился в Сибирь Долгин,—приятеля Белопольского—Катаурова. Это было уже в 1912 г., когда наше дело давно было прекращено, а охранка продолжала его раскапывать и раскапывать. Так, очевидно, были они уязвлены и задеты своим полным провалом в этом сложном деле. Так как Долгина, этого главного виновника всего нашего дела, не нашли, то, само собой понятно, и все наше дело должны были прекратить.

XXXV

Так думал Александров, которому, повидимому, до крайности надоело это дело, но не так гадал председатель судебной палаты Н. С. Крашенинников, который верхним чутьем собаки-ищейки чувствовал, что здесь что-то не то. Когда это дело пошло к нему на последнее заключение, он все-таки назначил его к доследованию и передал другому следователю по особо важным делам. Когда этот другой следователь, фамилии которого сейчас не помню, вызвал меня к себе, то прежде всего сказал:

— Скажите, пожалуйста, что же это за дело такое: началось оно в 1906 г., а теперь 1909, и никак не могут его закончить?

— Да я и сам не знаю,—ответил я ему наивно.—Вот так тащат это дело черепашьим шагом, а почему—неизвестно. А магазина „Вперед" давным-давно уже нет.

— Как магазина уж нет?

— Мы его закрыли еще в 1907 г. за полной невыгодностью дела,—сказал я ему.

На самом деле, конечно, не мы его закрыли, а нас закрыли, так как на новой квартире, куда мы переехали и где у нас великолепно закипела огромнейшая работа, к нам через некоторое время опять явились с обыском, правда, весьма поверхностным, и тут же объявили, что по постановлению особого совещания при градоначальнике наш книжный склад и магазин решено закрыть навсегда. Инспектор Тихонович, который приходил нам это объявить, сказал, что теперь сделать ничего нельзя, так как мы попали в черный список книжных складов и магазинов, которые считаются департаментом полиции весьма подозрительными и беспокойными, что по этому поводу был особый доклад министру внутренних дел Столыпину и что через особое совещание у градоначальника прикрыли все магазины и склады, занесенные в этот список. И действительно, в Петербурге в это время закрыто было десятка два книжных складов и магазинов, которые были неугодны министру внутренних дел и его клевретам. А Государственная дума в это время продолжала расточать свои кадетские и октябристские словеса о достигнутых свободах, о новых законах, определяющих свободу печати и всякую иную тому подобную деятельность.

Мы прекрасно поняли, что действительно нам не удастся больше иметь легальное издательство, которое возникло в бурные дни первой революции 1905 г. и, посоветовавшись между собой, решили ликвидировать все дело, частью распродав как можно скорей все книги, чтобы их опять не конфисковали, частью разослав по организациям, частью сдав на комиссию в те магазины, которые еще остались. В течение двух-трех месяцев мы закончили главнейшую ликвидацию нашего дела. Остатки книг я временно перевез на Херсонскую улицу, дом № 3, где снял две комнаты и где местная полиция три раза произвела у меня обыск. Нам необходимо было расплатиться с некоторыми пайщиками, которые были из среды наших товарищей: Михаил Левин, который отсидел предварительно больше года в тюрьме по какому-то делу, решил эмигрировать совершенно из России и собирался уехать в Австралию со своей семьей. Мы были должны отдать ему деньги около 1.800 рублей. Ныне покойный Александр Петрович Пушторский — наш близкий друг, товарищ-партиец, социалдемократ-большевик, так пристально и великолепно работавший в нашем складе „Вперед", внес в наше издательство свои деньги, которые у него были в качестве небольшого собственного сбережения и его друзей, всего три тысячи рублей. И, кроме того, мы еще были должны целому ряду типографов, а именно: Лурье, Лундорфу и другим, которые очень сильно пострадали за наши издания, печатавшиеся у них под другими фирмами. Правда, за риск пострадать и пережить за них неприятности они ставили нам цены за набор, печать и брошюровку значительно более дорогие, чем всем остальным, вполне легальным книгоиздательствам.

На совещании с Никитичем (Красиным) мы подсчитали, что нужно сейчас же, немедленно, нам заплатить около 12 тысяч рублей. Мы знали, что после продажи наших книг мы получим некоторые суммы обратно и, таким образом, отчасти пополним нашу центральную кассу. В это время многие из нас летом жили в Териоках, в Финляндии. Никитич нередко заезжал ко мне на дачу, где у меня в это время собирался Петербургский комитет нашей Партии, и несколько раз к нам из Куоккало приезжал Владимир Ильич вместе с Надеждой Константиновной. Мы жили в Териоках на даче зубного врача Улановского, направо от железной дороги, довольно уединенно, в лесу, где было очень мало жителей, и здесь наши собрания проходили совершенно незамеченными. Немного далее в Териоках жил А. М. Горький, вместе с М. А. Андреевой, которой грозил процесс за газету „Новая жизнь". И она и Алексей Максимович в это время больше не въезжали в Петербург, где ожидали обыска на их квартире и ареста. Отсюда, из Териок, они в том же году поехали дальше в Финляндию, а оттуда за границу. У Алексея Максимовича мы также нередко собирались.

XXXVI

Однажды к нам на дачу приехал на прекрасной финской лошадке Никитич (Л. Б. Красин). Он любил мою маленькую дочку Леленьку и не забывал привозить ей коробки конфет или какую-нибудь замысловатую игрушку. Надо было видеть, как этот высокий, стройный, изящный, красивый инженер, пристально, забавно и интересно играл с детьми, которые всегда набегали к нему, радуясь его приезду. И он бегал с ними вперегонки, играл в серсо, катал обруч, заводил замысловатые игрушки-машины, прыгающих собак, зайцев, лазящих обезьян и пр. т. п. детские сокровища. Он не только занимал детей, смешил и радовался с ними, но каждому, кто в соревновании достигал совершенства, вынимал то из одного, то из другого кармана прекрасные барбарисовые длинные леденцы, презентовывал их победителю, а чтобы не было обидно тем, кто остался за флагом во время состязания, он тут же оделял всех других всевозможными конфетами, которые у него, как из рога изобилия, сыпались из всех карманов.

— А знаете, Владимир Дмитриевич, мы расплатимся со всеми нашими кредиторами по „Вперед“. Только нельзя ли сделать так, чтобы те, которым вы будете платить деньги, не очень бы сами расплачивались ими здесь в Петербурге,—неожидано сказал мне Красин, когда мы на открытой веранде пили с ним чай.

Я насторожился. Он пристально посмотрел на меня. Я сразу догадался, что это те деньги, которые поступили в кассу большевистского Ц. К. партии от той лихой экспроприации, которая была произведена на Кавказе безумно храбрым и отчаянным Камо[1]. Это были те деньги, о которых так много и горячо спорили: брать ли их нам или не брать? Так как революция нуждалась в средствах, так как эти деньги были взяты не у каких-либо частных лиц, а были экспроприированы непосредственно в государственном казначействе, то было решено ими воспользоваться для дела революции.

— Кому из ваших должников нужно скорей всего отдать деньги?

Я сказал, что надо сейчас же расплатиться с Михаилом Ивановичем Левиным и А. П. Пушторским.

---

[1] Это партийная кличка нашего товарища С. А. Тер-Петросяна, который умер 17 июля 1922 г.

— Ну, вот и прекрасно. Пусторскому передайте вот эти три тысячи рублей.—И он вынул мне из бокового кармана три ровно завязанные, заклеенные, надписанные и заштемпелеванные, толстенькие пачки трехрублевок, которые я, так же, как и он, отправил в боковой карман.—А вот эти деньги,—тысячу весемьсот рублей отдайте Михаилу. Эти деньги не опасны, так как нам хорошо известно, что номера их не объявлены, только пятисотенные неприятны, так как номера их разосланы по всем кредитным учреждениям.

На другой день я был в Петербурге и вручил обоим товарищам деньги, полученные мною от кассира нашего Ц. К. партии. Я знал, что Пусторский на этих днях уезжал к себе в глушь, в Новгородскую губернию, откуда он был родом, и что ему придется, как он говорил мне, часть этих денег отдать здесь тем, у кого он брал взаймы, а часть постепенно тратить на прожитие. Он уехал, и никаких инцидентов с ним не произошло. Также вручил я М. И. Левину причитающуюся ему сумму. М. И. Левин, задержанный после по делу военной организации, по которому были арестованы также Попов-Свиягин, „Нина" и другие, был по суду приговорен к 4 годам крепости с зачетом предварительного заключения, отсидел свой срок, потом жил в провинции, от партийной работы отошел. В настоящее время живет в Ленинграде и работает по кооперативной линии; в партии не состоит.

Через несколько дней Никитич также расплатился по всем счетам, которые я представил ему от типографий. Он так же вынимал аккуратно завязанные трешни, пятерки и десятки, но по преимуществу трешни, и эти деньги быстро разошлись по карманам обывателя, не причинив никому никакого вреда.

Так за те бедствия, которые нанесло нам и нашей организации самодержавное правительство, отчасти расплатилось оно собственными рублями, экспроприированными из его государственного казначейства геройски смелыми нашими кавказскими товарищами.

XXXVII

Мы успешно ликвидировали наш склад и только небольшую часть книг мне не удалось никуда устроить, и я должен был, как уже указывал, снять на Песках, на Херсонской улице, д. № 3, отдельные две комнаты, куда я и свез эти книги. Они долго причиняли мне очень много беспокойства, так как я не мог скрыть от местной полицейской власти, чье это книжное имущество лежит там и при каждой конфискации книг,— а их совершалось все больше и больше,— местный пристав, отвратительный, дрянной и придирчивый человек, всегда доставлял себе большое удовольствие приходить ко мне на квартиру по Херсонской, № 1, делать у меня обыск по случаю этих книг, и, когда я говорил ему:

— Вы же знаете, что книги у меня на квартире не сохраняются, а находятся в соседнем доме, в той квартире, о которой я вам заявил,—то он, нахально улыбаясь, всегда приговаривая тоненьким, писклявым голоском:

— А почем я знаю, может быть, вы какую-нибудь пачку перенесли оттуда сюда... Я ваш склад не сторожу...

Но так как никогда он ничего у меня не находил и так как ему, очевидно, надоело рыться в наших книгах на квартире дома № 3, где они лежали в хаотическом беспорядке, то я условился, что передам ему список всех книг, и если из них какие будут конфискованы, то он просто сообщит мне номер по этому моему списку, и я обязуюсь, если до этого времени эти книги не будут проданы, сейчас же доставить их ему в участок. Я решил как можно скорей избавиться от этого давившего меня и причинявшего столько хлопот имущества. Большую часть я распродал по дешевке, тем более, что и срок ликвидации, который мне дало градоначальство, подходил уже к концу. Все оставшееся имущество я передал в склад, который пытался организовать А. А. Беляков при типографии „Дело“, за заведывание которого взялся было наш товарищ, студент технологического института Вл. Ник. Ксандров. Дело у него не пошло, и имущество всего этого нового весьма маленького склада, помещавшегося на втором дворе одного из грязных петербургских домов, перевезли в новый склад, которым заведывали наш старый товарищ „Пчела“, он же Рябков, недавно умерший в Москве. Эта новая попытка была вскоре прекращена полицией. Рябков был арестован

и выслан. Значительную часть книг из этого последнего нашего склада,— как ранее из нашего „Вперед“,—мы отправили на хранение в склад „Безопасность“, принадлежавший промышленнику Цейтлину и находившийся далеко за Московской заставой, где нами было снято помещение. Там эти книги пролежали до 1917 г. После Февральской революции, когда мы принялись налаживать наш партийный аппарат, я напомнил Петроградскому комитету, что в складах „Безопасность“, лежит много наших партийных изданий. Оттуда во дворец Кшесинской, где помещался в то время Петроградский комитет, были перевезены все остатки наших книг книгоиздательства „Вперед“ и других фирм, нами в свое время придуманных для издания наших журналов и брошюр, а также все то, что не было нами тогда распродано и что там так долго залежалось. И этот книжный инвентарь мы быстро распределили среди петроградских рабочих.

XXXVIII

Еще остается мне сказать несколько слов о судьбе нашего судебного дела. Когда новый следователь пересмотрел все документы, то он почему-то не нашел той копии с условия с Долгиным, которую я в свое время передал П. А. Александрову. Новый следователь мне при этом сказал, что он видит из дела, что был какой-то документ, — я сейчас же догадался какой именно, — и что его нет в деле, что он куда-то исчез.

Одно время этот новый следователь даже заподозрил меня в том, что не я ли вынул его из дела? Я расхохотался.

— Зачем же я буду вынимать из дела те документы, которые прямым образом восстанавливают мое алиби? — сказал я ему, удивленно смотря ему в глаза.

Он понял, смутился и сказал, что надо немедленно запросить Александрова. Я предложил ему, что я сейчас же схожу в камеру к Александрову и спрошу у него. Александров в это время был в опале. У него были какие-то крупные нелады с Крашенинниковым. Он всегда держал себя очень самостоятельно, а Крашенинников не любил самостоятельных следователей.

Когда я обратился к Александрову и объяснил ему, в чем дело, он тотчас же написал записку, что он прекрасно помнит, что этот документ был, что он изумляется, каким образом он мог исчезнуть из дела, и закончил тем, что он предлагает сейчас же запросить у В. Д. Бонч-Бруевича копию этого же документа.

Александров при этой моей новой с ним встрече в высшей степени резко отозвался о действиях Крашенинникова, который, по его мнению, нарушил все основания судебных уставов и, прощаясь со мной, пожелал мне, чтобы я как можно скорей перестал тревожиться по этому делу.

Когда я пришел к моему новому следователю и предъявил ему записку Александрова, то тот спросил меня, могу ли я представить ему копии этого документа?

— Конечно, могу, — сказал я ему. И мы условились, что через несколько дней я представлю ему нотариальную копию неизвестно куда пропавшего из дела документа.

Я полагаю, что это было дело рук какого-нибудь охранника, который, просматривая следственный материал для своих целей, вероятно, стянул этот документ, предполагая, что у меня не найдется

ни подлинника, ни копии. Добавлю, что я предусмотрительно, еще довольно давно до этого случая, подлинник этого документа отвез к Александру Викторовичу Тимофееву, к тому самому лейб-медику, который взял меня на поруки, и объяснил ему, что я прошу его этот документ сохранить, так как возможно, что на каком-нибудь обыске у меня его выкрадут, и тем самым уничтожат все главнейшие доказательства и основания моей невиновности по делу „Вперед".

— Это, очевидно, ваша хартия вольности, — пошутил Александр Викторович. — Будьте уверены, что я сохраню его в своей несгораемой шкатулке, и, если потребуется, сам предоставлю с него копии везде, где только будет нужно.

Я съездил к Тимофееву и хотел взять подлинник документа, объяснив ему, для чего я это делаю.

— Нет, я вам его не дам, — сказал настойчиво Александр Викторович, — теперь он мой, до тех пор, пока ваше дело не будет совершенно прекращено. Вот тут-то вас и схватят, как от меня пойдете, и документ совершенно уничтожат. Я предлагаю вам поехать вместе со мной. Мы заедем к тому нотариусу, к какому вы хотите. Предъявим его. Нам сделают копию. Вы копию к себе в карман, а я подлинник к себе в карман. — У меня, — его высокопревосходительства, лейб-медика его величества, — выкрасть им документа не удастся, у них еще руки для этого коротки. — И он злобно, презрительно засмеялся.

Александр Викторович Тимофеев был очень оригинальный человек. Его миросозерцание близко подходило к мирно-анархическому. Он всегда увлекался Кропоткиным и, хотя вращался в высокоаристократическом и бюрократическом мире, но относился ко всем высокопоставленным чиновникам, а тем более к деятелям охранного отделения и департамента полиции, с полным и величайшим презрением. Он очень легко и от всего сердца всегда помогал революционерам всем, чем только мог им помочь. И эта заслуга его огромна и велика перед нашим освободительным движением. В самые темные дни реакции столыпинского времени, когда сам Столыпин, этот величайший сановный негодяй, только и знал, что хвалился своим „столыпинским галстуком", как метко назвал петлю виселицы кадетский депутат Родичев в пылу одной из своих думских речей. А. В. Тимофеев имел мужество неустанно хлопотать о политических, облегчая их участь.

Мы съездили к нотариусу Нагурскому, и я 1 декабря 1909 г. еще снял одну копию, которую в тот же день представил новому следователю по особо важным делам. Он прочел со вниманием этот документ и сразу понял, что, действительно, все дело в Долгине, ответственность на котором лежит полностью.

Проканителив еще несколько месяцев это дело, он все-таки вынужден был опять подать его на заключение в распорядительное заседание судебной палаты.

На наше счастье Н. С. Крашенинников заболел и довольно серьезно. Вместо него должен был председательствовать А. И. Руадзе, со-

вершенно иной человек, который никогда не чинил подобных препятствий, как это делал с особым смаком и сладострастием Крашенинников, и который меня знал как по процессу журнала „Наша мысль", так и по аресту моей книги „Избранные произведения русской поэзии" (третье издание), вышедшей в 1908 г. в типографии М. М. Стасюлевича. Он предложил мне удалить из моего широко известного сборника ряд стихотворений, но значительно меньше, чем этого требовала цензура. Предложил также перепечатать обложку и так как конфискованная книга будто бы не получила распространения, что было на самом деле неверно, судебное следствие против меня прекратил в распорядительном заседании судебной палаты.

Как мне стало известно, П. А. Александров тоже пришел на это заседание, пожелав присутствовать на докладе нового следователя по особо важным делам и произнес там горячую реплику по поводу изумительно долго тянувшегося следствия по совершенно неизвестным причинам, несмотря на то, что он исчерпал все для того, чтобы найти виновного. Виновный найден, но не разыскан.

Так как прошло от начала дела три года, то распорядительное заседание судебной палаты решило это дело центрального книжного склада, магазина и книгоиздательства „Вперед", направленное против меня и Ногина, так же как и против 22 товарищей—авторов конфискованных книг, прекратить, оставив его за слуцким мещанином Антоном Егоровичем Долгиным, которого, как мы знаем, еще долго искали, вплоть до 1912 г.

Таким образом случилось то, что и требовалось доказать: мы, старые конспираторы, революционеры, социал-демократы-большевики, разбили в пух и в прах следствие охранного отделения и жандармского управления, уничтожили все, что могло дать возможность нас обвинить судебной власти и, понемножку и помаленьку, спустили это дело на тормозах, примкнув его к чужому паспорту неизвестного нам добродетельного гражданина Антона Егоровича Долгина, которого мы от всего сердца вспоминаем самым лучшим образом, заочно благодарим и до сих пор поем ему славу.

Всеми своими действиями мы оставили в полной неприкосновенности целый ряд наших ответственнейших партийных товарищей, которые могли бы жестоко по тому времени пострадать за брошюры и книжки, ими написанные, а мы — за редакцию и за распространение конфискованной и нелегальной литературы, которая была нами спасена и распространена среди пролетарских масс.

Таким образом, дело „Вперед" в начале 1910 г., кажется в феврале или в марте, было окончательно прекращено и стало достоянием архивов и истории.

XXXIX

История нашего центрального книжного склада „Вперед“ была бы не полна, если бы мы, хотя вкратце, не познакомили наших читателей с нелегальной газетой „Казарма“, редакция большинства номеров которой находилась у нас и где постоянно собирались ее сотрудники и распространители. Наша партийная книгораспространительская организация, работавшая под названием—книжный склад и магазин „Вперед“, эта наша центральная партийная экспедиция того времени, много потрудилась в деле распространения газеты „Казармы“, принимала прямое участие в частичной перевозке ее номеров и матриц из Финляндии, при чем это были почти единственные транспорты, благополучно достигшие своего назначения. Огромное число экземпляров „Казармы“, иногда нелегально печатавшейся в нашей партийной типографии „Дело“, поступало в наше ведение, и мы успешно распространяли эту нашу боевую газету везде и всюду.

Мы полагаем, что в виду всех этих обстоятельств, вполне уместно дать нам здесь краткий очерк об этой газете и ее организационных началах.

* * *

Редакция нелегальной газеты „Казарма“, издававшейся военной организацией нашей Партии, находилась у нас в нашем книжном складе „Вперед“. По своему содержанию газета „Казарма“ целиком и полностью предназначалась для солдат и матросов. Статьи в ней писались популярным языком, затрагивались более всего вопросы самой насущной надобности из быта казарм. На злободневные политические события сейчас же отвечали специальными статьями. Газета эта набиралась в Выборге по материалам, которые мы доставляли из нашей нелегальной редакции на нашу конспиративную квартиру в Финляндии в местечке Териоки, во главе которой стоял один из помощников Л. Б. Красина, тов. Вайнштейн, носивший кличку „Калоша“. Эти материалы оттуда пересылались дальше для набора в типографию, находившуюся в Выборге. Газета иногда печаталась целиком и полностью в Выборге и нелегально доставлялась в Россию. В нескольких же случаях нам удавалось

переправить в Россию матрицы с набора и напечатать эту газету в петербургской легальной типографии нашей Партии „Дело". Самая военная организация при газете, как и все военные петербургские организации того времени, не была достаточно проверена, и в ней с первых же шагов несомненно присутствовали провокаторы, которые принесли много вреда. Странно было видеть, что переправка газеты из Финляндии в Петербург была по большей части неудачна. Раз за разом транспорты, которые должны были переходить через финляндскую границу, проваливались и их арестовывали, хотя условия для транспортировки литературы здесь были более легкие, чем, например, на западной границе царской России. Обстоятельства провалов транспортов, нам, старым конспираторам, хорошо знавшим это дело, казались весьма подозрительными. Не однажды приходилось говорить, что надо обратить сугубое внимание на транспортную группу на финляндской границе, так как без провокации нельзя было объяснить все те провалы, которые там совершались. Проваливались не только транспорты литературы, но и матрицы, что было совсем плохо, так как это давало руководящую нить охранному отделению искать типографию в Петербурге, для которой эти матрицы предназначались.

Те номера „Казармы", которые удалось напечатать по удачно провезенным матрицам из Финляндии, каждый раз были доставлены случайными людьми, не вошедшими в военную организацию, мобилизованными на это дело нашим „Вперед". Это ясно показывало, что перевозить матрицы вполне было возможно. Эти номера были напечатаны в довольно значительном количестве на ротационных машинах нашей типографии и, несмотря на то, что в типографии было много народа и, конечно, среди наборщиков и других мастеров были лица нам неизвестные и отнюдь не партийные, все-таки конспиративная работа там велась настолько хорошо, что ни разу полиции не удалось нагрянуть в момент печатания нелегальной литературы или во время вывозки ее оттуда. Каждый раз как газету „Казарма", так и другие издания нашей Партии нам удавалось вывезти целиком и полностью из типографии и распространить среди широких масс при помощи нашего книжного склада „Вперед".

Я не могу сказать, что дело редакции „Казарма" в помещении нашего книжного склада велось вполне толково и достаточно конспиративно. Нередко мне после того, как все разойдутся, приходилось находить и на столе и на соседнем подоконнике и на полу записочки, бумажки, корреспонденции, отрывки из статей, предназначенных для „Казармы" и брошенных тут же после правки их. Само собой понятно, что это было совершенно недопустимо. Но тогда конспиративный аппарат стал уже расхлябываться. Сколько раз я ни поднимал скандал по поводу неправильных действий товарищей, которые этим делом занимались, я никакого реального успеха не имел. Я все так же продолжал находить материалы редакции „Казарма" брошенными в корзинку, на пол и т. д.

Я всегда подозревал, что среди служащих магазина могут быть шпионы или осведомители, что впоследствии и оказалось.

Тогда в наши ряды стало уже проникать разлагающее начало той кажущейся свободы, которою мы все чуть-чуть вдохнули после революции 1905 года и которая сейчас же почти исчезла, как только наступила правительственная столыпинская реакция. А вот войти вновь в конспиративное русло многим нашим товарищам и не хотелось и было трудно. И это была одна из причин, почему наши организации того времени так скоро лопались, попадались на удочку охранного отделения, садились в тюрьму и ссылались на поселения.

XL

В газете „Казарма“ я принимал небольшое участие, редактируя некоторые статьи и заметки, доставляя кое-какой материал, который попадал ко мне и который был подходящ именно для этой газеты, и однажды написал довольно большое воззвание к солдатам и матросам, которое называлось „Организуйтесь“. Вот текст этого воззвания:

„Уже второй год идут по всей России забастовки, бунты и восстания. Весь угнетенный и обездоленный народ, рабочие и крестьяне, поднялись против царского правительства и помещиков. Но народные угнетатели и кровопийцы, царь и его чиновники, еще справляются с народом, не дают ему разбить свои оковы. Причина в том, что царское правительство имеет вооруженную силу, войско, и обращает его против народа.

Но солдаты все более и более начинают понимать, что нельзя итти против народа, что народные требования справедливы. За войском только и остановка, а то уже давно народ победил бы царское правительство. Свет сознания проникает в казармы, но одного сознания мало. Недостаточно сознавать, что надо поддерживать народную борьбу — надо суметь это сделать. Каждый отдельный солдат без других ничего поделать не может. Если даже все солдаты, положим, в роте будут сознательны, но, если они не сговорятся между собою, то начальство всегда сумеет с ними справиться и принудить их к повиновению.

Значит, для успеха дела солдатам нужно прежде всего объединиться, столковаться между собою и выбрать людей, которые могли бы распоряжаться. Все это называется организацией. Когда все сознательные солдаты сплотятся воедино и установят связь с другими частями войска, они смогут тогда повернуть дело по-своему, и никакое начальство ничего с ними не поделает. Единение — огромная сила. Разберем же, как солдатам объединиться, как устроить свою солдатскую организацию.

В каждой отдельной части, в роте, эскадроне, сотне и батарее, все солдаты хорошо знают друг друга. Знают, кто хорошие, кто дурные. Кто сознает, что надо стоять за народ, кто не понимает этого; известно, кто постоит за товарищей, а кто может предать товарищей и доносить начальству. Так вот пусть все самые созна-

тельные солдаты, которые доверяют один другому и держатся одних и тех же взглядов, — пусть они согласятся между собой всегда действовать сообща и поддерживать друг друга. Они должны составлять из себя постоянное сообщество. Время от времени, смотря по надобности, они должны собираться и обсуждать промеж себя, как им действовать. Такое постоянное сообщество будет называться ротным, или эскадронным или батальонным союзом. Пусть ротный союз обсуждает все события как в народной жизни, так и в солдатском быту, чтобы совместно выяснить их и потом растолковать остальным, несознательным товарищам.

Члены ротного союза должны при каждом удобном случае просвещать своих товарищей по роте, разъяснять им, за что борется народ, почему солдаты не должны итти против народа, доказывать им, что солдатам надо сплотиться воедино и помочь народу в борьбе за волю и землю. Своим поведением и отношением к товарищам члены ротного союза должны внушить к себе уважение всей роты и постараться добиться, чтобы вся рота слушала их, брала с них пример. Принимать в ротный союз людей надо с большой опаской, только верных и вполне сознательных, на которых можно положиться. Остальные солдаты в роте не должны знать, кто участвует в ротном союзе, от них надо скрывать это, чтобы кто-нибудь из них, по глупости или по злобе, не донес об этом начальству. Надо сохранить строгую тайну также и о том, что обсуждается в ротном союзе.

Если будет существовать такой ротный союз, то скоро ему удастся через постоянные беседы и через распространение и чтение газет, книжек и листков, пробудить сознание во всей роте. Половина дела этим уже будет сделана. Когда наступит пора действовать, так тогда ротный союз сможет увлечь за собой всю роту и повести ее против врагов народа.

Пока ротный союз не велик, состоит всего из нескольких человек, ему удобно руководить всем делом, удобно часто собираться и сговориться между собою. Но когда состав ротного союза увеличится, тогда придется выбрать из членов союза для постоянного руководства несколько человек, от трех до восьми. Эти несколько человек образуют ротный комитет. Ротный комитет будет сноситься с другими частями и с революционной военной организацией, будет получать и распространять литературу, газеты книжки, листки, будет направлять и руководить революционным просвещением остальных товарищей и заменять ротный союз во всех тех случаях, когда нельзя его созвать. Ротный комитет будет для сознательных солдат как бы своим выборным начальством, которое во время борьбы будет направлять деятельность всей роты. Конечно, при открытых выступлениях придется по-военному сделать расчет солдатам, выбрать отделенных и взводных и командира всей роты. Члены ротного комитета и ротного союза, как более сознательные и влиятельные люди в роте, скорее всего и будут выбраны на эти места. Такая организованная рота сможет не

только отказаться от повиновения офицерам, но сумеет и сама выступить против властей и открыто перейти на сторону народа. Если же организации не будет, то как бы ни сознательны были солдаты, они ничего не смогут сделать: один будет надеяться на другого, не будет знать, как и что делать, кого слушаться. И будет такая рота, как стадо без пастуха. А начальству только того и надо, чтобы солдаты не знали, как им действовать, — тогда не трудно с ними и справиться.

Но ротной организации — союза и комитета — еще недостаточно, необходимо установить постоянную связь между отдельными частями. Ротный комитет каждой роты должен сноситься с комитетами других рот, чтобы сговориться действовать вместе и передавать друг другу все нужные сведения. Так как ротным комитетам в полном составе сноситься между собой неудобно, то каждый ротный комитет должен для сношения с другими ротами иметь одного представителя и одного замещающего его. Все представители ротных комитетов одного полка, батальона, экипажа или бригады [1] образуют вместе полковой, батальонный, экипажный или бригадный [1] комитет.

Такой комитет будет объединять и направлять всю деятельность в полку, батальоне, экипаже или бригаде. [1] Для безопасности члены полковых и подобных им комитетов не должны быть известны никому, кроме ротных комитетов и должны скрывать о своих собраниях и о своих делах. Полковой комитет свяжет как бы цепью весь полк во единое целое. Все роты тогда могут знать, что делается во всем полку, и полк может принимать общее решение и действовать согласно. Если будет решено открытое выступление полка против правительства, полковой комитет возьмет на себя руководство, выработает предварительно план действий, какой роте, как и что делать. Для командования комитет назначит заранее намеченных солдат, которые будут исполнять обязанности батальонных и полковых командиров.

При дальнейшем росте и развитии организации возможно будет установить связи между целыми полками, но постоянные и правильные сношения между такими крупными частями неудобны, а иногда и вовсе невозможны. Связь между полками и другими частями войска постоянно будет поддерживаться той революционной военной организацией, которая войдет в тесное соприкосновение со всеми частями. Она будет снабжать их литературой, листками, книжками — распространять все нужные сведения и давать указания об общем положении дел. Тайная революционная организация будет поддерживать также связь с рабочими организациями и крестьянством для того, чтобы сообразовать свои военные действия с революционными действиями всего народа.

---

[1] Здесь явная корректурная ошибка: вместо слова „бригада" должно стоять „батарея".

Прим. В. Б.-Б.

Так вот как надо организоваться сознательным солдатам. Такая организация удесятерит их силу и приведет к тому, что армия не только откажется служить народным палачам и мучителям, но сможет обратить свое оружие против самих палачей, против царского правительства, на защиту угнетенного, страдающего народа.

Попытки солдатских восстаний уже и были и всем известны. Одной из главных причин их неуспеха, помимо несвязанности их с общим народным движением, всегда было отсутствие хорошей организации. Беспорядочный солдатский бунт никогда не может иметь успеха. В военном деле самое важное — план, порядок и согласованность действий, и побеждает всегда та сторона, которая имеет лучшую организацию. Лучше всего это показали японцы, которые били наших генералов на каждом шагу. Только хорошая организация и твердое руководство сознательных солдат могут обеспечить успех восстания. При хорошей организации войско будет представлять собою не беспорядочную толпу, которая не знает, что ей делать и кого слушаться, а огромную силу. Перед такой силой, если она сольется с восставшим народом и будет действовать вместе с ним, не устоит царское правительство, даже в том случае, если часть войска останется ему верна.

Итак, за дело, товарищи. Спешите организоваться. Время не ждет. Народное возмущение все растет и ширится, скоро оно охватит весь народ. Армия не должна отставать от народа, она должна помочь ему свергнуть гнет палачей и насильников, добыть свободу и лучшую долю. Каждое промедление вызывает новые потоки крови, невинные жертвы. Рано или поздно народ все равно победит, добьется своего. Так надо помешать поскорее ненужному и жестокому кровопролитию.

Просвещайте ваших несознательных товарищей, убеждайте их переходить на сторону народа, подбирайте наиболее сознательных, образуйте ротные и полковые комитеты. Подготовляйтесь к открытой борьбе, приучайте к этой мысли ваших товарищей.

Время восстания приближается и, если армия не успеет подготовиться к этому, если она не сможет защитить народ от царских палачей, то ответственность за безвинную народную кровь падает на солдат. Неизгладимое клеймо позора и народного проклятия останется на них навсегда. Раньше солдаты не ведали, что делают, когда убивали своих братьев. Теперь оправдания им нет. Оставаться в стороне от борьбы невозможно — придется итти или с народом или против народа. Итти против народа вы можете под командой ваших офицеров — они научат вас, как убивать народ. Но для того, чтобы итти за народ, вы должны суметь сами управлять собой, сами руководить своими действиями. А для этого надо поскорее создать свою крепкую солдатскую организацию". [1]

---

[1] См. „Казарма", орган военной организации при Петербургском комитете, № 7, 5 сентября 1906 г. См. сборник „Казарма", изд. Ленинградского института

Написал я это воззвание потому, что, присутствуя на заседаниях редакции газеты „Казарма", я слышал от многих товарищей, работавших в военной организации, что среди солдат и матросов никак не налаживается организационная связь, что вся наша пропаганда и агитация как-то рассеивается, не отливаясь в более или менее определенную форму. Я немного знал солдатскую среду, знал, как трудно в ней работать, тем более, что большинство из солдат были крестьяне, знал, что унтер-офицеры и фельдфебели со всем другим высшим офицерским составом принимают все меры, чтобы разобщать солдат между собой. Мне казалось, что совершенно необходимо указать солдатской массе самые простейшие принципы организации для той политической борьбы, к которой мы их призывали. Товарищи согласились с моей точкой зрения и предложили мне мою мысль высказать в письменной форме, в виде воззвания к солдатам и матросам. Вот именно эти мои мысли я и отлил в воззвании „Организуйтесь", которое было напечатано в ближайшем номере газеты „Казарма". Но я, должен сознаться, настолько не верил в конспиративность редакции этой газеты, что не только не передал им, как это делали другие, эту мою статью, написанную моим почерком, но переписал ее на машинке в совершенно другой части города у одного мне хорошо известного литератора, в конспиративности которого я был уверен, и эту мою статью я передал не на собрании редакции, а лично тов. Чужаку, при чем просил его не распространяться об имени ее автора.

Ближайшие товарищи, конечно, знали и догадывались, кто написал это воззвание, но дальше это не пошло и, когда меня арестовывали как по „Вперед", так и по другим делам, мне никогда не предъявляли обвинения в написании этого воззвания. Само собой понятно, что провокаторы военно-петербургской организации, к моему счастью, не знали об этой моей статье.

Последний раз упоминание о газете „Казарма" я встретил на военном суде, который разбирал дело петербургской военной организации, куда я был вызван тов. Чужаком в качестве свидетеля. Но об этом военном суде и моем свидетельстве на нем я считаю необходимым написать отдельно в связи с воспоминаниями того времени.

Должен здесь констатировать, что газета „Казарма" велась очень удачно и когда нам удавалось ее распространить, то ее весьма охотно читали рабочие и солдатские массы, и она, конечно, сделала свое большое просветительное, революционизирующее, социалистическое дело в замуштрованной, угнетенной и полутемной солдатской массе. С арестом тов. Чужака и других, находившихся около него товарищей, редактировавших „Казарму" с № 4 по № 9, издание газеты вскоре прекратилось. Вышло еще всего четыре номера. Три из них редактировал Ем. Ярославский, и один — М. Ольминский.

истории ВКП(б), стр. 105—108. Соцэкгиз, 193 л. Это мое воззвание было тогда же выпущено отдельной листовкой и оно после было опубликовано в журнале „Красная летопись", 1925 г. № 3 (14), стр. 94 — 95.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

А

Абрам, партийная кличка Н. В. Крыленко, — 31.
Авилов, Б., — 83.
Адамович, Юлий, подпись Ю. А., псевдоним В. В. Воровского, — 22.
А. Е., см. Елизарова, Ан. Ил., — 24.
Александр Викторович, см. Тимофеев, А. В.
Александр II, — 5.
Александр III, — 96.
Александров, А. А., —5.
Александров, П. А., —124, 125, 126, 127, 128, 131, 132, 133, 135, 136, 137, 138, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 157, 158, 160, 164, 166, 167, 168, 169, 175, 177.
Алексеев, Е. М., — 87.
Алексеев, А., — 36.
Алексеев, Н. А., — 15, 25, 29, 36.
Алексей Максимович, см. Горький, А. М. —36.
Алексинский, Григ., его же подпись Г. А., или Ал. Петр., —19, 22, 24, 25, 29, 84.
Ал. Петр., см. Алексинский, Григ.
Анатолий, он же Казаков, Свиягин, Попов, Бриттман, — 107, 110.
Ангарский, Н. С., Клестов, он же Арк. Ник. Шевтунов он же А. В. Младенников, —84, 89, 90.
Андреева, М. Ф., —15, 36, 170.
Арабидзе, Ал., —87.
Ариа, Ж., —35.
Арнольд, В., — 27, 28, 29.
Архангельская, — 47, 59, 100, 148.

Б

Базаров, В., Руднев, В. А., —29, 38, 54, 70, 86.
Бакунин, М. А., —32, 162.
Балиев, С. А., —70, 85, 86.
Барабанов, —161, 163, 164, 167, 168.
Бахурин, Н. Н., —34.
Бауман, Н. Э., —6.
Бебель, Ав., —16, 35.
Безобразов, В., —89.
Белозеров, Ал., —28, 71.
Белопольский, О. Р., партийная кличка Генрих, —35, 36, 38, 159, 160, 161, 163, 164, 166, 168.
Беляков, А. А., —79, 80, 173.
Бергсон, —39.
Берне, —25.
Бланки, Ог., —35.
Блосс, В., —39.
Богданов, А. А., —29, 38, 54, 70, 162.
Богданович, Ю. Н., —98.
Бондарев, С. И., — 42.
Бонч-Бруевич, Влад. Дмитр., подпись В. Б. Б., —22, 23, 24, 29, 31, 36, 38, 55, 56, 63, 70, 72, 108, 119, 127, 130, 131, 138, 153, 161, 162, 163, 171, 175, 177.
Бонч-Бруевич, Ел. Влад., она же Леля, Леленька, —11, 118, 124 125, 126, 171.
Бонч-Бруевич - Величкина, Вер. Мих., — 11, 15, 19, 118, 121, 124, 126, 127, 130.
Бриттман, он же Свиягин, Казаков, Попов, Анат. Влад. или Анатолий, —104, 107, 108, 109, 110.
Бриттман - Попов, он же Свиягин, Казаков, —109, 110.
Бутовский, Д. А., —113, 114, 115, 116, 117, 118, 151, 155, 156, 157.

В

Вавельберг, Д. В., —76.
Вайнштейн, партийная кличка „Калоша", —178.
Василевский, Л. М., —24, 25.
Васильев, Дм., —29.
В. Б. Б., см. Бонч-Бруевич, Влад., —29.
Вейтлинг, Вильгельм, —71, 162.
Величкина - Бонч - Бруевич, В. М., — 11, 15, 19, 29, 70, 71, 72, 121, 122, 126, 131.
Величкина, В., см. Величкина - Бонч-Бруевич, —29, 71, 72, 121.

Вера Михайловна, см. Величкина-Бонч-Бруевич, В. М.
Веселовский, Б., —24, 39, 83, 87.
Викентьев, —72, 74, 162.
Винавер, М. М., —42.
Виноградова, О. И., псевдоним Ростоцкая, Н., —77.
Виноградов, П., —38.
Владимир, великий князь, — 50.
Владимир Дмитриевич, см. Бонч-Бруевич, Влад., —36, 55, 56, 63, 100.
Владимир Ильич, — см. Ленин, В. И.
Воинов, псевдоним А. В. Луначарского, —70.
„Володька", —55, 49, 56, 57, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 101, 149.
Вольский, А., партийная кличка и литературный псевдоним „Станислав", —20, 72, 84.
Воробьева, У. А., —124.
Воровский, В. В. псевдонимы: П. Орловский, Юлий Адамович, подпись Ю. А., —11, 15, 19, 21, 22, 32, 35, 36, 70.
Воронцев, Н., — 21, 22.
Ворошилов, К. Е., —54.
Врублевский, В., —87.
Вячеслав, —78.

Г

Г. А., подпись Гр. Алексинского, —22.
Гербут-Гейбович, Ст. Ад., —150, 258, 159, 162, 163, 166, 167.
Ге(э)д, Ж., —16, 29.
Генрих, партийная кличка Белопольского, И. Р. —36.
Геркомер, Г., — 35.
Герцен, А. И., —32, 162.
Глаголев, Н., —37.
Г. М., —24.
Голубков, А., —84.
Гольденберг, И. П., псевдоним Мешковский, подпись И. Г. — г., —15, 19, 21, 22, 24, 29, 70.
Горизонтов, вымышленная фамилия, — 81.
Горская, Е. П., —87.
Горький, А. М., — 10, 15, 19, 29, 36, 170.
Гранат, А. и И., —40, 87.
Григорова. Мар. Ив., партийная кличка Нина, —104.
Григорьев, С., псевдоним Турутина, С. Г., —29.
Гри—ий, С., он же С. Г., —79.
Громозова, Л. К., —15.
Гуревич, С., —15.
Гуров П. Я., — 41.
Гусев-Оренбургский, С. И., псевдоним С. Лебедев, —19, 25.

Д

Давыдова, О. А., —71, 73, 162.
Данин или Д — н, псевдонимы А. Я. Коца, —77.
Дан, Ф. И., —81.
Десницкий, —54.
Джапаридзе, С. Д., — 42.
Дивильковский, А. А., —83.
Дитц, — 19, 22.
Д — н, он же Данин псевдоним А. Я. Коца, —77.
Долгин, А. Е., — 35, 160, 161, 162, 163, 164, 166, 167, 168, 175, 176, 177.
Дубровинский, партийная кличка Иннокентий, —54.
Дубровский, А., —24.
Дурново, — 6.
Д. Ш., —28, 71.

Е.

Елизарова (Ульянова), Ан. Ильин., подпись А. Е., — 19, 24, 70.
Енько. —89.

Ж

Жан-Бро, —35.
Жилкин, И. В., —42.
Жордания, Н. П., — 42.

З

Завьялов, А., —73.
Зеест, В. В., —113, 114, 115, 116.
Зиновьева, З. И., —33.
Зиновьев, Г. Е., —15, 54, 107, 108.

И

И. Г—г. (Иосиф Гольденберг), — 21, 22, 24.
Икс, псевдоним П. Маслова, —90.
Ильин, Вл., псевдоним Влад. Ленина 90.
Инокентий, партийная кличка Дубровинского, —54.
Иосиф Романович, см. Белопольский.
Ираши, см. Мордовина, М. В. или М. М., —73.

К.

Казаков - Свиягин, Бриттман - Попов Анат. Влад., или Анатолий, — 104, 105, 107.
Калоша, партийная кличка т. Вайнштейна, —68, 69, 173.
Камаев, И., —73.

Каменев, Ю. (Л. Б.), он же К—в, Юрий, —29, 54, 78, 81.
Камо, партийная кличка тов. Тер-Петросяна, С. А., —69, 171.
Камышанский, —5, 125. 128, 130, 131.
Кармен, —28, 40, 72, 73, 162.
Катауров, М. М., 35, 168.
Каутский, К., —29, 35, 72, 162.
К—в, Юрий, см. Каменев, Юрий, он же Л. Б. Каменев, — 81.
Керов, М. И. — 89, 90.
Кипер, Г. К., —87.
Клейнборт, Л., —15.
Клестов, Н. С., он же Н. С. Ангарский, Арк. Ник. Шевтунов, он же А. В. Масленников, —89, 90.
Кобозев, —98.
Кожевников, —87.
Коэман, М. С., —87.
Кокошкин, Ф. Ф., —42.
Кордэ, Шарлотта, —35.
Корчагин, В. Д., — 87.
Коц, А. Я., его псевдонимы: Д—н (Данин), —77.
Крамаров, Г., —110.
Крамольников, Г. И., сокращенная подпись Кр—ов., —70, 72, 73.
Кр—ов, см. Крамольников, — 72, 73, 162.
Красин, Л. Б., партийная кличка Никитич, —15, 17, 34, 36, 44, 51, 54, 57, 58, 59, 62, 68, 69, 170, 171, 178.
Красов, —24.
Кашенников, Н. С. —5, 30, 31, 158, 169, 175, 176, 177.
Кропоткин, П. А., —35, 176.
Крумбюгель, Л., — 87.
Крупская, Надежд. Конст., —17, 54.
Кручинина, Л., псевдоним Л. П.
Кранихфельд-Мандельштам, —35, 36
Крыленко, Н. В., партийная кличка Абрам, —31, 54.
Ксандров, Вл. Ник., —173.
К. Т., — 78.
Кшесинская, —174.

Л

Лавров, П. Л., —10, 35.
Ланг, Отто, —29.
Лассаль, Фер., —35.
Латейзен, Г. Д., —74.
Лафарг, П., — 16, 29.
Лебедев, С., псевдоним И. С. Гусева-Оренбургского, —25.
Левин, К., —84.
Левин. М. И., партийная кличка Михаил, —33, 34, 170, 171, 172.
Левый, К., —24, 25.
Леля, Леленька, см. Бонч-Бруевич, Ел. Влад.
Ленин, В. И., партийная кличка „Старик", он же Ильин, В., Тулин, —3, 4, 6, 9, 10, 11, 12, 13 14, 15, 17, 19, 29, 32, 33 34, 35, 37, 38, 39, 42, 54, 70 71, 72, 73, 75, 79, 80, 81 83, 89, 90, 91. 106, 107, 108, 111, 170.
Леонид Борисович, см. Красин, Л. Б., —58.
Лесков, Н., —122.
Лещенко, Д. И., —36.
Либкнехт, Вильг., —35.
Линдв, В. (Г.), —29, 72, 74, 162.
Литвинов, М. М., партийная кличка Папаша. —55, 56, 57, 58, 59, 60, 61.
Лосицкий, А., —39.
Лоффредо, —35.
Луи Поль, —20.
Луначарский, А. В., —15, 16, 29, 35. 36, 54, 70, 72.
Лундорф, —170.
Лурье, И. Я., —75, 76, 170.
Львович, издатель, —36, 40.
Львов, И. Я., —16, 17, 18, 19, 22, 25, 28 30.
Любимов, С. В., —76, 116, 117, 151.

М

Малых, М., —33, 39, 86.
Мандельштам, Л. П., псевдоним Кручинина, Л. П., —36.
Мануйлов, А. А., —24.
Марат, —35.
Мария Сергеевна, см. Тимофеева, М. С.
Маркс, Карл, —10, 11, 16, 24, 32, 35, 73, 85, 86, 89, 90.
Мартов, Л., — 78.
Масленников, А. В. он же Шевтунов, Арк. Ник., он же Ангарский, он же Клестов., —89, 90.
Медведев, А., —83.
Менжинские, сестры, —54, 100.
Мешковский, псевдоним Гольденберг, И. П., —15, 19, 70.
Милович, П., —28.
Минин, М., псевдоним М. Л. Хесина, —72.
Минин, С.— 72, 74, 162.
Минский, Н. М., —10.
Мирон, —44, 45, 115.
Михаил, партийная кличка М. И. Левина, —34, 38.
Михайлов, А. Д., —91.
Михайлович, см. Свердлов, Я. М
Миша, см. Юров, М.
М. М., —84.
М. М., см. Мордовина, М. В., —73 162.

Мордовина, М. М., ее псевдонимы М. М. и Ираши, —73.
Мотобер, —35.
Мункачи, —35.
Мухина, О. А., —16, 17, 18.
М Э. 72.
Мягков, Еф. Дм., —41.

Н

Нагурский, —161, 162, 167, 176.
Надежда Константиновна, см. Крупская, Н. К., —54, 100, 170.
Насимович, Н. Ф. его псевдоним Н. Чужак, —16, 103.
Недзвецкий, Зигмунд, —24.
Некрасов, Н. А., —61.
Никитич, партийная кличка Л. Б. Красина, —17, 34, 51, 54, 57, 58, 62, 105, 113, 170, 171, 172.
Николай II-ой, —13, 42.
Никольская, издательница, —36.
Нина, она же Григорова, Мар. Ив. — 104, 172.
Нович, Н., —22.
Ногин, В. П., —15.
Ногин, П. П., —95, 102, 103, 118, 119, 122, 126, 127, 131, 132, 134, 135, 138, 144, 147, 148, 150, 152, 154, 155, 159, 167, 177.
Н. Ч., — см. Чужак, Н., —24.

О

Огарев, —32, 162.
Окулов, А., —28, 71.
Ольминский, М. С., —15, 19, 21, 25, 29, 39, 40, 70, 71, 72, 102, 119, 162, 185.
Орловский — псевдоним Воровского, Вац. Вац., —11, 15, 19, 21, 22, 28, 29, 32, 35, 36, 71.
Острогорский, А. Я.,— 87.
Оуэн, Р., —35.

П

Павел Павлович, — см. Ногин., П. П.
Павлович, А., псевдоним Красикова, П. А., —29.
Палькин, —12.
Пан(л)экэк, —72, 162.
Папаша, партийная кличка М. М. Литвинова, —50, 56, 57, 100. 101.
Пель-мель он же Пельмен, он же А. Э., он же А. Зав ялов, —70, 71, 72, 73, 162.
Первухина, Ал. Ник., —148.
Первухин, Евг. Порф., —148.
Петров, С., псевдоним Войтинского,— 29.
Петр Петрович, см. Румянцев, П. П.
Пирожков, М. В., —87.
Плеханов, Г. В., —32, 72, 79, 86, 89, 106, 107, 162.
Побед носцев, К. П., —20.
Подвойский, Н. И., —90.
П—ой, —25.
Покровский, М., —84.
Попов, А. В., он же Анатолий, Свиягин, Казаков, Бриттман, —104, 107, 109, 110, 172.
Попов, П., —83.
Попова, О. Н., —87.
Поставовский, — 54.
П. П. подпись П. П. Румянцева, см Румянцев, П. П., — 21, 22.
Пчела, кличка И. Н. Рябкова, — 48, 49, 173.
Пушторский, А. П., —148, 170, 171 172.
Пятницкий, К, П., —16, 37.

Р

Радомысльский, он-же Г. Е. Зиновьев — 15.
Распопов, —36.
Рейснер, — 15.
Родичев, —176.
Рожков, Н. А., —29, 72, 84, 172.
Розен, М., —72, 73, 74, 162.
Романов, Н., —29.
Ростоцкая, Н., псевдоним О. И. Виноградовой, —77.
Реадзе, А. И., —5, 31, 32, 176.
Руднев, В. А., см. Базаров, В., —86.
Румянцев, П. П.. подпись П. П., а также П. Р—цев, —10, 12, 14, 15, 16, 21, 22, 24, 29, 35, 36, 82.
Р—цев, П., см. П. П. Румянцев, —82.
Рюле, О., —35.
Рябков, И. Н., партийная кличка Пчела, —48, 49, 173, 174.
Рязанов, М. Е.—15.

С

Салтыков, —89.
Сазонов, Егор, —106, 107.
Свердлов, Я. М., —15.
Свидерский, А., —29.
Свиягина, она же Шендорович, Фани, —107, 108.
Свиягин, он же Казаков, Бриттман, Попов, Анатолий Влад. или Анатолий, —104, 105 106, 107. 110, 172.
С. Г. —он же С. Гри—ий, —79.
С—ева, Е., —24.
Семенов, М. И., —87.
Семенов, Т. —29.

Скворцов, см. Степанов-Скворцов, И. И.
Скиталец, псевдоним Петрова, — 19, 29.
Скирмундт, —33, 39, 87.
Смирнов, —72, 134, 150, 162.
С. Т., —24.
Станислав, партийная кличка А. Вольского —72, 84.
Старик, партийная кличка Ленина, В. И., —34.
Стасюлевич, М. М., —177.
Статковский, П. С., —69, 94, 95, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 110, 112, 116, 117, 125, 126, 127, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 158.
Стеклов, Ю. М., —15.
Степанов-Скворцов, И. И., —15.
Столыпин, П. А., —3, 5, 6, 29, 38, 51, 169, 176, 180.
Струве, П. Б., —90.

Т

Теодорович, —54.
Тер-Петросян, С. А., его партийная кличка Камо, —171.
Т-ко, — 22.
Тимофеева, М. С., —105.
Тимофеев, А. В., —105, 127, 128, 176.
Тихонович, И. Н., —76, 169.
Толстой, Л. Н., —51.
Томсинский, С. Г., —42.
Тулин, псевдоним Вл. Ленина, —88.
Турутин, Г. С., его псевдоним Григорьев, С., —29, 31, 32, 130, 160, 161, 163, 164, 167.
Тютчев, Н. С., —39.

У

Улановский, —170.
Ульянова (Елизарова), Анна Ильин., — 19.
Успенский, Г. И., —61.

Ф

Федоров, А. М., —129.
Федосеев, Н. Е., — 111.
Финн-Енотаевский, —15, 29.
Фурье, —35.

Х

Херасков, И., —84.
Хесин, М. Л., его псевдоним М. Минин. — 72.
Хирьяков, А. М., —44, 45, 46.

Ц

Цейтлин, —174.
Цеткина, К., —35.
Циммерман, А. Г., —26, 30.

Ч

Череванин, - 78.
Чернский, Е, —28, 71.
Чириков, Е. Н., —19, 25 29.
Чужак, Н. псевдоним Н. Ф. Насимовича, (подпись Н. Ч.), —16, 18, 19, 22, 24, 29, 103, 104, 185.

Ш

Шахматов, Ал. Ал., —121, 126.
Шевтунов, Акр. Ник. он же А. В. Масленников, он же Н. С. Ангарский, он же Клестов, —89.
Шендерович, Фани, она же Свиягина. — 107, 108.
Шлихтер, А., —15.
Шмидт, Петр, —32.
Шнеерсон, —89.

Щ

Щегловитов, —5.
Щедрин, Н —31.
Щетинин, Н. С., —87.

Э

Энгельс, Фр. —16, 35, 73, 89.

Ю

Ю. А., —22.
Юров, М. —21, 22, 23, 34, 45, 55, 56, 63, 139.
Юшкевич., П., — 84.

Я

Ярославский, Е. М. —185.
Яшнов, Е., —21, 22, 29, 72, 73, 162.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ГАЗЕТ, ЖУРНАЛОВ, АЛЬБОМОВ, КНИГ И СТАТЕЙ

А

Авилов, Б. Чего ждать от новой государственной думы,— 83.
А. З. Из лагерной жизни,— 73.
Ал. [ексинский], Петр. Наша программа (программа максимум и минимум РСДРП),— 84.
Алфавитный указатель книгам и брошюрам, а также нумерам повременных изданий, арест на которые утвержден судебными установлениями по 1 января 1913 года. (Изд. 2-ое),— 78, 82, 83, 86, 90, 157, 158.
Armand Dayot. L'ièrvasion. Le Siège 1870. La Commune 1871,— 20.
Armand Dayot. La Révolution Française, — 20.

Б

Батурин, Н. Очерк истории социал-демократии в России,— 84.
Бебель, Авг. Восьмичасовый рабочий день,— 35.
Бебель, Авг. Политическая массовая стачка и социал-демократия, — 35.
Бебель, А. Постоянная армия и народная милиция,— 16.
Бебель, А. Христианство и социализм, — 35.
„Библиотека наших читателей", журнал,— 24, 27, 39, 71.
Блос, В. Французская революция,— 39.
Богданов, А. А. Что такое либералы? — 162.
Бонч - Бруевич, Влад. Избранные произведения русской поэзии, изд. 3-ье, — 177.
Бонч-Бруевич, Влад. Как печатались за границей и тайно доставлялись в Россию запрещенные издания нашей Партии,— 15.
Бонч-Бруевич, Влад. На славном посту,— 15.
Бонч-Бруевич, Влад. Нелегальная поездка в Россию,— 30.
Бонч-Бруевич, Влад. Организуйтесь! — 181, 185.

Б

Величкина, В. Вильгельм Вейтлинг,— 7, 162.
Веселовский, Б. Новые законы о земле, — 83.
„Вестник жизни", журнал,— 39, 77.
„Вестник знания", журнал,— 28.
Викентьев. Как французы добывали себе свободу,— 7., 162.
„Вопросы тактики", выпуск I-ый,— 78.
„Вопросы тактики", вып ск. II-ой,— 78.
„Вперед", с.-д. большевистская газета (1905 г. Женева),— 13, 21, 109.
„Вперед", с.-д. большевистская газета (1906 г. Петербург),— 39.
Выборгское воззвание, см. „Народу от народных представителей",— 42, 44, 45, 47, 49, 50, 51.
Вячеслав. Перед пятым съездом,—78.

Г

Голубков, А. Утопический и научный социализм,— 84.
Государственная дума и социал-демократия,— 81.
Гри—ий, С. „Ка-деты во второй думе", материалы и справки. Выпуск I-ый, — 79.

Д

Давыдова, О. Два дня. (Из хроники октябрьских дней),— 71, 73, 162.
Дан. Ф. Государственная дума и пролетариат,— 81.

Декларация Российской социал-демократической рабочей Партии,— 82.
Деятельность социал-демократической фракции во второй государственной думе, — 82.
Дивильковский, А. Какие права у крестьян,— 83.
Д—н. Песни пролетариев,— 77.

Ж

„Жизнь", с.-д. журнал (Париж),— 25, 77.
„Жизнь", журнал (в Петербурге 1906 г.),— 28, 29.
Жорес, Ж. История французской революции,— 37.

З

Завьялов, А. Из лагерной жизни,—73.

И

Имела-ли Партия центральный Комитет в 1906-7 гг.?— 39.
„Интернационал", гимн,— 77.
„Искра", газета,— 88, 90, 109.

К

Ка-деты во второй думе. Выпуск II-ой, — 79.
„Казарма", газета,— 104, 112, 132, 133, 178 — 185.
Каменев, Ю. Блок вчерашнего дня, — 78.
К-[амене]в, Юрий, За бойкот,— 81.
Кармен, За что? — 40, 72, 73, 162.
„Каторга и ссылка", журнал,— 110.
Каутский, К. Коммунистический манифест — плагиат,— 72, 162.
Каутский, К. Мангеймский партейтаг. — 72, 162.
Каутский, К. Наука, жизнь и этика,— 72, 162.
Каутский, К. Нет больше социал-демократии!— 35.
Каутский, К. Русский и американский рабочий. Под ред. и с предисл. А. Луначарского,— 72.
Клейнборт, Л. Капитализм и еврейский вопрос,— 16.
Крамаров, Г. Памяти А. В. Попова,— 110.
Кр[амольник]ов, Г. И. Программа занятий в кружке высшего типа,— 70, 72, 73, 162.
„Красная летопись", журнал,— 185.
К. Т. Меринг о второй думе,— 78.

Л

Лассаль. Рабочий вопрос,— 35.
Лассаль, Фр. Собрание сочинений,— 37.
Лафарг, П. и Гед, Ж. Программа рабочей партии,— 16.
Левин, К. Политические партии в России. С предисловием М. Покровского,— 84.
Легин, Профессиональное рабочее движение в Германии за последние 10 лет,— 72.
Ленин, Н. Выборы в Петербурге и лицемерие 31 меньшевика,— 79.
Ленин, Н. Выступление Мартова и Череванина в буржуазной печати. Рассказ о том, как некие с.-д. пользуются буржуазными, ка-детскими газетами в роде „Товарища", а через него и „Нового пути", для распространения ложных сведений о революционной социал-демократии. Опровержение.— Оценка.— Выводы. — 78.
Ленин, Н. Государственная дума и социал-демократическая тактика, — 81.
Ленин, В. И. Доклад о третьем съезде партии,— 32.
Ленин, В. И. За двадцать лет,— 89.
Ленин, Н. За 12 лет,— 88, 89.
Ленин, Н. Как не следует писать революции, статья,— 78.
Ленин, Н. К деревенской бедноте,— 86.
Ленин, Н. Неправда, распространяемая Л. Мартовым через посредство буржуазной печати,— 78.
Ленин, Н. Нужды деревни (к деревенской бедноте), — 86.
Ленин, В. И. Перед бурей,— 42.
Ленин, Н. Пересмотр аграрной программы рабочей партии,— 71.
Ленин, Н. Г. Плеханов о тактике социал-демократии, — 72, 162.
Ленин, В. И. Победа ка-детов,— 32, 71,
Ленин, В. И. Полное собрание сочинений, т. X (второе изд.)—39, 42, 43.
Ленин, Н. Против бойкота (из заметок с. д. публициста),— 81.
Ленин, Н. Развитие капитализма в России,— 89.
Ленин, Н. Роспуск думы и задачи пролетариата,— 78.
Ленин, Н. Сердитая растерянность,— 78.
Ленин, Н. Социал-демократия и выборы в думу, — 79.
Ленин, Н. Социал-демократия и избирательные соглашения,— 72, 162.
Ленин, Н. Услышишь суд глупца... (Из заметок с.-д. публициста),— 79.

Ленин, Н. Шаг вперед, два шага назад,— 88.
Ленинские сборники,— 73.
Лесков, Н. Запечатленный ангел,—122.
Лесков, Н. Мелочи архиерейской жизни, — 122.
Лесков, Н. Соборяне,— 122.
Либкнехт, К. Мартовские дни 1848 и 1871 гг.,— 35.
Либкнехт, К. Революция в Париже в 1848 г.,— 35.
Линдов, Г. Борьба за избирательное право во Франции,— 72, 162.

М

Манифест к армии и флоту, — 42, 43.
Манифест ко всему российскому крестьянству,— 43.
Маркс, К. К критике политической экономии; перевод с немецкого П. П. Румянцева под редакцией А. А. Мануйлова. Издание Владимира Бонч-Бруевича, Москва, 1896 г. (I и II изд.),— 10, 24.
Маркс, К. Zur Kritik der Politische Oekonomie,— 24.
Маркс, К. и Энгельс, Ф. Манифест коммунистической партии, — 16, 85, 86.
Медведев, А. Крестьяне и рабочие,— 83.
Международное социалистическое бюро о продолжительности рабочего дня. Перевод с франц. М. Э. под редакцией В. Величкиной,— 72, 162.
Милевич, Л. Агашин конец, стихотворения Д. Ш., Ал. Белозерова и К. Чернского и А. Окулов. Там на углу (сборник),— 71.
Минин, М. Чему учат социал-демократы,— 72.
Минин, С. Л. „Город-боец", шесть диктатур 1917 г. Воспоминания о работе в Царицыне,— 74.
Минин, С. Письма к пролетарию (О программе партии социал-революционеров),— 72, 74, 162.
М. М. Буржуазия и пролетариат в революциях 1830 — 1848 гг. во Франции,— 84.
М. М. Красная сотня,— 71, 73, 162.

Н

Народу от народных представителей, см. Выборгское воззвание,— 42.
„Наша жизнь", газета,— 64.
„Наша мысль", журнал,— 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 34, 35, 71, 73.
„Новая жизнь", с. д. большевистская газета,— 10, 11, 12, 13, 14, 19, 37, 170.
„Новый путь", газета,— 78.

О

О бойкоте третьей думы,— 81.
Образование, журнал,— 39.
Ольминский, М. Памяти погибших, — 72, 162.
Ольминский, М. После одиночки,— 39, 40, 71, 73, 162.
Орловский, Государственная дума и рабочий класс,— 35.
Орловский, П. Кадетская партия и Государственная дума,— 32, 70.
Орловский, П.— 1) Кадеты в думе и 2) Возникновение рабочего класса, — 71.
Ответ польских социал-демократов Плеханову по вопросу о чрезвычайном съезде росс. с.-д. рабочей партии,— 79.
„Отзвуки", журнал,— 29.

П

Паниэкэк. Раздел добычи,— 72.
Пель-мель. Среди военных,—71, 72, 162.
Плеханов, Г. В. За двадцать лет,— 89.
Покровский, М. Экономический империализм,— 84.
Попов, П. Сколько земли в России и кто ею владеет?— 83.
„Правда", газета с. д. большевиков,— 109.
„Приказчик", журнал,— 28.
„Пролетарий", с. д. большевистская газета,— 21, 42, 90.
„Пролетарская революция", журнал,— 48.
„Просвещение", с. д. журнал большевиков,— 40.
Процесс первого совета рабочих депутатов, — 37.

Р

Родословное дерево современного социализма,— 35.
Рожков, Н. Аграрный вопрос в России и его решения в программах различных партий,— 84.
Рожков, Н. Как идет крестьянское движение в России,— 72, 162.
Рожков, Н. Капитализм и социализм, — 84.
Розен, М. Очерки положения торгово-промышленного пролетариата в России,— 72, 73, 162.
Ростоцкая, Н. Потемкинские дни,— 77.

Р[умян]цев, П. Крестьянские союзы, — 83.
Р[умян]цев, П. Сколько земли нужно крестьянину, брошюра,— 82.
Рюле, О. Какой должна быть народная школа,— 35.
Рябков, И. Статья о газете „Пчела", — 48.

С

„Северный край", газета,— 73.
„Сельскохозяйственный листок",— 28.
[Смирнов]. Краткий народный словарь, — 72, 162.
„Социалдемократ", газета,— 103.
Список книг и брошюр, подлежащих аресту, составленный на 1 января 1907 года, — 78.
Станислав (А. Вольский) Социализм и русская община,— 72, 162.
Станислав (А. Вольский). Теория и практика анархизма,— 84.
Судебные уставы Александра II,— 5.

Т

„Товарищ", газета,— 78.
Томсинский, С. Г. Борьба классов и партий в государственной думе,— 42.

У

Устав организации фракции РСДРП в государственной думе,— 82.

Х

Херасков, И. Крестьянство в буржуазных революциях,— 84.

Ц

Цеткина, К. Школьный вопрос,— 35.

Ч

„Червонный штандарт", журнал,— 79.
Что читать рабочему и крестьянину? — 162.

Ю

Юшкевич, П. Теория и практика синдикализма,— 84.

Я

Яшнов, Ев. В каменном городе,— 72, 162.
Яшнов, Ев. В столице,— 72.
Яшнов, Ев. Голоса молодости,— 72, 162.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ИНСТИТУТОВ, ИЗДАТЕЛЬСТВ, КНИЖНЫХ СКЛАДОВ, КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ, ТИПОГРАФИЙ И Т. П.

А

Алексеевой, Е. М., издательство,— 87.
Амиранд, издательство,— 87.
Арабидзе, Ал., издательство,— 87.

Б

„Бакинское издательское т-во",— 87.
Безобразова, В. и КО, типография,— 89.
„Безопасность", склад,— 174.
„Библиотека для всех", издательство, — 87.
„Библиотека марксизма", издательство, — 87.
„Библиотека марксиста", издательство, — 39.
„Боротьба", издательство,— 87.
„Борьба классов", издательство,— 79.
„Буревестник", издательство в Краснодаре,— 42.
„Буревестник", издательство в Одессе. — 33, 36, 40.

В

Веселовского, Б., издательство,— 39.
„Возрождение", издательство,— 87.
„Вперед", издательство в Петербурге, — 37, 39, 40, 41, 57, 70, 71, 72, 89, 90, 91, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 166, 167, 174, 177.
„Вперед", издательство в Одессе,—15.
„Вперед", центральный книжный склад и магазин в Петербурге,— 28, 29, 32, 36, 37, 39, 40, 42, 43, 45, 54, 60, 61, 64, 68, 70, 79, 98, 106, 110 116, 119, 131, 150, 158, 159, 160, 162, 164, 167, 169, 170, 171, 174, 175, 177, 178, 179, 185.
Врублевского, В., издательство,—87.
„Вторая дума", издательство,— 79.

Г

ГИЗ,— 42.
„Голос", издательство,— 40.
Горской, Е. П. издательство,— 87.
„Гранат", бр. А. и И. и КО, издательство, — 40, 87.
„Гудок", издательство,— 87.

Д

„Дело", издательство,— 87.
„Дело", партийная типография, — 28, 79, 80, 83, 89, 116, 173, 178, 179.
„Демос", издательство,— 87.
„Дешевая библиотека" товарищества „Знание",— 15, 16.
„Донская речь", издательство,— 87.

Ж

„Жизнь", издательство (СПБ),—87.
„Жизнь и знание", кооперативное издательство, в Москве,—15, 16.

З

„Зарница", издательство,— 87.
„Заря", издательство, — 87, 88.
„Заря будущего", издательство,— 87.
„Звено", издательство,— 89.
„Земля", издательство,— 89.
„Зерно", издательство,— 79, 87, 89.
„Знание", издательство в Петербурге, — 15, 16, 33, 36, 37, 40.

И

Институт Ленина,— 73.
Институт Маркса - Энгельса - Ленина,— 73, 89.
Истпарт,— 10.

К

Кипера, Г. К., издательство,— 87.
„Книжное дело", издательство,— 86.
Кожевникова, издательство,— 86.
Козмана, М. С., издательство,— 87.
„Колокол", издательство,— 39.
„Красное знамя", издательство,— 87.
„К свету", издательство,— 39.

Л

„Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики социал-демократии", издательство,— 83, 84.
„Летописец", издательство,— 87.
Лосицкого, А., издательство,— 39.
„Луч", издательство,— 87.
Львовича, издательство,— 36, 40.

М

Малых, М., издательство,— 33.
„Марксист", издательство,— 37, 71, 72.
„Мир", издательство,— 87.
„Молодая гвардия", издательство,—30.
„Молодая Россия", издательство,— 87.
„Молот", издательство,— 15, 36, 39, 40, 70, 85, 86.
„Мысль", издательство,— 87.

Н

„На разные темы", издательство, О. Н. Поповой,— 87.
„Наша мысль", издательство,— 32, 39, 71, 177.
„Наш голос", издательство,— 77.
Никольской, издательство,— 36.
„Новая волна", издательство,— 78.
„Новая дума", издательство,— 79.
„Новое московское книгоиздательство", — 87.
„Новый голос", издательство,— 87.
„Новь", издательство,— 87.
„Новый мир", издательство,— 36, 39.

О

„Образование", издательство,— 39, 87.
„Общественная польза", издательство, 40, 87, 89.
„Организация", издательство,— 87.
„Организационной комиссии по созыву профессиональных союзов", издательство,— 87.
„Орион", издательство,— 39.
„Освободительная библиотека" В. Д. Корчагина, издательство,— 87.
„Освобождение труда", издательство, — 87.

П

„Паллада", издательство,— 39, 89.
„Перевал", издательство,— 87.
Пирожкова, М. В., издательство,— 87.
Поповой, О. Н., издательство,— 87.
„Правда" (Киев), издательство,— 87.
„Практик", издательство,— 40, 87.
„Прибой", издательство,— 10, 74.
„Проблемы культуры", издательство, — 87.
„Пролетариат", издательство,— 39, 87.
„Пролетарское дело", издательство, — 78, 81.
„Прометей", издательство,— 87.
„Пульс жизни", издательство,— 87.

Р

„Работник", издательство,— 40.
„Рабочий депутат", издательство,—87.
„Рабочий", издательство,— 87.
„Рабочий народ", издательство,— 87.
Распопова, издательство,— 36.
„Рассвет", издательство,— 87.
„Русская мысль", книжный склад,— 24.

С

„Свет", издательство,— 82.
„Свобода и право", издательство,—87.
„Свободная пресса", издательство,— 87.
„Свободная речь", издательство,— 87.
„Свободный труд", издательство,— 87.
Семенова, М. И., издательство,— 87.
Соединенное издательство „Марксист", „Наша мысль" и „Утро" см. книгоиздательство „Вперед",— 37.
„Социал-демократ", издательство,—40, 87.

Т

„Творчество", издательство,— 87.
„Трибуна", издательство,— 40, 87.
„Труд и воля", издательство,— 87.
„Труд", издательство Скирмундта, — 33, 87.
„Труд", книжный магазин Скирмундта, — 79.

У

„Утро", издательство,— 35, 36, 37, 39, 71, 72, 102, 159.

Ц

„Центральный книжный склад, магазин и книгоиздательство „Вперед", см. „Вперед", центральный книжный склад, магазин и книгоиздательство, — 32, 39, 40.

Ш

„Шиповник", издательство,— 87.

Щ

Щетинина, Н. С., издательство,— 87.

Э

Электропечатня т-ва „Дело", Фонтанка, 96 (в Петербурге), партийная типография,— 28.
„Эпоха", издательство,— 39, 87.

ЦЕНА 2 РУБ.

Переплет 80 коп.